

[Polaris]

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

АЭРОТОРПЕДЫ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ
НАЗАД

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXVII

Salamandra P.V.V.

**Владимир
Владко**

**АЭРОТОРПЕДЫ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ
НАЗАД**

Фантастический роман

Salamandra P.V.V.

Владко В. Н.

Аэроторпеды возвращаются назад: Фантастический роман. Пер. С. Гоголина и М. Фоменко. Илл. В. Невского. Комм. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 305 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXVII).

Впервые на русском языке — уникальная книга: уничтоженный роман классика украинской и советской фантастики В. Владко «Аэроторпеды возвращаются назад». В событиях романа, предсказавшего войну СССР с капиталистическими державами, ясно угадывались будущие противники — включая фашистскую Германию и Японию. Однако в 1934 г. роман оказался «не ко двору». Практически все напечатанные экземпляры книги были уничтожены, о романе десятки лет умалчивали и советская библиография, и автор, а случайно уцелевший текст не был до сих пор доступен ни русскому, ни украинскому читателю.

© V. Vladko, estate, 2015

© S. Gogolin, M. Fomenko, перевод, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

В. ВЛАДКО

АЕРОТОРПЕДИ ПОВЕРТАЮТЬ НАЗАД

ДИТВІДАН

Владимир Владко

**АЭРОТОРПЕДЫ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ
НАЗАД**

Илл. В. Невского

В. ВЛАДКО

АЕРОТОРПЕДИ ПОВЕРТАЮТЬ НАЗАД

ФАНТАСТИЧНИЙ РОМАН

ПІСЛЯМОВА І. ЩЕРБІНИ
МАЛЮНКИ Й ОБГОРТКА
В. НЕВСЬКОГО

ДИТВИДАВ • Харків • 1934 • Одеса

И. И. Лагко

Из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне.

И. В. Сталин

Металлургия, химия, электричество, радио и пр., лаборатории, научные институты — все это будет мобилизовано на войну, все это будет поставлено на служение ей. И нам с вами также необходимо, рассуждая о войне, помнить, что мы будем защищаться не только вооруженной армией, — мы одновременно будем воевать и нашей промышленностью, и нашими машинами, и нашими лабораториями и институтами.

...Мы должны строить дело так, чтобы в предстоящей войне добиться победы «малой кровью» и войну эту провести на территории страны, которая первая подымет против нас меч.

К. Ворошилов

НЕОЖИДАННЫЙ ПАКЕТ

Большие круглые очки не скрывали веселого блеска его зеленовато-серых глаз; ровная линия пробора разделяла на две строго равные половины каштановые волосы, быстрые движения длинных нервных пальцев выдавали беспокойный, вечно что-то ищущий ум. Высокая стройная фигура, обычная форма великосакского офицера с лейтенантскими регалиями. Эти черты помнил каждый, кто знал Дика Гордона. Еще два года назад офицерская форма не входила в их число, так как Дик являлся тогда простым студентом. Но и в те годы он был Диком Гордоном, о котором поговаривали — одни с уважением, другие с завистью:

— Дик Гордон? Далеко пойдет... А какая голова!..

Офицерская форма и знаки отличия лейтенанта никого не впечатляли. Вполне закономерно, что студент высшей военно-технической школы по окончании ее стал офицером. Лейтенантские погоны — да разве они добавляли ему что-то новое? Правда, знаки отличия появились на одеянии Дика только сегодня утром. Собственно, и веселый шумный ужин был лишь следствием их появления: надо же обмыть новый чин, полить его доброй порцией виски и вина. Этого требовали давние студенческие традиции. К тому же, всякому было понятно: не лейтенантские погоны добавляли Дикун уважения окружающих — наоборот, Дик делал честь погонам, соглашаясь надеть их. Ведь это был не обычный человек, а Дик Гордон.

Именно так и говорил в своей бесшабашной речи Джонни Уолтерс, стоя на столе и держа в одной руке наполненный вином стакан, а в другой — большой лист плотной бумаги с подписями и печатью. Виски и вино сделали свое дело: компании было весело, глаза блестели, в комнате раздавался громкий смех. Сигаретный дым тяжело висел в воздухе — и, может быть, из-за этого все вокруг словно

тонуло в радостном тумане. Даже сам хозяин почувствовал приятную неуверенность в движениях, когда, подняв руку, попытался остановить пылкого оратора.

— Подожди, Джонни, нельзя же так расхваливать человека! Я ведь могу и покраснеть...

Уолтерс на миг замолк, посмотрел на Гордона и нарочито иронично прищурил левый глаз:

— Ты?.. Ты покраснееешь, Дик? Нет, быть такого не может. Офицер великосакской армии не имеет права краснеть ни на секунду. Это было бы слишком революционно для лейтенанта, только что получившего диплом, а?..

И, подождав, пока компания вдоволь посмеется над его остротой, Джонни Уолтерс продолжал:

— Но я лично буду любить нашего Дика, что бы с ним ни случилось. Ничего не поделаешь, ведь он мой старый приятель. И такой парень! Когда-нибудь я буду счастлив написать в своих воспоминаниях: учился, дружил и выпивал со славным Ричардом Гордоном, более известным в те дни, как Дик или, еще лучше — Верзила Дики. Дружья мои, нашего Верзилу Дики — вот кого я люблю... Правда, мы с ним чуть-чуть отличаемся ростом и вообще внешностью, но...

Новый взрыв веселого смеха прервал Джонни Уолтерса: гости не могли удержаться, услышав такое откровенное признание. Дело в том, что Джонни был коротеньким и толстым человечком с вечно взъерошенными волосами, и в гуще их никому и никогда не удалось бы обнаружить пробор, как старательно ни расчесывался каждое утро Джонни. Да, он и впрямь немного не совпадал по росту и внешнему виду с Диком, который всегда был безупречно аккуратен...

— Но продолжаю, хотя вы очень мешаете мне неуместным в такую серьезную минуту хохотом. Мы же все хорошо понимаем друг друга, — не умолкал Джонни. — Понимаем буквально без слов. Вот, чего, например, желает сейчас наш Дик? Я знаю. Он хочет, чтобы я закончил речь. Вот! А знаете что? И я хочу того же самого. Только никак не могу остановиться. И хочу, и не могу. Короче говоря...

Неизвестно, долго еще разглагольствовал бы Джонни Уолтерс, но в эту минуту кто-то из компании ласково и вежливо взял его крепкими руками поперек талии и снял со стола.

— Мы поможем тебе, Джонни. Заканчивай теперь не речь, а стакан, потому как мы свое вино уже выпили. А Дик пусть сам скажет, чего он все-таки хочет теперь, когда первым из нас получил диплом лейтенанта. Дики, что ты тянешь? Может, твой язык уже позабыл твое собственное имя и не знает, куда повернуться?..

На такое оскорбление был только один достойный ответ — немедленное действие. Дик Гордон поднялся резким, четким движением, его гибкая высокая фигура застыла, точно он услышал команду «смирно!»

— Я лишен ораторского дара, уважаемые джентльмены, — вежливо сказал он, — я не привык, как вам известно, выступать на публике, да еще и неожиданно. Вы спрашиваете, чего я хочу в дальнейшем? Того же, чего хотел и раньше: работать, конструировать, изобретать. А будет все это делать студент Гордон, поручик Гордон, лейтенант или даже генерал Гордон — от этого результаты, я надеюсь, не изменятся.

— Дорогой мой Дики, ну как же не хвалить тебя! — радостно воскликнул Джонни Уолтерс и тотчас умолк, потому что рот его внезапно оказался залеплен здоровенным куском булки с ветчиной. Дик Гордон невольно усмехнулся, но в ту же секунду услышал серьезный голос Тома Даунли, который спрашивал его:

— А почему бы тебе не рассказать нам о своих планах? Ведь мы до сих пор почти ничего не знаем о твоём изобретении. Мы, если память мне не изменяет, твои приятели и друзья. Всем нам известно, что ты изобрел некий усовершенствованный танк. Один небольшой, но знающий человек из военного министерства шепнул мне, что чин лейтенанта — слишком малая награда за это изобретение. Недаром говорят, что сам профессор Ренуар заинтересовался твоей работой. Я знаю, что военные изобретения — не тема для лекций перед широкой аудиторией. Но — разве мы чу-

жие люди?.. Что именно ты изобрел, Дики, скажи хоть вкратце?

Дик Гордон склонил голову и молчал: он колебался. Джонни Уолтерс успел проглотить то, что тормозило поток его красноречия, и жалобно добавил:

— Дики, дорогой Верзила Дики, в самом деле, даже я, твой сдержанный и стойкий друг, могу чего доброго умереть от любопытства. Не скрывай от нас, расскажи. Жажду узнать что-нибудь о твоём изобретении ничуть не меньше, чем запить эту плохонькую ветчину хорошим стаканом вина! — и он, подняв стакан с вином, выпил его до дна, не отрываясь.

Дик Гордон поднял голову, глаза его блеснули. Он медленно обвел взглядом всех присутствующих, будто проверяя, кому из них можно довериться. Но виски и вино, как видно, сказывались, сизый дым над столом предательски скрывал от него лица приятелей. И разве он не знал их всех много лет — сперва студентами, потом исследователями, офицерами: после высшей технической школы каждый пошел собственным путем, но все эти пути были украшены флагом великой морской империи. Да, с этими людьми он мог обсуждать даже некоторые более или менее секретные вещи. Дик Гордон оперся рукой о стол:

— Хорошо! Слушайте. Конечно, я не могу рассказать вам все. Однако кое-что скажу. Представьте себе, уважаемые джентльмены, танк. На первый взгляд, заурядный быстрый танк, который делает в час около ста километров. Несколько подобных танков идут в атаку. Но противник ожидает эту атаку, он перерезал поле глубокими рвами с вертикальными стенками. Что сделает танк, встретив такую преграду?..

— Остановится, — ответили несколько голосов сразу.

— Да, остановится, потому что обычный танк не может преодолеть такой ров. Обыкновенный танк перевернется, он зароется носом, если просто попытается перебраться через ров с вертикальными стенками. Таков удел обычного танка — и противник это хорошо знает. Но мой танк имеет некоторое механическое приспособление. Он развивает макси-

мальную скорость и в последнюю секунду, перед самым рвом, отрывается от земли и перепрыгивает через ров. Понятно?..

Ответом ему было молчание. Танк перепрыгивает препятствия, перепрыгивает через ров?.. Это молчание словно подстегнуло Дика Гордона:

— Вы удивляетесь? Хорошо. Представим себе еще один случай во время той же атаки. Танк встречает на пути другую преграду, допустим — каменную стену высотой в несколько метров. Способен ли он преодолеть такое препятствие? Нет, ответите вы. Способен, скажу я. Потому что мой танк подпрыгнет и перелетит через стену!

Дик остановился, жадно проглотил полстакана вина и продолжал:

— В этом и заключается мое изобретение. Прыгающий танк. Танк, который нельзя остановить обычными средствами. Танк, что победно идет вперед и вперед, разрушая и уничтожая все на своем пути. Он является одной из тех машин, которые окончательно определяют облик будущей войны. Машин, несущих победу тем, кто владеет ими. Не нужно лишних людей, не требуется большая армия, тысячи и миллионы солдат. Техника, машины — вот путь будущей войны. Отряды танков, эскадрильи самолетов, эскадры морских кораблей, артиллерия на гусеничном ходу... Что может противостоять такому оружию?..

— Генерал Фулер нашел в твоем лице пылкого поклонника, — вполголоса заметил Том Даунли.

— Генерал Фулер — великий человек, — горячо ответил Дик Гордон. — Он пророк будущей войны. Разве ты способен доказать, что он неправ? Разве ошибочно его главное утверждение, что определяют исход будущей войны не массы солдат, не гигантская армия, а техника, моторы, совершеннейшее оружие, небольшие, но до предела вооруженные моторизованные отряды?.. Что сделает пехота или конница былых времен против танков, против удушливых газов, против самолетов? Ничего. Она будет раздавлена, как грибы, которые человек давит ногой, даже не замечая. Попробуй-ка с этим поспорить, Том Даунли!..

— Я не даю ему слова, — крикнул Джонни Уолтерс. — Как председательствующий на этом ужине, даю слово только тебе, дорогой Дики, и еще себе. Итак, мое слово: выпьем за это!

Он поднял стакан с вином, приглашая всех сделать то же самое.

— За «прыгающий» танк Дика Гордона! За то, чтобы он перепрыгнул все преграды на своем пути, — и пусть никто из нас случайно не окажется на том пути, а?..

Стаканы звякнули, вино было выпито.

— Ну что, довольны вы теперь? — полусмешливо спросил Гордон. Он сел на место, будто стыдясь своей необычной пылкости: ведь ему очень редко случалось говорить так горячо, забывая о сдержанности, которой он имел все основания гордиться.

Шум веселых голосов подтвердил, что все были довольны. Один лишь Том Даунли все так же вполголоса, но вполне серьезно заметил:

— Теперь я понимаю, почему твоим изобретением заинтересовался профессор Ренуар, как сказал мне этот человек из министерства ...

— Погоди, Том, а что именно он сказал? — спросил Джонни Уолтерс.

— Что профессор Ренуар направил специальное письмо в министерство с какой-то просьбой относительно изобретения Дики и даже его самого.

— Ну и?..

— Это все, что я знаю. Больше он со мной ничем не поделился. Может, самому Дикуну что-то об этом известно?

Дик Гордон покачал головой:

— Нет. Впервые слышу. Рад был бы узнать подробнее... Профессор Ренуар — это...

И он замолчал. Перед глазами невольно встала картина визита знаменитого профессора Ренуара в высшую военнотехническую школу — за два месяца до выпуска старшего курса. Это было неожиданное для студентов и важное для школы событие. Сам профессор Морис Ренуар, всемирно известный ученый, бог современной военной техники, ру-

ководитель огромного исследовательского института, о работах которого прессе запрещено даже упоминать под угрозой привлечения к ответственности, как за разглашение государственной тайны, — и одновременно председатель международной Лиги защиты морали, разветвленной организации, направленной против разлагающего влияния коммунистических идей на человечество. И вот сам профессор Ренуар приехал в школу. Зачем?.. Что могло заинтересовать гениального человека в школе?..

Уже потом среди студентов прошел слух, что профессор Ренуар приезжал знакомиться с человеческим материалом школы: ему нужны были, дескать, свежие кадры сотрудников для его лабораторий. Но тогда, во время визита профессора, никто из студентов ничего не знал. Профессор Морис Ренуар прошелся по лабораториям школы в сопровождении начальника, генерала Джорнстона. Он словно не видел никого из студентов, рассматривавших его с нескрываемым любопытством. Профессор шел ровным шагом — высокий, смуглый, с холодным каменным лицом, и безупречный серый пиджак казался на нем строгой военной формой. Иногда он немного замедлял шаги, выслушивая объяснения генерала Джорнстона, однако сам редко о чем-либо спрашивал.

Дик Гордон работал в механической лаборатории, когда профессор Ренуар зашел туда. Дик не знал, кем был этот гость. Он вежливо ответил на вопросы о работе, заданные генералом Джорнстоном, и с удивлением услышал слова генерала:

— Честь имею, профессор, рекомендовать вам студента Ричарда Гордона, одного из самых способных воспитанников нашей школы.

Дик растерянно поклонился, краснея от неожиданности. Острый взгляд незнакомца остановился на нем на какие-то несколько секунд, — но Дику показалось, что эти холодные глаза успели мгновенно прочесть все его самые сокровенные мысли. Не успел Дик произнести ни слова, как услышал вежливое:

— Очень рад познакомиться с вами. Желаю успеха.

И незнакомец вышел из лаборатории четкими размеренными шагами. Студенты, работавшие в лаборатории, удивленно смотрели ему вслед. Между тем в комнату вбежал запыхавшийся Джонни Уолтерс:

— Верзила, он что-то сказал тебе?.. Что?

— Что очень рад познакомиться. А тебе-то что?

— Да ты знаешь, кто это был?

— Кто?

Джонни Уолтерс безнадежно махнул рукой:

— Сам профессор Ренуар! Вот кто это был. Что же ты ему ответил?

— Ничего, он ушел.

Ироническое сочувствие зазвучало в голосе Джонни Уолтерса:

— Ничего не ответить профессору Ренуару?.. Да, на этот раз, Дики, ты упустил хороший случай. Ну что же, твое дело!..

Больше Дик не посчастливилось увидеть профессора Ренуара, хоть он и мог считать себя лично знакомым с мировой знаменитостью. И вот сейчас он узнал, что профессор Ренуар заинтересовался его изобретением. Но — разве могла остаться в памяти профессора случайная встреча с каким-то студентом в лаборатории?.. Конечно же, нет. Жаль, потому что... Что означало это «потому что» — Дик не сумел бы сказать. С непонятным самому себе раздражением он схватил стакан с вином, выпил и грохнул стаканом о стол:

— Бросим эти разговоры, друзья! Никто из нас ничего не ведает, и пусть все идет, как идет. Все мы уважаем имя профессора Ренуара, но — вряд ли ему известно что-нибудь о ком-либо из нас. Все эти разговоры остаются лишь разговорами, не так ли?..

— Кто знает... — загадочно ответил Том Даунли. Но его прервал веселый Джонни Уолтерс:

— Как бы то ни было, очень рад за тебя, Дики. Твой путь открыт перед тобой. Выпьем же за это!

Шум заглушил его слова. Звенели стаканы, каждый требовал, чтобы Дик чокнулся с ним. Джонни, пошатываясь,

подошел к радиоприемнику. Веселая мелодия влетела в комнату; ее подхватили молодые голоса, повторяя припев:

Я люблю мою девочку Мэри,
С волосами золотого огня,
Я люблю волшебницу Мэри —
Вспоминает ли Мэри меня?..

Дик Гордон пел вместе со всеми. Какое замечательное имя — Мэри! Девушка с золотыми волосами... Хорошая песня, чудная вечеринка!..

И вдруг в песню ворвалось дребезжание звонка. В квартиру кто-то звонил — упорно, настойчиво. Голоса смолкли. Только мелодия разливалась из репродуктора по затихшей комнате, как странный аккомпанемент неожиданного звонка. Но вот смолкла и мелодия: оркестр доиграл песню. Стало совсем тихо — лишь резкий звон раздирал тишину.

— Кто бы это мог быть? — удивленно проговорил Дик Гордон, выходя в прихожую.

Он открыл дверь. Перед ним стоял человек в военной форме с пакетом в руке. Человек коснулся фуражки и сказал:

— Пакет из военного министерства господину лейтенанту Ричарду Гордону.

Посыльный подал Дику пакет, снова коснулся фуражки и исчез. Дик вернулся в комнату, рассматривая пакет. Он был из плотной желтой бумаги, с сургучными печатями. Гордон вскрыл его. В руках оказался четырехугольник бумаги, на котором было напечатано:

«Лейтенанту Ричарду Гордону. По распоряжению военного министерства вам предписывается в течение трех дней выехать в институт профессора Мориса Ренуара для работы под его руководством. Подробные инструкции получите в министерстве. Приложение: адресованное вам личное письмо профессора Ренуара.

Подписано: генерал *Фунгауз*».

Дик глянул внутрь пакета: так и есть, еще что-то. Это был небольшой конверт с надписью: «Лейтенанту Ричарду Гордону».

Непослушными пальцами Дик разорвал конверт, достал письмо и вполголоса прочитал:

«Лейтенант!

Очень рад буду снова увидаться с вами — теперь уже не студентом, а офицером, который в случае согласия будет работать в моем институте в избранной им области. Надеюсь, я смогу обеспечить вам ничуть не худшие условия для работы, чем в школьной лаборатории, где мы с вами впервые встретились, и пожалуй, даже получше тех, какими вы располагаете сейчас. Если для вашей работы требуется кто-то из ваших товарищей — очень прошу пригласить его от моего имени в институт вместе с вами. Вопрос командировки вашего помощника оформит в военном министерстве моя канцелярия.

Итак, в ожидании скорой встречи, позвольте пока что передать вам искренний привет.

Проф. *Морис Ренуар*».

В комнате воцарилось молчание. Все смотрели на Дика Гордона, неподвижно стоявшего с письмом в руке. Но вот его глаза блеснули, он провел рукой по лицу и улыбнулся:

— Любопытный сюрприз. Не могу сказать, что мне он не нравится. Но вот что касается моего спутника ... — и он полуиронично взглянул на Джонни Уолтерса, — не знаю, согласится ли он... Джонни, что ты думаешь по поводу этого приглашения, а?..

В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ВОЙНОЙ

Разговор шел вполне свободно.

Будто разговаривали и спорили не молодой ассистент с прославленным во всем мире профессором, а просто двое хороших знакомых — один младший, второй старший годами и опытом. Да, выходило, что этот железный человек, этот профессор Морис Ренуар, не всегда бывал каменным и недоступным. Он умел дружески и даже горячо беседовать, доказывать, спорить. Лицо его теряло тогда привычную холодность, острые глаза горели, все движения словно становились более свободными. Это бывало нечасто — и далеко не каждая тема разговора могла стать причиной такого поведения железного профессора, как называли люди Мориса Ренуара. Только два предмета, насколько успел заметить Дик Гордон, так захватывали профессора. Это были: военные изобретения и социализм, вернее — коммунизм.

И еще кое-что отметил для себя Гордон. Упомянутые темы профессор Ренуар всегда связывал между собой. Стоило затронуть одну из них, и разговор неизбежно переходил на другую. Сегодня Дик осторожно намекнул профессору на эту странность. Ренуар улыбнулся:

— Мой дорогой друг, — начал он с любимого присловья, — мой дорогой друг, да ведь по этой причине некоторые даже считают меня своего рода фанатиком. Вот вы работаете со мной уже больше месяца. Как вы сами, наверное, замечаете, я охотно беседую и спорю с вами. Почему? Потому что считаю вас вполне пригодным материалом не только для того, чтобы направить ваши способности в нужное моему институту, как научному учреждению, русло, но и для того, чтобы создать из вас настоящего человека — Человека с большой буквы. Вы еще молоды, многое в вас еще не оформилось. Вы страдаете определенными болезнями.

Дик удивленно посмотрел на профессора: что он хочет сказать?..

— Не удивляйтесь, я говорю не о физических болезнях и, вообще, не о болезнях в обычном понимании слова. Но я хочу видеть вас вполне здоровым, безупречно здоровым во всех отношениях. Не раскрывайте так широко глаза, сейчас все поймете. Возьмите эту сигару, кажется, это ваш любимый сорт, манильская корона. Отрежьте аккуратно: мне всегда неприятно видеть варварское отношение к хорошим вещам. Я люблю комфорт, люблю определенный, установившийся порядок. Теперь закуривайте — равномерно, чтобы огонь занялся не с одной стороны, а как следует. Ну как, неплохая сигара?

И, подождав, пока сизый пахучий дымок поднимется в воздух, он продолжал:

— Вас удивляет, почему наша работа всегда связывается у меня с мыслями о коммунизме?.. Ах, мой милый друг, я не политик. Это не мое дело. Но существуют вещи и явления, одинаково касающиеся каждого порядочного человека, политик он или нет. И первым среди таких ужасных явлений следует назвать большевизм. До сих пор встречаются глупцы, которые относятся к этой проблеме скептически: дескать, это чисто русское дело, надо, мол, только уничтожать агитаторов, пытающихся привить эту болезнь добропорядочным странам — вот и все. Нет, далеко не все. Допустим, в каком-то городе страны разразилась эпидемия чумы. И вместо того, чтобы решительно бороться со страшной болезнью, вместо того, чтобы радикальными средствами ликвидировать источник эпидемии, — врачи ограничились бы просто изоляцией этого города: он, дескать, сам по себе, а мы сами по себе. Разве не следовало бы назвать такое отношение преступлением?.. Большевизм — та же чума. Он разгорается, как пожар, его зараза проникает в незаметные щелки, охватывая страны одну за другой, как распространяется гангрена в организме человека. Как поступает врач, обнаружив у больного гангрену руки? Он отрезает руку, чтобы спасти человека. Так, и только так, можно бороться с большевизмом, этой гангреной человечества. Огнем и

железом, решительно и безжалостно уничтожая зараженные места, механизировав этот хирургический процесс.

— Механизировав?..

— Да! Как можно меньше людей, меньше живых единиц в войсках. Машины на земле, машины на воде, машины в воздухе. Машинами управляют проверенные, закаленные люди. А частично — машины идут в наступление сами, ими управляют на расстоянии. Нельзя рисковать тем, чтобы некоторая часть войск попала под влияние большевистской агитации. Нельзя долго воевать, война должна быть мгновенной, как взрыв гранаты. Один сильный комбинированный удар, направленный в первую очередь против тыла. Разрушения. Смерть. Огонь. Паника. И тогда — добивать, планомерно, решительно, безжалостно. Никакой дипломатии — только оружие решает дело. Танк, пушка, самолет — вместо дипломатических фраз и конференций. И ваш танк, ваша прекрасная машина, мой дорогой друг, также является фактором нашего общего дела.

Он замолчал. В кабинете было тихо. Дик Гордон тоже молчал, пораженный: впервые профессор Ренуар так подробно развивал свои мысли. Зазвонил телефон. Ренуар поднял трубку.

— Алло. Да это я. Что?.. Хорошо, остановите работу, я сейчас буду. Да.

Профессор встал и предложил Дикю:

— Насколько помню, до сих пор вам еще не довелось познакомиться с моими персональными работами. Итак, если хотите, — прошу. Я иду в лабораторию. Попросил бы вас зайти за ассистентом Райволой и вместе с ним явиться туда же. Райвола нужен мне немедленно.

На минуту Дик остался в одиночестве. Он был немного растерян. Он еще ни разу не задумывался над возможностями применения своих изобретений. Для него это были просто боевые машины, необходимые для войны. Против кого они будут направлены — ему было все равно. Машина остается машиной, кто бы ни управлял ею. Дика интересовал принцип работы машины, интересовало осуществление смелых мыслей талантливого инженера. Он не был воен-

ным человеком. И вот только что профессор Ренуар развернул перед ним картину применения его изобретений...

Впрочем — надо идти.

Но не успел Дик выйти из кабинета и сделать несколько шагов, как прямо на него налетел явно взволнованный Джонни Уолтерс. Он схватил Дика за руку:

— Дики! Ты еще не знаешь? Важные новости!

— Что такое?

— Страшная трагедия. В Советском Союзе пограничники убили пятерых иностранных туристов. Ты понимаешь, какой это ужас?..

— Подожди, Джонни. Я пока ничего не понимаю. Как это могло произойти?

— Спрашиваешь — как могло случиться? В Советском Союзе, у этих большевиков случиться может все, что угодно. Они, туристы, хотели из Батума отправиться по Черному морю в Турцию. А их убили.

— Опять не понимаю. Как убили, почему?

— Вот, читай сам. Газета лучше объяснит.

Джонни подал Дик у газету. На первой странице было напечатано:

**Большевики застрелили иностранных туристов.
На Черном море убиты 2 шваба, 1 великосакс и 2
остерийца. Может ли культурный мир терпеть
дальше?**

Газета подробно рассказывала об ужасном злодеянии советских пограничников. Восемь иностранных туристов, путешествуя по Советскому Союзу, решили переплыть из Батума по морю в Турцию. Они взяли моторную лодку и отплыли, не озаботившись визами и разрешением на выезд — мол, какая разница между Советским Союзом и Турцией... И то и другое, в конце концов, какие-то азиатские страны...

Советские пограничники заметили моторную лодку, которая удалялась от берегов и уходила в открытое море. Они бросились вдогонку, подавая соответствующие сигналы и требуя остановить лодку. Но туристы, охваченные, как писала газета, спортивным азартом, не остановились даже после предупредительных выстрелов. Тогда советские пограничники обстреляли лодку, вследствие чего были убиты пятеро туристов из восьми.

Газета призывала правительство принять все меры, чтобы заставить Советский Союз выплатить соответствующие компенсации и обеспечить в дальнейшем свободное, без всяких ограничений и формальных разрешений, передвижение туристов как внутри Советского Союза, так и через его границы.

— Дики, это же ужас, — растерянно повторял Джонни, — они застрелили людей, которые ничего преступного не замыслили... Это же дикари... Разве ты сам этого не понимаешь?..

Дик отдал газету Уолтерсу.

— Я не знаю, Джонни. А главное, уж прости, я сейчас очень тороплюсь. Меня вызвал в лабораторию профессор Ренуар. Так что поговорим позже.

Он зашел к Альберту Райволе, невысокому худощавому финну, одному из ближайших помощников профессора, и вместе с ним направился в центральную лабораторию.

Это было большое, хорошо освещенное помещение. Профессор Ренуар встретил их с озабоченным лицом:

— Райвола, вы мне очень нужны. А вы, Гордон, садитесь там, у стены, и немного подождите.

Вместе с Райволой, что-то говоря ему на ходу, профессор подошел к большому столу, на котором лежала странная модель. Дик мог хорошо ее разглядеть. Модель напоминала уродливый самолет — практически лишенный крыльев, короткий и широкий. Самолет был не пассажирским, так как в фюзеляже не было ни люков, ни иллюминаторов. И не военным, потому что у модели отсутствовала кабина пилота. Дик с интересом посматривал на модель, пока его не

позвал профессор:

— Подойдите сюда, Гордон.

Райвола отошел к сложному аппарату, похожему на радиопередатчик. Он остановился там, словно ожидая приказаний.

— Знаете ли вы, Гордон, что это такое? — спросил профессор Ренуар. — Не напоминает вам что-либо эта крошка?

— Какой-то специальный самолет... Самолет с механическим управлением, — неуверенно произнес Дик.

— В принципе верно. Но что это за самолет и чем именно отличается он от других известных вам типов самолетов? Не знаете?.. Райвола, включите ток!

Что-то затрещало, в воздухе запахло озоном. Голубоватые длинные искры сорвались с аппарата, которым управлял Райвола. Только теперь Гордон заметил, что модель неизвестного самолета была соединена тоненькой проволочкой с другим проводом, который проходил над столом. Профессор Ренуар поднял модель и закрепил ее так, что она осталась висеть на проволочке над столом.

— Прямо вперед, Райвола, — приказал профессор.

Голубоватые искры затрещали сильнее. Резкий запах озона наполнил комнату. И пропеллер модели начал вращаться — вначале медленно, после все быстрее и быстрее. Через несколько секунд модель качнулась и поплыла в воздухе, поддерживаемая проволочкой. Дик Гордон восторженно следил за ней.

— Начинаем маневрировать, Райвола! — сказал профессор.

Райвола что-то делал у аппарата. Менялся тон треска искр, модель поворачивала вправо, влево, чуть заметно двигая плоскостями.

— Стоп! — раздалась резкая команда.

Все смолкло. Не было больше искр, модель остановилась и неподвижно повисла на проволочке. Райвола отошел от аппарата управления. Профессор повернулся к Гордону:

— Ну-с, что скажете?

— Очень интересно, — ответил Дик. — Впервые вижу модель самолета, которой управляют на расстоянии.

— И все же вы немного ошибаетесь, потому что это не самолет. Это — аэроторпеда. Она начинена...

Он не закончил. Громко зазвонил телефон. Райвола снял трубку, прислушался.

— Вас вызывает министр, профессор, — сказал он.

Профессор Ренуар четкими спокойными шагами подошел к телефону. Дик услышал:

— Да, это я. Нет, еще не знаю. Ага. Пять? Да, конечно, количество не имеет значения. Да. Замечательно. Нет, еще не получил. Одну минутку, простите...

Он повернулся к Дик и Райволе и спросил:

— Не было пакета из министерства? Нет?

Затем обратился к телефонному собеседнику:

— Хорошо. Жду. Через час приеду к вам. Всего хорошего!

Профессор положил трубку. Он посмотрел на ассистентов и медленно произнес:

— Опыты прекращаем. Точнее, прекращаем здесь, — он обвел широким движением руки лабораторию, — и переносим в другое, менее ограниченное пространство.

Он чуть помедлил, глядя на обоих ассистентов, едва заметно улыбнулся и закончил:

— Пришло время испытать практически все, что мы до сих пор испытывали лабораторно. Жаль, Гордон, не успел хорошенько ознакомить вас с аэроторпедами. Однако — вы получите теперь возможность познакомиться не с моделями, а с настоящими аппаратами. Эта модель не намного совершеннее торпед нашего серийного производства. Думаю, тем интереснее будет для вас, верно ведь?.. Относительно вас, Райвола — оставим дальнейшие попытки усовершенствовать механизм; надеюсь, нам хватит и этого, да сейчас уже и нет времени что-либо менять в серийном производстве.

Они вышли из лаборатории. Профессор Ренуар быстро направился в свой кабинет. Райвола спросил Дика:

— Вам что-нибудь известно?

— Насколько я понимаю, речь идет о последствиях гибели этих туристов. И чего их потянуло бежать?.. Помните, профессор в телефонном разговоре назвал цифру пять? Именно столько туристов погибли на Черном море.

Райвола довольно склонил голову:

— Да... Я читал об этом. Значит — вот где зарыта собака? Ну что ж, посмотрим, как оно повернется. Я совсем не против того, чтобы испытать на практике кое-какие наши изобретения.

Они попрощались, и снова Дик, возвращаясь к себе, встречал Джонни Уолтерса. Очевидно, Джонни немного успокоился и теперь беззаботно курил свою неизменную трубку, выпуская клубы дыма. Дик Гордон, напротив, утратил обычную выдержку. Он посмотрел в глаза изумленному Джонни и сказал:

— Сынок, начинается серьезная игра.

— А именно?

— В воздухе пахнет войной.

ПРОФЕССОР-ГЕНЕРАЛ МОРИС РЕНУАР

И действительно, события разворачивались с чрезвычайной быстротой. Уже на следующий день после того, как телеграф принес сообщение о гибели пяти иностранных туристов на Черном море, все газеты были переполнены статьями и призывами к защите прав свободного человека от варваров-большевиков. В отношении способов такой защиты газеты расходились во мнениях. Часть их настаивала на ультимативной ноте в адрес советского правительства с требованием немедленно предоставить зарубежным туристам право свободно пересекать все границы Союза без формальных ограничений, по принципу экстерриториальности. Другие требовали прежде всего денежной компенсации в достаточно крупном размере. Третьи попросту призывали к оружию, доказывая, что давно пора бросить всякие разговоры с большевиками и перейти на единственно допустимый язык — язык пушек и снарядов.

Так писали почти все газеты капиталистического мира. Коммунистические газеты, раскрывая истинное положение дел, напоминали о том, что Советский Союз — независимая страна, которую в первую очередь необходимо уважать, как любую другую: ведь Советский Союз, как и Великосаксия, и Швабия, и Остерия, — никому не позволит пренебрегать своими законами.

В тот же день состоялось срочное совещание представителей заинтересованных государств — Великосаксии, Швабии и Остерии: граждане именно этих стран погибли во время трагического происшествия на Черном море. Три часа спустя на совещании было принято категорическое постановление, которое тотчас же по телеграфу передали в Москву. В постановлении говорилось:

«Заинтересованные Державы обращают внимание СССР на то, что гибель иностранных туристов, которые приехали в Советский Союз, доверившись советскому правительству, — может вызвать осложнения непредсказуемого свойства. Вследствие этого Заинтересованные Державы, стремясь успокоить общественное мнение, вынуждены потребовать от правительства СССР незамедлительно принять следующие меры:

а) Безотлагательно выплатить денежные компенсации семьям убитых туристов в размере 200 000 долларов за каждого из погибших;

б) Выразить сожаление по поводу этого преступления советских пограничников, убивших невинных иностранцев;

в) Гарантировать в дальнейшем для всех иностранных туристов право пересекать советские границы без каких-либо формальных ограничений.

В случае невыполнения этих требований в течение 3 дней — Заинтересованные Державы оставляют за собой право решить вопрос теми средствами, которые потребуются для полного успокоения общественного мнения культурного мира, справедливо возмущенного ужасным инцидентом».

Так развивались события. Нота Заинтересованных Держав была безусловно ультимативной; логичным ее следствием была война — если Советский Союз не согласится на высказанные требования.

Два дня газеты всего мира только и обсуждали ноту Заинтересованных Держав. Обсуждение было тем более бурным потому, что советское правительство выжидало, имея в своем распоряжении три дня, как и было сказано в ноте.

Но уже на третий день телеграф принес ответ Советского Союза. Все газеты поместили его. Ответ советского правительства гласил:

«Правительство Советского Союза удивлено адресованной ему нотой Заинтересованных Держав, заключающей в себе очевидный ультиматум. Но, желая прежде всего предотвратить любые осложнения, советское правительство хотело бы еще раз попытаться прояснить вопрос. Всякое независимое государство имеет свои законы, которые не может нарушать никто — тем более иностранцы. Каждому известно, что пересечение границ страны может произойти только с разрешения правительства соответствующей страны. Доскональное расследование происшествия на Черном море показало, что погибшие туристы своими действиями нарушили все законы о переходе границ. Советские пограничники приняли все меры, чтобы остановить беглецов мирным путем — от сигналов до предупредительных выстрелов. Только после этого пограничники были вынуждены открыть огонь по лодке, бежавшей в Турцию. Поэтому не может быть и речи о выполнении требований, содержащихся в ноте так называемых Заинтересованных Держав. Вина лежит исключительно на самих туристах, и следовательно, Советское правительство не обязано платить какие-либо компенсации, выражать сожаление по поводу поступка туристов и, тем более, гарантировать туристам изложенные в ноте права. Никому не возбраняется путешествовать по Советскому Союзу при условии выполнения формальных требований; но предоставить туристам экстерриториальность, как того требует ультиматум, советское правительство, разумеется, не может. Советское правительство вынуждено еще раз подчеркнуть, что данный ультиматум является новой попыткой вмешательства иностранных государств во внутренние дела Советского Союза. Поэтому, отвергая данные требования, как совершенно невыполнимые, советское правительство еще раз выражает свое удивление по поводу направления ему подобной ноты».

Этот сдержанный ответ вызвал бурю статей и выступлений в газетах. Капиталистическая пресса клокотала шквалом оскорбительнейших ругательств в адрес Советского Союза. Более других свирепствовали газеты так называемых Заинтересованных Держав — Великосаксии, Швабии и Остерии. Они помещали портреты погибших туристов, пространные интервью с их семьями и откровенно требовали войны. Газеты яростно доказывали, что ответ советского правительства является доказательством пренебрежительного отношения большевиков к международным пактам и издевательством над Заинтересованными Державами.

Правда, ни одна из газет не указывала, какие именно международные соглашения нарушили советские пограничники. Но обратить на это внимание читателей было некому: на тот же четвертый день в Великосаксии и Остерии были закрыты оставшиеся коммунистические газеты и запрещено распространение советских изданий; в Швабии это было сделано уже давно. Создавалось впечатление, что события развивались по заранее обдуманному, стройному плану, который предусматривал программу действий каждой страны. Никогда еще в Европе не объединялись так быстро и без всяких разногласий государства, до сих пор яростно ненавидевшие друг друга.

Читая газеты, Дик Гордон невольно подумал:

«Точно все забыли о своих спорах, чтобы объединиться для борьбы с общим врагом...»

Особенно заметно это было на примере социал-демократических газет. Они прямо и открыто призывали оставить любые внутренние споры и мобилизовать все силы на то, чтобы заставить советское правительство выполнить требования Заинтересованных Держав. Эти же газеты называли предателями и изменниками коммунистов, которые энергично устраивали массовые митинги протеста против угрозы войны. Именно социал-демократические газеты первыми подняли вопрос о решительном запрете коммунистических партий в Европе.

В целом буквально все газеты писали одно и то же. И только в одном журнале, выходившем ограниченным тиражом и явно не предназначенном для широкого читателя, Дик Гордон прочитал любопытную статью под названием «Вопрос поставлен ребром».

В этой статье автор открыто говорил о настоятельной необходимости найти, наконец, выход из кризиса, охватившего весь капиталистический мир:

«Надо найти новые рынки, где можно было бы продавать товар, который теперь вынужден мертвым грузом лежать на складах. Где найти такие рынки?.. Ясно, не в капиталистических странах. Такие рынки можно найти только за нашими восточными границами. Тех, кто по доброй воле не открывает границы для свободной торговой конкуренции, следует заставить их открыть силой оружия...»

Намеки автора статьи были совершенно недвусмысленными. Дик усмехнулся:

— Вот, Джонни, что-то мне кажется, что собака зарыта не в вопросе гибели нескольких туристов, а значительно глубже. И эта статья может указать путь к тому месту, где на самом деле зарыта наша собака...

Однако разговор тут же оборвался, так как Дика Гордона вызвал профессор Ренуар. Войдя в его кабинет, Дик в удивлении остановился: профессор сидел за столом, одетый в военную форму с генеральскими погонами. Дик невольно выпрямился и стал по стойке «смирно». Профессор Ренуар улыбнулся:

— Вижу, лейтенант, вы не забыли воинский устав. Очень рад. Но полноте, излишнее подчеркивание военных традиций нам ни к чему. Дело ведь не меняется от того, одет я в военную форму или в гражданскую одежду. По крайней мере, для нас с вами. Мы будем работать так же, как работали до сих пор — только поле приложения нашего труда существенно увеличилось. Хочу сообщить, что с этого мо-

мента вы наряду со мной и другими моими сотрудниками являетесь офицером Первой армии Заинтересованных Держав. Таков приказ военного министра. В ближайшее время мы выезжаем. Вижу еще одно свидетельство вашей воинской корректности — вы не спрашиваете, куда мы отправляемся. Для вас это пока что — секрет. Вы получите соответствующий приказ.

В комнату вошел человек в военной форме. Он подал профессору телеграмму, коснулся фуражки и вышел. Ренуар просмотрел депешу, и лицо его стало более строгим. Глаза блеснули недобрым огоньком. Брови сошлись на переносице. Теперь это был не хорошо знакомый Дику профессор Ренуар; он видел перед собой сурового военного, от которого можно было ожидать решительного приказа, человека, лично распоряжавшегося судьбой своих подчиненных, не останавливаясь ни перед чем.

— Да, — еле слышно произнес генерал Ренуар. — Да.... Начинается... Что ж, начнем и мы.

Он поднял глаза на Дика Гордона:

— Позовите, пожалуйста, лейтенанта Гагарина.

Через несколько минут в кабинет вошел Сергей Гагарин, невысокий блондин, худощавый и сдержанный, один из любимых ассистентов профессора Ренуара. Тот встретил его вежливым:

— Садитесь, лейтенант.

Гагарин сел и внимательно посмотрел на Ренуара.

— Прочитайте эту депешу.

Гагарин прочитал:

«Транспорты специальных грузов задержаны из-за забастовки железнодорожников, которые отказываются перевозить военное снаряжение. Прошу указаний.

М и е т и».

Возвращая телеграмму Ренуару, Гагарин услышал:

— Вы понимаете, чем это грозит? Опоздание с перевозкой наших грузов может привести к задержке первого уда-

ра. Поэтому... поэтому вам поручается ликвидировать создавшееся положение с помощью вашей группы. В вашем распоряжении полицейские и военные отряды. Они помогут группе. Хотите что-то уточнить? Нет? Тем лучше. Жду депеши сегодня же ночью. Желаю успеха.

Подождав, пока Гагарин выйдет, Морис Ренуар расслабленно откинулся на спинку кресла и, вертя в руках серебряный, искусной работы нож для бумаги, задумался. Да, все идет так, как он и рассчитывал. Начиная с гибели туристов на Черном море, события развивались по хорошо продуманному плану. Профессор Ренуар, как он и говорил, не был политиком; впрочем, это не мешало ему быть человеком, достаточно осведомленным в делах политического свойства. Роль его института была скрыта от широких масс. С самого начала, еще несколько лет назад, когда военное министерство предложило ему взять на себя руководство институтом, он выдвинул масштабную программу в качестве единственно возможной основы своей работы.

Согласно этому плану, все работы института были в первую очередь направлены на разработку средств нападения, наисовременнейшего механического оружия. О, профессор Ренуар хорошо знал, что коммунистические газеты не ошибались, рассматривая его институт как орудие жестокой борьбы с мировым центром большевизма — Советским Союзом! Однако коммунистические газеты только строили догадки: а если бы они знали настоящее положение вещей?.. При этой мысли Морис Ренуар не мог сдержать довольной улыбки. Да, настоящее положение вещей!..

Разве знал кто-либо, кроме наиболее ответственных военных работников, что истинное руководство организацией будущей войны концентрировалось здесь, в стенах института?.. Разве знал кто-то, что директор института, профессор Ренуар, был одновременно и одним из ведущих руководителей будущих военных действий, генералом Ренуаром?.. И разве кому-либо было известно, что генерал Ренуар был автором плана большого комбинированного нападения на мировой оплот большевизма, автором, которому принадлежало и право осуществить этот план, начать

разрушение Советского Союза, большевистского государства и гнезда коммунистической заразы?..

Нет, этого не знала ни одна газета. И суть работы института, этого огромного комплекса военно-исследовательских лабораторий, и положение профессора и генерала Ренуара в частности были строго засекречены. Пусть широкие круги представляют себе институт и организацию Мориса Ренуара, как некое новое научно-исследовательское учреждение. Морис Ренуар знал: придет время — и он покажет, на что он способен и для чего существует его институт.

А пока что — профессор Ренуар собирал у себя самых выдающихся молодых специалистов. Он широко пользовался специальным разрешением военных министерств Заинтересованных Держав, предоставлявшим ему, среди прочего, право выбирать сотрудников в военных школах. Так пришел к Морису Ренуару талантливый молодой финн Альберт Райвола, специализировавшийся в области работ по конструированию и использованию тяжелых больших самолетов-бомбовозов. Так появился итальянский механик Джузеппе Миети, не знавший себе равных в области практического использования принципов радио. И Сергей Гагарин, молодой русский, один из потомков аристократической семьи, эмигрировавшей из России после революции. К этому способному юноше, работавшему с самолетами-истребителями, профессор Ренуар относился с заметной симпатией.

Умный, упрямый исследователь, хотя и достаточно нервный человек, Гагарин был единственным русским среди всех помощников профессора Ренуара, который ценил в нем вдобавок и ловкость, позволявшую Гагаринову выполнять самые разнообразные поручения.

Хорошим приобретением Мориса Ренуара был Ричард Гордон с его замечательными работами в области конструирования тяжелых прыгающих танков. О, профессор и генерал Ренуар умел подбирать людей!.. На первых порах он даже сталкивался с некоторой неуверенностью военных специалистов: как можно работать с людьми разных наций?

— Нет. Нация — устаревшее понятие, — отвечал Ренуар. — Дисциплина строится на почве общей ненависти к общим врагам — большевикам. Дисциплина, воспитанная многолетней работой в военных лабораториях; высокий уровень тщательно подобранных инженеров, техников и механиков — вот что важно. А национальность... ерунда!

Профессору и генералу Ренуару нужно другое: техника, машина, дисциплина. Три мощных орудия, направленные против большевиков. И — никаких лишних разговоров! Человек — только там, где он необходим. А если машина может выполнить свою работу без человека — тем лучше. Меньше людей — меньше неожиданностей, меньше риска. А к какой именно нации принадлежат эти испытанные люди — не имеет никакого значения.

Годы работы в институте доказали правильность такого взгляда на вещи. Только одного человека еще недостаточно хорошо знал Морис Ренуар — Ричарда Гордона, работавшего здесь недавно. Поэтому и вел с ним Ренуар дружеские беседы, незаметно направляя психологию Гордона на нужные, как он говорил, рельсы. А впрочем, ничего страшного: наступило горячее время, события сами вылепят из Гордона то, что нужно Ренуару.

Время пришло. Пусть газеты обрабатывают общественное мнение, пусть идет своим чередом дипломатическая переписка. Это ничего не меняет. Дело решено. Гибель туристов на Черном море — и есть долгожданная зацепка. Содержание ответа Советского Союза было предусмотрено. Все было наготове. Ни минуты задержки, никаких неожиданностей!

Молниеносное нападение на Советский Союз раздавит крепость большевизма. Отворятся врата неисчислимых богатств Восточной Европы и Азии. Свежей кровью войны излечит дряхлая Европа все свои болезни — новыми обширными и богатыми колониями забинтует язвы своего тела. Разве не продумано все до конца? Разве неизвестно каждому государству, что достанется ему в результате победоносной войны с Советским Союзом?..

Все известно, все ясно. Есть уже хозяин для бакинской нефти, есть хозяин для угольного Донбасса, для северных лесов, для криворожской руды, для всего... Все подсчитано, все поделено. Заминка только за одним — победить. Победить во что бы то ни стало, любой ценой. Пускай газеты обрабатывают массы, пусть кричат о погибших туристах, как если бы этот дикий и малозначительный случай действительно был чем-то серьезным. Генерал Ренуар прекрасно понимает суть вещей. У него есть твердые указания от тех, кто ждет результатов. От тех, кто с нетерпением дожидается потоков свежей крови, так чудесно пахнущих нефтью, углем, железом, — рынками и колониями!..

Вот где главное и важное. И для этого главного — все готово. Базы ждут приказа. Северная база в Кустамьяки, южная — в Браештове. Самолеты и танки, танки и самолеты. И еще — азроторпеды, детище гениальной мысли самого Мориса Ренуара. Да... Эти несколько минут можно было позволить себе отдохнуть и поразмышлять. Вечером — в путь. Одно только неприятное воспоминание — тот случай с забастовкой железнодорожников. Тревожное событие — не само по себе, потому что ликвидировать затруднение очень легко, достаточно одного поручения Гагарину, — тревожное, как первая ласточка возможных и в дальнейшем задержек, одного из последствий работы большевистских агитаторов. Впрочем — вряд ли они успеют что-то сделать. Молнию не догонишь!..

Генерал Морис Ренуар пожал кнопку электрического звонка и приказал дежурному:

— Позовите ассистентов. Сообщите, что они вызваны на совещание у меня в кабинете.

ТОРПЕДЫ ЖДУТ ПРИКАЗА

Все закрутилось, словно какое-то безумное колесо. Дик не хватало времени думать о чем-либо, кроме прямых обязанностей. К тому же и обязанности эти были достаточно сложными, как выяснилось еще в первые дни. Сопровождение в кабинете генерала Ренуара окончательно прояснило положение Дика, как и каждого из бывших ассистентов профессора.

— Мы выезжаем вечером, — спокойно сообщил генерал Ренуар. — Каждый из вас имеет свои обязанности и несет ответственность за свой участок работы. Эти участки принципиально не будут отличаться от таких же участков нашей совместной работы здесь. В конце концов, вы и в штабе останетесь моими ближайшими помощниками. Прошу помнить одно: я буду требовать от вас такой же дисциплины, такого же отношения к своим обязанностям, какие были для вас привычны до сих пор. Я считаю, что мы будем продолжать нашу работу, — только в большем диапазоне и целиком на практике. Прошу подготовиться к отъезду. Поезд отходит в семь вечера. Вот и все, о чем я хотел сообщить вам. Вы свободны — до семи часов.

Только теперь, оказавшись на южной базе, в Браештове, Дик окончательно понял, как хорошо все было подготовлено к немедленному началу военных действий. Он прибыл сюда вместе с генералом Ренуаром, Альбертом Райвой и Сергеем Гагариным. Однако все они ехали дальше — кроме Дика и Джонни Уолтерса, его неизменного спутника. Ренуар лично проверил готовность базы, чтобы, отдав последние приказы, проследовать на северную базу нападения, в Кустамяки, где он брал на себя непосредственное руководство воздушной частью атаки. Участком с центром в Браештове командовал генерал Древор; при нем оставались Дик Гордон и Джонни Уолтерс.

Такое распределение сил было вполне понятно. Северная база сконцентрировала мощные средства воздушного наступления; южная база — мощные средства наступления наземного; авиация была придана им только для поддержки и в роли оружия первых часов атаки. В соответствии с этим распределились и офицеры штаба генерала Ренуара. Первое задание Дика Гордона состояло в проверке механизированных частей на базе в Браештове: в обусловленное и строго определенное время южная группировка должна была начать атаку одновременно с северной.

Дику казалось странным, как могла остаться неизвестной, скрытой от глаз противника такая концентрация сил. Ведь Браештов, небольшой город недалеко от советской границы, был превращен в огромный комплекс складов и распределительный пункт, откуда все расходилось на север и юг, образуя вдоль границы мощную опорную линию нападения. Агентурные сводки утверждали, что большевики не знали о базе в Браештове. Пограничная концентрация их войск была здесь не выше, чем по всей линии. Все предпосылки успеха были налицо, и нападение должно было стать блистательным.

Седоусый генерал Древор, едва заметно улыбаясь, ознакомил Дика с общим состоянием базы и добавил:

— Не забывайте, лейтенант, одного: войны нет. Никто ее не объявлял, идут только дипломатические переговоры. Большевики, я думаю, убеждены, что и на этот раз дело не пойдет дальше резких нот и дипломатических выступлений, как было до сих пор. Ну, посмотрим. Главное — неожиданность и решительность нападения. Что ж, генерал Ренуар крепко держит все в руках. И завтра на рассвете...

Он не договорил фразу, однако завершил ее решительным жестом. Этот жест имел лишь одно значение и выражал непреодолимую уверенность генерала, за спиной которого были десятки лет военного опыта, а под командованием — непобедимая, технически совершенная армия, готовая по первому его слову двинуться вперед и вперед, сокрушая все на своем пути.

— Дики! — тихо сказал Джонни Уолтерс, выйдя из кабинета Древера. — А ты знаешь, он прав.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что старик Древер не ошибается, утверждая, что СССР не ожидает нападения.

— Посмотрим. Я отвечу тебе завтра, когда обдумаю все как следует.

— Завтра... — проговорил Джонни и присвистнул. — Завтра будет другой ответ. Как сказал старик Клаузевиц, этот генерал немецких генералов: «Война есть продолжение политики другими средствами». Неплохо сказано, а, Дики?.. Вот только не нравятся мне эти две мелкие телеграммки, — и он показал на нижнюю полосу газетного листа, который держал в руках.

Дик прочитал:

«Лондон, 25. По сообщению из Брекенгама, здесь проходит забастовка железнодорожников, отказавшихся перевозить грузы специального назначения. Бастующие заменены членами брекенгамского и лондонского филиалов международной Лиги защиты морали, приступившими к работе на железной дороге под защитой военных отрядов».

«Лютеция, 25. Состоялась большая демонстрация рабочих под лозунгом: “Против провоцирования войны с Советским Союзом! Все на защиту отечества международного пролетариата!” Как передают очевидцы, демонстранты остановились на улице, где находится министерство иностранных дел, и требовали от работников министерства немедленного ответа на вопрос о политике министерства в отношении Советского Союза».

Подождав, пока Дик прочтет телеграммы, Джонни Уолтерс добавил:

— Везде сейчас такое — забастовки и демонстрации. Ты представляешь себе, Дики, что будет через несколько дней, когда все выяснится?..

Дик неохотно ответил:

— Так, как ты и сказал: все выяснится. В конце концов, откуда мне знать? Что я тебе, министр, что ли?..

Такой невежливый ответ был настолько необычен для всегда корректного Ричарда Гордона, что Джонни Уолтерс даже не нашелся, что сказать. Он недоуменно посмотрел на Дика и отошел. Дик чувствовал и сам, что в нем что-то изменилось, но не знал, что именно. Было какое-то неприятное чувство неуверенности, зависимости от гигантских событий, которые разворачивались сами по себе и против воли Дика увлекали его в свой водоворот. Если бы у Дика было время хорошенько подумать, он, вероятно, сформулировал бы свое настроение так:

«Неприятно чувствовать себя крошечной щепкой в бурной реке...»

Но эта мысль пришла ему в голову лишь через несколько дней...

За тысячу километров от Дика Гордона генерал Морис Ренуар читал те же две телеграммы. Но выводы из них он сделал иные. Прочитав первую, он сказал Райволе:

— Видите? А вы сомневались.

И, обращаясь к Гагарину:

— Очень рад. Вы хорошо выполнили поручение.

Прочитав вторую, Морис Ренуар небрежно махнул рукой:

— Пусть митингуют! Серьезному делу это не повредит.

Сказав так, генерал Ренуар будто совсем забыл о телеграммах. Он продолжал давать инструкции Райволе и Гагарину:

— Всей операцией, как я и говорил, непосредственно руковожу я сам. Вам, Райвола, поручается командование эскадрильей бомбовозов. Вы, Гагарин, берете на себя эскадрилью истребителей. Прошу проверить еще раз состав ваших сил. Более сегодня вас не задерживаю. Хотя нет: вы,

Райвола, поможете мне сделать некоторые подсчеты. Всего хорошего, Гагарин!

Перед генералом лежали большие рисунки и карты. Карта еще больших размеров висела на стене — карта европейской части Советского Союза, точнее, западной половины этой части страны. Оранжевые лучи солнца, медленно приближаясь к горизонту, яркими пятнами падали на громадную карту, образуя на ней удивительные кресты, созданные тенями оконной рамы. Генерал Ренуар мимоходом посмотрел на карту — и, улыбаясь, обратился к лейтенанту:

— Это само провидение, сама судьба! Посмотрите, Райвола, на что указывает яркое солнечное пятно.

Райвола подошел к карте. Да, генерал Ренуар был прав. Центральное широкое оранжевое пятно лежало на северо-восточной части страны, пересекая Финский залив. Внутри его, как мишень, черной точкой с двумя концентрическими кругами — был обозначен Ленинград, город большевистской революции, первая столица Советского Союза. Синяя вода Финского залива подходила, казалось, вплотную к черной точке, внешний ее круг проходил в своей западной части по воде залива. Финский залив соединял Ленинград с миром, служил ему широкой дорогой на Запад, к центрально-европейским государствам, к морям и океанам...

— Видите? — переспросил генерал Ренуар. — Само солнце указывает нам путь. Оно ведет нас, оно высвечивает первую важную цель. Ленинград, Петроград, Санкт-Петербург... Интересная череда названий, череда слов, что вскрывают наслоения истории в этом прославленном городе... Но у нас нет времени для исторических экскурсов, а тем более для мистических размышлений по поводу расположения солнечных пятен на карте. Оставим это старым фельдмаршалам, занятым своими мемуарами. А мы еще раз подсчитаем расстояния. Вот масштабы, Райвола.

Это была странная на первый взгляд схема. Бледными голубыми контурами на ней была изображена карта восточной части Финского залива, намечены важнейшие советские города северо-западной области. Прозрачные красные линии шли от одного из пунктов на побережье зали-

ва: этим пунктом и были Куस्ताмяки, где сейчас сидели за столом генерал Ренуар и лейтенант Райвола. Красные линии, начинаясь здесь, устремлялись к восточной стороне побережья, в направлении Ленинграда. Они пересекали и сушу, и воду — и поэтому опытный наблюдатель сразу пришел бы к выводу, что линии обозначали не сухопутный или водный пути: это были направления воздушных путей, путей самолетов, которые могли пересечь в воздухе и сушу, и море.

Несколько параллельных красных линий, начинаясь в Куस्ताмяки, доходили до Ленинграда, после поворачивали на юг и продолжались вдоль Октябрьской железной дороги до самой Москвы, где заканчивались в таком же красном кольце, окружавшем город. Похожими кругами завершался путь некоторых линий в Ленинграде. Направления воздушных путей, путей неожиданного нападения — заканчивались на карте алыми кругами, знаками взрывов и разрушений.

С циркулем в руках, с логарифмической линейкой и карандашом — Райвола старательно проверял расчеты. Еще несколько минут — и он поднял голову:

— Все правильно, генерал. Я не нашел ошибок.

Он встал и остался стоять у стола, неподвижный и спокойный. Генерал Ренуар также поднял голову от рисунков, вновь закурил потухшую сигарету и невольно посмотрел в окно, на запад.

Словно гигантские красные корабли плыли по небу, притянутые багровым огненным кругом солнца. Облака двигались на запад, шли одно за другим, выстраиваясь, как солдаты; они приближались к своему командиру — солнцу, коротко докладывали — и спешили прочь, освобождая путь следующим, исчезая за горизонтом.

Генерал Ренуар с полминуты смотрел на этот небесный парад. Затем он медленно перевел взгляд на лейтенанта Райволу, который стоял перед столом, словно замершее подобие человека. Фигура лейтенанта оставалась неподвижной, спокойные черты его бледного строгого лица казались

вырезанными из камня. Лейтенант Райвола ждал распоряжений.

— Да... говорите, ошибок нет? Хорошо, — наконец произнес генерал Ренуар, — значит, выступаем в четыре часа утра, лейтенант. Кстати, у вас все готово? Никаких осложнений?

Лейтенант Райвола приподнял левую бровь ровно настолько, насколько нужно было, чтобы показать вежливое удивление — в той мере, в какой можно было проделать это движение в рамках железной дисциплины, царившей здесь, на базе, на военном аэродроме, как раньше в стенах института профессора Ренуара. Однако лейтенант Райвола сразу же стер с лица все признаки удивления и четко, коротко ответил:

— Вверенная мне часть готова. Осложнений никаких нет, господин генерал.

— Значит, в четыре. Вы свободны, лейтенант.

Генерал Морис Ренуар с удовольствием заметил, как четко повернулся лейтенант, как вышел из кабинета: ни одного неразмеренного движения. Да, на него можно было положиться, — как и на всех других. Такова логика жизни: привычная дисциплина военно-исследовательской лаборатории просто-напросто механически продолжается, переходя в область чисто военной работы. Раньше ассистент-инженер Райвола был правой рукой профессора Ренуара. Теперь — лейтенант Райвола стал правой рукой генерала Ренуара. Вот и все. Работа, которую проводили в лабораториях Морис Ренуар, Альберт Райвола, Сергей Гагарин и другие, — производится и сейчас. Но если раньше этот труд был почти полностью теоретическим, а его практическое применение ограничивалось испытаниями — сегодня он стал всецело практическим.

Генерал Ренуар снова склонился над рисунками и картами. Так, отсюда до Ленинграда всего сто четырнадцать километров. Самолет-истребитель покрывает такое расстояние за пятнадцать-семнадцать минут. Так... Тяжелому бомбовозу потребуется для этого от двадцати до двадцати пяти минут. И, наконец, аэроторпеде типа ГТ-2 — также пят-

надцать-семнадцать минут, поскольку ее скорость сравнима со скоростью истребителя. Но торпеды не пойдут на Ленинград: это было бы стрельбой из пушек по воробьям. На сто четырнадцать километров — расстояние от Ленинграда до Кустамьяк — стреляют обычные тяжелые пушки.

Аэроторпеды генерала Ренуара — оружие дальнего прицела; они поразят сердце большевизма, их цель — Москва, которая сегодня, как и во все дни до сих пор, мирно вступает в обычную ночь, никак не предчувствуя своей судьбы. Последняя мирная ночь... Последняя ночь перед полным разрушением, морем огня, адом ужасных взрывов, что не оставят камня на камне...

Да, расчеты верны, их можно было бы и не проверять, потому что они были сделаны не здесь, а в тиши лабораторий, где разрабатывался механизм торпед. Никто еще не знал, не слышал ничего об этих торпедах. Тем лучше: о них узнают в грохоте взрывов, в вулканах огня, что расцветут завтра в центре коммунистической заразы...

Генерал Ренуар собрал рисунки, спрятал их в сейф, надел фуражку, на которой помимо обычной военной кокарды красовалась небольшая свастика — знак воинствующего фашизма, эмблема Лиги защиты морали — и вышел из здания. Его «Линкольн» стоял здесь, ожидая, как всегда, появления генерала. Генерал Ренуар на миг остановился на ступеньках, достал из портсигара сигарету. Посмотрел вокруг, нащупывая спички. Солнце уже скрылось за горизонтом, синие сумерки легли на землю. Генерал Ренуар машинально отметил: дует легкий северо-восточный ветерок. Хорошо. Он закурил, бодро уселся в авто и бросил шоферу:

— Аэродром. Главный ангар.

Авто мягко двигалось, покачивая тело Мориса Ренуара на кожаных подушках. Привычным движением руки генерал Ренуар включил радиоприемник и нажал кнопку с надписью «Лондр». Тотчас же в машине раздался голос диктора, передававшего последнюю информацию:

«...Демонстрации рабочих в Лютеции продолжают- ся. Арестованы несколько агитаторов, которые пыта- лись организовать забастовку-демонстрацию рабочих военных заводов. В Лондр приезжает знаменитая аме- риканская певица Лиз Мертон. Она будет выступать...»

Приемник выключен: дальше неинтересно. Выходит, в Лютеции не все в порядке. Однако все это мелочи по срав- нению с главной задачей завтрашнего утра. Что поделыв- ает генерал Древор? Он должен выступить одновременно с северными воздушными эскадрильями.

Авто остановилось. Генерал Ренуар вышел, застегивая плащ: ветерок становился все холоднее. Зеленое поле аэ- родрома было пусто — лишь виднелись вокруг него фигуры часовых и около ангаров стояли несколько механиков, толь- ко что вышедших из дверей. Всевидящее око генерала Ре- нуара заметило справа от главного ангара удивительную большую машину — без крыльев, но с огромным воздуш- ным винтом наверху: это был его автожир, всегда готовый к полету. Рядом Ренуар заметил механика Уэльса, который как раз в эту минуту вылез из кабины. Решительными ша- гами генерал направился к автожиру.

— Что случилось, Уэльс? — спросил он. — Почему вы не отдыхаете?

— Во время последнего полета, господин генерал, вы ска- зали, что руль высоты тяжеловато идет. Я проверил и, по- хоже, нашел причину: немного погнулся шарнир. Уже ис- правлено, господин генерал.

— Хорошо. Идите, отдыхайте, Уэльс. Завтра у вас будет немало работы.

Генерал Ренуар направился к главному ангару — и по пути двумя-тремя словами приветствовал каждого из встреч- ных: он отлично знал, как добрые слова действуют на под- чиненных. Они своими глазами видят, что командир думает о них, хорошо помнит имя каждого, вникает в его дела и тому подобное. Генерал Ренуар был уверен: его любили и уважали, как строгого, но заботливого, всевидящего коман- дира.

И повсюду он видел, как безукоризненно выполнялись все инструкции. Да разве могло быть иначе?.. Большинство этих людей он знал давно, все они прошли через специальную школу при институте. Знали и они его, знали, как строго наказывает он за малейшую провинность — и как награждает за хорошую работу. Нет, в отношении людей — он спокоен!

У дверей главного ангара стоял часовой. Он пристально смотрел на генерала: лишь один Морис Ренуар имел право свободно заходить в ангар, не показывая особого пропуска с фотографией. И пусть даже часовой увидел бы перед собой приятеля, с которым расстался в казарме всего полчаса назад, — он обязан был проверить пропуск. Да и в целом на территорию аэродрома было запрещено заходить кому-либо из служащих других военных частей: только те, кому выпала редкая честь принадлежать к специальному воздушному отряду Первой армии, могли находиться здесь — и всякий раз им, тем не менее, приходилось доказывать это право наличием официального пропуска.

Сразу за дверью генерал увидел дежурного техника, который быстро поднялся из-за своего столика.

— Добрый вечер, Жюст. Как в ангаре? — спросил Ренуар.

— Все в порядке, господин генерал, — был ответ.

— Торпеду 4 НК вынесли?

— Сразу, как только получили распоряжение, господин генерал.

— Хорошо. Нет, оставайтесь здесь, я пройду к торпедам.

Если на аэродроме царили глубокие сумерки, — здесь, в ангаре, все было залито светом. Спокойно стояли громады бомбовозов, словно ожидая своей очереди лететь на врага. Стрельчатые дюралюминиевые крылья простирались в стороны, пряча под собой ящики с термитными бомбами; по инструкции, они устанавливались на самолет лишь перед самым вылетом. Закрытые холщовыми чехлами пулеметные и пушечные дула были направлены вперед; с каждого самолета, с каждого бомбовоза смотрели эти дула, пока еще скрытые под чехлами. Тем самым была осущест-

ствлена одна из идей профессора Ренуара: любой самолет, даже тяжелый бомбовоз, должно быть хорошо вооружен для воздушного боя с вражескими самолетами и для нападения на войска противника с воздуха с помощью не только бомб, но также пушек и пулеметов.

Но не шеренги тяжелых бомбовозов интересовали сейчас генерала Ренуара, не ящики с термитными бомбами, которые зажигают все вокруг, разливая огненную, негасимую водой жидкость, привлекали его внимание. Он проходил мимо бомбовозов, глядя на них спокойными, привычными к их виду глазами и только автоматически проверяя порядок в ангаре. Ничто в лице генерала Ренуара не выдавало заинтересованности. И только тогда, когда он подошел к сплошной стене из гофрированного металла, разделявшей ангар на две половины, — только тогда в его походке что-то изменилось, она стала не такой быстрой. А за дверью в металлической стене шаги генерала Ренуара совсем замедлились.

Странное зрелище предстало перед его глазами. Насколько хватал глаз — весь пол был уставлен небольшими серебристыми чудовищами. Безусловно, это были самолеты; однако какие-то невиданные, непонятные черты этих машин заставили бы любого наблюдателя задуматься над их назначением. Между тем здесь, в этом строжайше засекреченном отделе ангара, посторонние наблюдатели не бывали никогда; а генерала Ренуара в этих машинах ничто не удивляло, ибо они являлись его изобретением, его творением. Это были аэроторпеды типа ГТ-2.

Низкие продолговатые самолеты с широкими крыльями, лишенные колес, на коротеньких и узких лыжах, явно не предназначенных для снега (да и не могло быть в июне снега на этом побережье), с наглухо закрытым корпусом, без иллюминаторов и входных люков, без пилотской кабины. И между крыльями, над серединой корпуса — небольшая антенна, как если бы в самолете имелся скрытый радиоприемник.

Аэроторпеды стояли ровными рядами, одна за другой, одна рядом с другой, в шахматном порядке. Все они были

соединены длинными стальными канатами, тянувшимися вдоль каждой шеренги — и каждый шел к широкой двери в стене ангара. Всего шеренг было двадцать; двадцать было и дверей в стене, выходившей на юго-восток.

— Вот моя армия, вот мои стальные солдаты, — тихо проговорил генерал Ренуар, с любовью осматривая ряды металлических созданий. — С ними мне не нужны живые люди, с ними я не боюсь измены, не боюсь большевистской агитации, способной разложить и самую крепкую армию... Огнем и железом, газом и полным разрушением — вот чем можно и нужно бороться с большевизмом. Посмотрим, кто победит. Впрочем — доведется ли им хотя бы увидеть?.. Не уверен...

АЭРОТОРПЕДЫ ЛЕТЯТ НА МОСКВУ

В семидесяти четырех километрах от аэродрома лежала советская граница; в ста четырнадцать километрах спокойно спал предутренным сном Ленинград; в семистах двадцати километрах дальше на юго-восток спала Москва.

Радиоволны, срываясь с многочисленных антенн европейских передатчиков, разносили непрерывную дробь точек и тире, как будто вселенной только и было дела, что перекликаться азбукой Морзе. Любители, привыкшие слушать по ночам официальную информацию, настроившись на прием высокоскоростного телеграфного аппарата, в котором точки и тире сливались в тонкое комариное пение, — этой ночью бессильно бросали наушники, не сумев разобрать ни слова: в эфире этой ночью господствовали шифровки, скрывавшие в себе таинственные и, очевидно, крайне важные сообщения.

В июне светает рано, ночь проходит быстро и незаметно. Аэродром в Кустамьяки не знал сигнального горна, этого неперменного атрибута всякой старой военной части; рядом со сложными и совершеннейшими машинами это был бы недопустимый архаизм, напоминающий детскую свистульку на современном огромном самолете. Обычный и устаревший сигнальный горн с самого начала заменила здесь система оптической и акустической электросигнализации. Но еще до того, как эта система была приведена в действие, в три часа, когда чуть выше горизонта на востоке появилось легкое и прозрачное розовое сияние — генерал Ренуар уже сидел за столом в своем кабинете, диктуя stenografistu рапорт, адресованный высшему командованию, и одновременно прихлебывая по давней привычке крепкий черный кофе.

— Заканчиваем так, — медленно говорил он, следя за быстрыми, едва заметными движениями карандаша в руке

стенографиста. — «Сообщаю, что вы будете систематически получать из моего штаба сводки о развитии событий. Что касается лично меня — прошу отдавать приказы и в целом поддерживать связь только по радио, специальным “воздушным” шифром, на обычной частоте моего автожира, в котором я буду находиться, руководя операцией и следя за ее ходом. Подписано: Морис Ренуар, генерал». Готово? Передайте незамедлительно в аппаратную: зашифровать и переслать. Нет, погодите: скажите им, чтобы все адресованное мне так же безотлагательно пересылали по радио на автожир. Ступайте.

Отпустив стенографиста, генерал Ренуар с минуту сидел неподвижно, забыв даже о кофе. Но вдруг он посмотрел на часы, отставил чашку с недопитым кофе, взял автоматический карандаш и начал быстро писать:

«Мой дорогой друг. Знаю, что вы не ждете от меня письма, вы уже давно бросили надеяться на это. Но вам хорошо известно, что я почти никогда не пишу писем. Не мое это дело: для сообщений о моей жизни на свете существуют секретари, а иногда — газеты. Видите, я даже шучу. — Пишу я письма очень редко — именно тогда, когда обычный человек и не подумал бы взяться за такое занятие. Например, сейчас: у меня совсем нет свободного времени, через двадцать минут начинается ответственная операция под моим руководством. И, как видите, я занят письмом. Не удивляйтесь: писать письма для человека, который почти никогда их вообще не пишет, человека, чей мозг упорно и напряженно работает над теоретическими расчетами и практическим их осуществлением, — довольно своеобразный труд. Он заставляет переключиться и на несколько минут забыть о делах. А это, как вам, безусловно, известно, и есть элемент настоящего отдыха. Вот почему я сейчас пишу вам — чтобы урвать несколько минут отдыха перед началом операции».

Генерал посмотрел на часы: было уже без четверти четыре. Его карандаш еще быстрее забегал по бумаге.

«Да, времени у меня почти нет. Поэтому буду краток. Через час я начинаю великое дело уничтожения большевиков. Знаете, слышали, наверное, как мещане победнее уничтожают клопов?.. Иногда кипятком, иногда просто свечкой, огнем. Так поступаю и я. Только мои кипяток и огонь — огромные. Через час вылетают мои самолеты — истребители и бомбовозы. И вместе с ними я выпускаю первую партию моих аэроторпед. Тех самых, о которых (помните?) я в свое время упорно не хотел вам рассказывать, по причине чего мы даже слегка поссорились. Итак, аэроторпеды вылетают в четыре часа утра. Вернее, когда вы получите это письмо, они не только вылетят, но и успеют сделать все, что им требовалось сделать. Что такое аэроторпеда?.. Представьте себе огромный снаряд с пропеллером, крыльями и мотором, которым можно управлять на расстоянии. Или же, наоборот, представьте себе самолет, управляемый издали, самолет без летчика, начиненный сильнейшими взрывчатыми веществами или термитной массой, которая сжигает все вокруг. Теперь представьте, что этот самолет-снаряд способен пролететь около тысячи километров и взорваться в определенную минуту — в зависимости от того, как будет заранее отрегулирован его часовой механизм. Это и есть моя аэроторпеда».

И снова Морис Ренуар посмотрел на часы: до четырех оставалось всего шесть минут.

«Первый отряд, первая батарея моих аэроторпед вылетает на большевиков через шесть минут. Управлять этим первым отрядом буду лично я, с воздуха, находясь в моем автожире. И надеюсь, что через два-три часа смогу отправить вам коротенькое сообщение

о результатах первой операции аэроторпед. Результатом станет: “Москва разрушена!” Конечно, не вся, но значительная ее часть. Уже вижу ваше пораженное лицо, ваши честные простодушные глаза обиженного пацифиста: — “Как же так?.. Ведь война не объявлена?..” Да, война пока что не объявлена. Ее объявляю я, моими аэроторпедами. Вот и все. Прошу прощения, у меня больше нет ни секунды времени.

Искренне ваш *Морис Ренуар*».

Не перечитывая письмо, генерал Ренуар положил его в конверт, заклеил, запечатал своей печатью, надписал адрес и положил конверт в папку с надписью «Срочная почта». Через полминуты после этого генерал уже сидел в своем «Линкольне» и мчался к аэродрому.

Эскадрильи истребителей и бомбовозов выстроились на поле у ангара, готовые к вылету. Их гигантские очертания были угрожающими; первые лучи розового утреннего солнца играли на блестящих стволах пулеметов и пушек, не прикрытых более чехлами. Лучи матовыми бликами отражались от серебристых гофрированных крыльев великанов, готовых тотчас взмыть в небо. Команды самолетов также были готовы — по шесть человек на машину.

Генерал Ренуар быстро прошел мимо строя самолетов в ангар. В боковой стене, выходявшей на юго-восток, были открыты все двадцать дверей. Бесшумные тракторы-тягачи на резиновых грубых шинах плавно тянули стальные канаты — и вместе с ними десятки уродливых самолетов-торпед. Вывод аэроторпед завершился: генерал Ренуар увидел, как медленно, но четко выползли на поле, на заранее установленные рельсы, последние двадцать торпед. Невольно генерал Ренуар подсчитал: торпеды стояли ровным четырехугольником, по десять с каждой стороны. Итого — сто.

К генералу подошел лейтенант Райвола:

— Разрешите, господин генерал. Истребители и бомбовозы готовы. Эскадрильей истребителей командует лейтенант Гагарин, эскадрильей бомбовозов — я. Жду разрешения стартовать: время пришло!

Морис Ренуар мановением руки подозвал к себе Гагарина и капитана Миети, управлявшего стартом и полетом аэроторпед:

— Желаю успеха, господа. В успехе я уверен. Говорить мне не о чем. Вы знаете меня, я знаю вас. Хочу только напомнить вам, что сегодня вы будете защищать многовековую культуру целого мира. До свидания, Райвола, до свидания, Гагарин. Миети, близится и ваша очередь.

Он крепко пожал всем руки. Командиры повернулись, Миети подошел к пульту управления, стоявшему здесь же, у ангара, Райвола и Гагарин торжественно поднесли к губам серебряные свистки — и в ту же минуту взорвались бешеным ревом моторы самолетов. Грохот моторов заполнил все поле; казалось, на аэродроме не осталось ни единого уголка, куда не проникал бы этот грохот.

Генерал Ренуар спокойно посматривал на часы: все шло, как на учебном параде. Самолеты стартовали с интервалами в двадцать секунд; срываясь с места, они мчались по полю — и отрывались от земли. Истребители, легкие и подвижные, сразу набирали высоту, как будто их кто-то подтягивал вверх; тяжелые бомбовозы медленно кружили в воздухе, все выше забирая в небо. Генерал повернул голову к пульту: Миети внимательно следил за стартом самолетов. До запуска торпед оставалось еще три минуты. И наконец — Миети посмотрел на генерала и, увидев, как Ренуар твердо кивнул, склонился над пультом.

Морис Ренуар, взглянув напоследок на металлические ряды аэроторпед, быстро пошел к автожиру. Лопасті огромного горизонтального воздушного винта медленно вращались: автожир был готов к старту. Генерал вошел в кабину; автоматическая дверца люка закрылась за ним с мягким лязгом. Гул моторов еле слышался — кабина автожира была изолирована от шумов. Навстречу генералу поднялся лейтенант Гринберг, командир автожира.

— Добрый день, лейтенант, — сказал ему генерал Ренуар. — Пойдемте наверх.

Он сел у небольшого столика с картами и приборами. Отсюда через широкие окна было видно все, что делалось вокруг; окнами были оснащены не только стены, но также днище и крыша автожира. Горизонтальный большой винт не мешал обзору, так как во время полета вращался чрезвычайно быстро. Автожир чуть вздрогнул — и сразу же оторвался от земли. Аэродром остался где-то позади, затерялся в глубине. Далеко внизу виднелись ряды торпед и последние самолеты, уменьшающийся на глазах аэродром теперь уже весь помещался в окне. Автожир генерала Ренуара не нуждался в разбеге, он уходил в воздух, в высоту прямо с места, почти вертикально.

Из отверстия в передней стенке автожира, ведущего в кабину радиста, на стол генерала по специальному желобку соскользнул листок бумаги. Это была радиограмма, только что принятая радистом:

«Эскадрилья стартовала. Курс на юго-восток. Жду бомбовозов, чтобы прикрыть их с флангов.

Г а г а р и н».

Через полминуты была принята аналогичная телеграмма от Райволы. Обе эскадрильи соединились и летели дальше в боевом порядке.

Третья депеша известила генерала об окончании запуска аэроторпед. Миети сообщал, что аппаратная уже направила их на предусмотренный планом операции курс и будет придерживаться его до новых приказов генерала. Однако генерал Ренуар успел собственными глазами увидеть старт аэроторпед. Это было весьма необычное зрелище, потому что торпеды стартовали не в одиночку, а вместе, десятками, словно штурмуя чистое голубое небо. Генерал сказал в телефон, соединявший его с командиром автожира и механиком:

— Курсом непосредственно за первыми торпедами. Не отставать, держаться над их шеренгой на высоте двухсот метров.

Уже исчез из нижнего окна аэродром, уже поплыли внизу едва заметные чахлые кусты, очень характерные для этого северного края; автожир приближался к советской границе, пересекая небольшие морские заливы. А вместе с ним плыли на высоте двух тысяч метров десятки ужасных аэроторпед, начиненных взрывчатыми веществами и термитной массой. Металлические солдаты, целиком подвластные своему командиру — они послушно мчались в воздухе, неся взрывы и пожары, неся разрушение и смерть десяткам и сотням тысяч людей, которые еще не проснулись от сна, ничего не знали, ничего не подозревали...

Да — решительная директива, которой следовал генерал Ренуар, говорила твердо и властно:

«Немедленный налет бомбовозов должен разрушить взрывами и пожарами промышленные предприятия Ленинграда. Одновременно, с помощью аэроторпед вы должны разрушить Москву, чтобы окончательно деморализовать тыл противника».

Автожир приближался к границе СССР, где безусловно так ничего и не подозревали. Но если бы даже они и готовились, — что могли противопоставить большевики стальной армии, мчащейся на них на высоте двух тысяч метров?

Внезапно из окошка радиокабины упала на стол новая депеша:

«На горизонте эскадрилья врага. Тип самолетов распознать пока что не могу. Но по всем признакам — самолеты типа истребителей. Разворачиваю отряд в боевой порядок, принимаю возможный бой на себя, оставляя бомбовозы в оцеплении.

Г а г а р и н».

Так. Большевики не спят. Они пытаются помешать налету. Откуда они узнали о времени вылета отряда?.. Неужели в составе армии есть предатели?.. Ничего, пускай! Через несколько минут большевистские самолеты окажутся на земле в виде кучи исковерканных обломков.

Зазвонил телефон. Голос лейтенанта Гринберга произнес:

— Курс на юго-восток. На расстоянии пяти километров воздушный бой.

Да, это видит и сам генерал Ренуар из своей кабины. Однако — разве это бой?.. Большевистские самолеты избегают стычки... Они поспешно возвращаются обратно, несутся на свою территорию... Жаль, потому что пушки у истребителей эскадрильи Гагарина наверняка куда дальнбойней, они разнесли бы вражеские самолеты еще до первого выстрела с их стороны. Что за трусы эти большевики? Вот так защитники границы! Убегают — и еще как...

Новая депеша:

«Вражеские самолеты бегут. Не меняю курса.

Г а г а р и н».

Действительно, большевистские самолеты разлетелись во все стороны, как испуганные птицы, их уже не видно. Путь чист. Дорога открыта. Вперед!.. Генерал Ренуар отдал приказ:

— Радировать Гагарину и Райволе: «Сомкнутым строем — вперед. Высота: две тысячи пятьсот метров». Передать по радио в аппаратную аэродрома, Миети: «Курс аэроторпед без изменений, высота две тысячи пятьсот. Все».

Он снова глянул в призматический бинокль, направленный вперед, на юго-восток: нет ли чего на горизонте?.. Нет, все чисто. Но... что это?.. Какая чушь... Да нет, не может быть!..

И все же это так: на советской стороне границы работают прожекторные установки. Генерал ясно видит едва заметные лучи, вибрирующие в свежем утреннем воздухе. Бессмыслица: к чему прожекторы днем?.. И, главное, сколь-

ко же их? Словно вся граница уставлена этими прожекторами, которые слаженно выпускают свои концентрированные лучи вверх, в чистое небо. Какие-то странные игрушки... Так пусть играют, генерала Ренуара и его эскадрилью это не интересует.

Однако... какая-то неясная, непонятная тревога прокрадась в мозг генерала Ренуара. Сперва удивительное бегство советских самолетов, хотя его и можно было объяснить тем, что большевистские пилоты встретили гораздо более многочисленного врага. И все же это никак не соответствовало их прославленному упорству. Что-то здесь оставалось невыясненным... А после — эти прожекторы... Генерал Ренуар не отрывался от призматического бинокля. И вдруг он увидел неожиданную, ужасную картину.

Передняя шеренга истребителей, быстро мчась в вышине, оказалась над лучами прожекторов, которые засияли светящимися пятнами на крыльях и корпусах самолетов.

И мгновенно эта первая шеренга самолетов дрогнула. Передние самолеты закачались, как лодочки на морских волнах. Затем они пошли вниз — сперва ровно, а потом кренясь все сильнее и сильнее. Вслед за этим генерал Ренуар увидел, не веря своим глазам, как самолеты-истребители, гордость его отряда, самолеты, которыми командовал его любимец, лейтенант Гагарин — как эти самолеты, кувыряясь в воздухе, точно куски жести, падают вниз, без единого выстрела, без всякой попытки выровняться, будто все их экипажи мгновенно погибли.

Несколько страшных секунд генерал Ренуар наблюдал это мертвое, бездушное падение. А тем временем новые шеренги самолетов влетали в зону действия прожекторов, зону их бледных голубоватых лучей, начинали качаться — и, переворачиваясь, как и первые, падали вниз.

— Радируйте: «Стоп! Не приближаться к прожекторам! Стоп!» — прокричал в телефон генерал Ренуар и не договаривал приказ: он увидел, как врезались в землю первые омертвевшие самолеты и как земля ответила им огромными облаками дыма, которые поднялись вверх, оку-

тав новые самолеты, падавшие сверху. Это были взрывы бомб и снарядов на борту истребителей и бомбовозов.

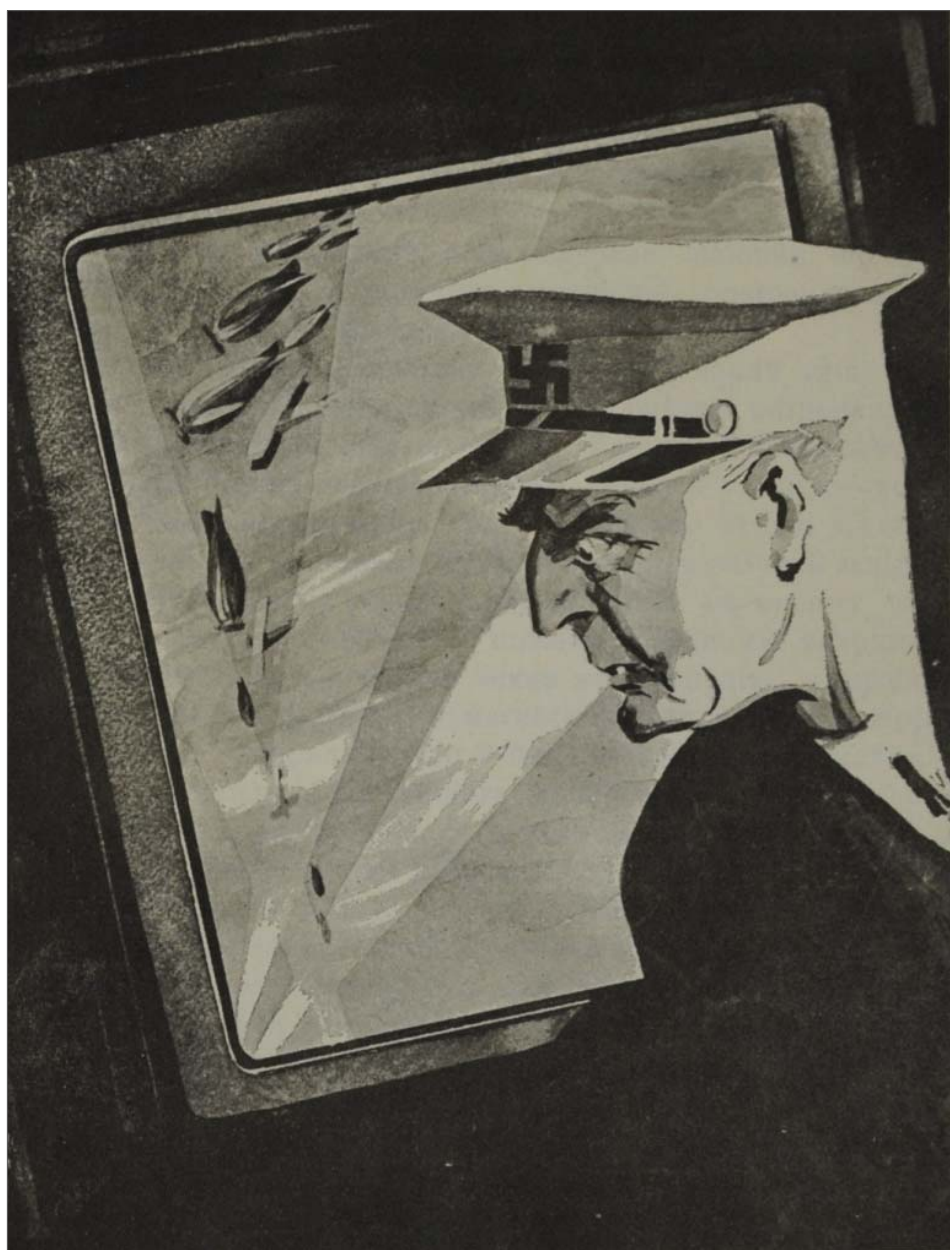
Генерал Ренуар не выдержал страшного зрелища: ведь погибали его создания, погибали его бойцы... Он закрыл глаза ладонью — но тут же снова отнял ладонь. Он вспомнил, что отряд ждал его приказов, расходясь веером в стороны перед линией смертоносных прожекторных лучей, едва выделявшихся, как и раньше, на ясном небе. Кроме того, вслед за эскадрильями истребителей и бомбовозов летит первая батарея аэроторпед. Что же делать?.. Мозг генерала Ренуара работал, как в горячке. Остановить, остановить сейчас же!..

— Радируйте в аппаратную аэродрома, Миети: «Немедленно остановить движение торпед. Изменить курс, направление прямо на запад до нового приказа. Самый малый газ».

Прокричав это в телефон, генерал взглянул в бинокль. Однако автожир вместе с торпедами уже приближался к зоне, где разлетались в стороны, направо и налево — истребители и бомбовозы. А лучи прожекторов тихо колыхались в воздухе, оставаясь на прямой линии, шедшей наискосок от поверхности земли до высоких кучерявых облаков. Первые шеренги аэроторпед все быстрее приближались к границе лучей. Конечно, требовалась по крайней мере минута, чтобы заставить их остановиться и изменить курс...

— Гринберг! Стоп! — крикнул генерал. Он понемногу овладевал собой. Это было крайне необходимо: от его нервов, его воли зависела теперь участь всех его подчиненных, которые растерянно ждали приказов, придерживаясь указанного курса, под прямым углом к границе лучей.

Автожир остановился. Он неподвижно висел в воздухе; машину поддерживали лопасти большого горизонтального пропеллера, вращавшегося с максимальной скоростью. А торпеды все приближались к лучам... слепые чудовища бездумно выполняли предыдущий приказ, прорываясь прямым строем в Советский Союз...

— Да остановитесь же, остановитесь ... — прошептал генерал Ренуар. И, словно повинуюсь его словам, аэроторпеды одновременно начали медленно поворачивать направо. Они поворачивали все вместе, в строгом порядке, как будто каждой из них управляла рука опытного летчика. Но радиус их поворота был слишком широк по сравнению с тем расстоянием до границы голубоватых лучей, на каком они находились. Генерал Ренуар видел, что передняя шеренга торпед все же врежется в лучи. В воображении он видел несуществующую в природе, но четко, как на рисунке, аккуратно прочерченную кривую, вдоль которой лежал путь передней шеренги торпед, — и он ничем не мог помочь...

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, он мог только наблюдать, как передняя шеренга торпед оказалась в зоне лучей, как нежно засияли на металлических крыльях торпед световые пятна прожекторов — и как двенадцать аэроторпед одна за другой камнем рухнули вниз...

Невиданное облако сизого дыма подпрыгнуло с земли и поглотило их. Словно гигантский вулкан раскрыл там, внизу, свой кратер и по очереди глотал торпеды, отвечая на это новыми и новыми клубами дыма, покрывшими в конце концов всю землю. Торпеды взрывались внизу одна за другой, автожир бросало вверх и вниз, словно мячик в руках озорного мальчишки, — так сильны были воздушные волны от взрывов. Но большинство аэроторпед удалось спасти, они уже повернули направо и медленно летели, как стая птиц, вдоль границы смертоносных лучей, понемногу удаляясь от нее.

Из окошка радиокабины на стол упали три телеграммы:

«Курс аэроторпед изменен. Прямо на запад. Самый малый газ.

М и е т и».

«Жду указаний. Шесть истребителей по неизвестной причине упали в зоне прожекторов.

Г а г а р и н».

«Ожидаю приказов. Восемь бомбовозов упали по неизвестной причине в зоне излучения прожекторов.

Р а й в о л а».

Генерал Ренуар ударил кулаком по столу: черт! Ведь теперь делать нечего, сквозь дьявольские лучи все равно не прорвешься, надо возвращаться. И рявкнул в телефон, сжав челюсти:

— Радируйте Гагарину и Райволе: «Курс на северо-запад, к аэродрому отряда. Рейд откладывается». Далее, радируйте в аппаратную, Миети: «Немедленно...»

И он остановился: что именно передать Миети, куда направить аэроторпеды? Ведь они не могут спуститься на землю без того, чтобы не взорваться, ведь их часовые механизмы установлены на взрыв через два часа... Не может снаряд, вылетев из ствола пушки, вновь вернуться в дуло; не может аэроторпеда, выпущенная в воздух, вернуться на свой аэродром, ибо она даже не имеет приспособлений для посадки, она упадет, она взорвется, пусть и опережая часовой механизм — взорвется от удара о землю... Вдруг он услышал голос лейтенанта Гринберга:

— Господин генерал, к нам движутся лучи!..

Как безумный, ринулся генерал Ренуар к окну: да, смертельные лучи начали двигаться. Если прежде они стояли неподвижно, как невиданные небесные шлагбаумы, то сейчас начали передвигаться, словно разыскивая в небе что-то до сих пор не пойманное. Они подбирались все ближе и ближе, пересекаясь в воздухе, словно бледные голубоватые ножницы, разрезающие небо на огромные куски... Ближе, еще ближе...

— Полный газ, Гринберг, назад, курс на запад!..

Но было уже поздно. Автожир судорожно рванулся в сторону, быстро набирая скорость и уходя на запад. Один из голубоватых лучей, одно из лезвий гигантских ножниц, молниеносно резануло его нос, где помещался главный двигатель. На долю секунды прикоснулось лезвие, едва чиркнуло, — однако этого было достаточно. Мгновенно стих шум мотора, остановилась, подрагивая, стрелка электрического указателя высоты. В генеральскую каюту вбежал радист, руки его дрожали:

— Связь прервана, господин генерал! Машины не работают, передатчик и приемник испорчены, взорвались все лампы... телефон не действует...

Автожир медленно шел вниз, поддерживаемый только оборотами горизонтального пропеллера и движениями оперения, что позволяло Гринбергу с большим трудом спускаться наподобие планера. Генерал Ренуар молча смотрел в окно — вслед эскадрильям истребителей и бомбовозов, которые удалялись от него в сторону Кустамьяки, курсом на северо-запад, — и в первом отряде аэроторпеды, что несли на малом газе, на малой скорости взрывы и пожары в новом направлении, на запад, где никто точно так же не ожидал разрушительной атаки, в страны, чью вековую культуру пытался защитить своей механической армией от варваров-большевиков генерал Ренуар...

«Миети, конечно, не изменит курс аэроторпед без моего приказа... дисциплина... и передатчик у меня не работает... это же ужас... аэроторпеды взорвутся через полтора часа... и я не могу отдать приказ, изменить их курс... аэроторпеды возвращаются на запад... боже мой, какой ужас...»

Генерал Морис Ренуар бормотал это, глядя безумными глазами мимо радиста, который стоял, держась дрожащими руками за стол и боясь взглянуть в лицо сурового командира, постепенно терявшего рассудок...

Но генерал Ренуар вдруг замолчал. Стиснул челюсти, грозно ударил кулаком по столу:

— Нет, еще поживем! Пусть летят на запад, пусть летят куда угодно — мы еще поборемся! ..

Автожир медленно снижался, приближаясь к земле...

НАСТУПЛЕНИЕ ПРЫГАЮЩИХ ТАНКОВ

В это же самое утро, на тысячу километров южнее, в четыре часа начиналось большое комбинированное воздушное и наземное нападение на Советский Союз. Смешно было бы думать, что наступление начинали только части, размещенные в Браештове. Не менее наивным было бы считать, что наступление целым фронтом осуществлялось только какими-то определенными механизированными частями. Современная война не знает отдельных частей, танков, артиллерии, пехоты или кавалерии. В наступлении принимают участие буквально все рода войск — в определенной последовательности, по обдуманному плану.

Ровно в четыре часа утра все небо вдоль границы покрылось стаями стальных хищников, решительно двинувшихся в сторону Советского Союза. Одновременно загромежала артиллерия, посылая сотни и тысячи тяжелых снарядов, которые разрывались на советской земле, сея смерть и разрушение. Тишина мирного погожего апрельского утра исчезла; на смену ей пришел гром выстрелов и взрывов. Задрожала земля. Горизонт скрыли облака дыма, сквозь них кое-где прорывались острые красные огненные языки пожаров. Это горели зажженные термитными снарядами дома в советских селах.

Так начиналась артиллерийская подготовка наступления. Взрывы снарядов ложились ровными квадратами, разрывая в шахматном порядке недра земли; их работу довершали сбрасываемые с самолетов бомбы, которые падали сверху все дальше и дальше от границы, в глубине советской страны. Эскадрильи распределили задачи между собой. Одни уничтожали оставшихся защитников в пограничной полосе; другие разворачивали воздушное наступление, бешеную атаку на ближайшие тылы, чтобы деморализовать их, посеять панику, нарушить системы связи.

И почти одновременно с выступлением артиллерии и воздушных эскадрилий началась газовая подготовка предстоящего наступления. Командование Первой армии воспользовалось свежим ветерком, дувшим в сторону советских позиций.

Гигантские цилиндрические баллоны, заранее подвезенные к первой линии окопов, открыли свои краны. Густые струи желтоватого тумана поползли от бомб на восток, подгоняемые ветерком. Это был новый, доселе неведомый газ «кольрит», обладавший всеми свойствами известного еще со времен империалистической войны иприта, но в несколько раз более стойкий и активный. Все разработанные до сих пор противоипритовые противогазы не могли защитить от «кольрита». Он разъедал любую одежду, проходил через любые маски... И человек сразу падал без сознания; на теле его возникали глубокие, доходящие до самых костей язвы.

Дежурные химики, защищенные новыми, насыщенными оловом противогазами и прорезиненной одеждой, каждая нить ткани которой была затем покрыта тонким слоем олова, нанесенного гальванопластическим методом, внимательно следили в бинокли за действием «кольрита». Они видели, как желтоватые струи достигли советских окопов, видели, как перед этим красноармейцы надевали противогазы и как они падали навзничь через несколько секунд после того, как до них доходили тягучие волны «кольрита».

Химики внимательно наблюдали — и совершенно спокойно отмечали все это в своих записных книжках. Для них это был интересный научный опыт: еще ни разу им не доводилось испытывать действие «кольрита» в таком массовом масштабе. До сих пор новый газ был опробован лишь на единицах — на осужденных преступниках.

Другие части пока выжидали. Их время еще не пришло, артиллерия вместе с самолетами и химиками еще не закончила подготовительную операцию. Так проходили минуты — в сумасшедшем грохоте орудийной стрельбы, в отблесках взрывов на дрожащей, испуганной земле, в волнах желтоватого адского тумана «кольрита»...

Дик Гордон взглянул на Джонни Уолтерса, который, не выдержав, безвольно опустился на скамью:

— Джонни, возьми себя в руки. Приближается твоя очередь.

Уолтерс поднял голову. Он снял фуражку, обнажив взъерошенные волосы. Лицо его было печально, губы искривила натянутая улыбка:

— Дики, не в том дело... я не боюсь, ведь ты знаешь... не в том...

— Не понимаю.

— Слушай, Дики, я должен тебе сказать!

Глаза Уолтерса заблестели, он бросал слова, будто был не в силах сдержать их, словно в каком-то забытье:

— Дики, это невозможно. Мы нападаем на мирное население, которое ничего не знает, ничего не подозревает. Мы уничтожаем людей, мы разрушаем все, не дав им возможности защищаться. Мы атакуем, не объявив войны. Это ужасно. Тысячи людей погибают, не проснувшись, под обломками своих домов. Ты слышишь?..

До них донесся грохот ураганного огня! И сразу зазвонил сигнальный звонок, возвещая о начале второго этапа операции. Дик с болью посмотрел на Джонни:

— Джонни, это малодушие. Война есть война. Брось пустые разговоры. Хватит пацифизма. Теперь не время разводить кислые речи. Пойдем!

Они направились в наблюдательный пункт. Здесь, в бронированном помещении, можно было видеть на экранах все участки этого района наступления. Большие перископы, установленные в отдельных точках фронта, показывали на своих зеркалах все, что попадало в поле их зрения. Далее эти изображения передавались по электрическим проводам в наблюдательный пункт и вновь проецировались на экраны. Дик подошел к экрану 46-го участка, где должно было начаться наступление прыгающих танков.

Густой дым скрывал участок, его медленно разгонял ветер, открывая наблюдателю какой-то кусок поля. Что-то двигалось по полю, какие-то машины...

— Вот! Вот они! — воскликнул Гордон, подтаскивая Уолтерса к экрану.

Да, вперед шли прыгающие танки. Артиллерия освободила им путь, внесла некоторую растерянность в войска противника. Танки двигались широкой лавиной, близко друг к другу. За ними шли пехотные части, готовые закрепиться на захваченных участках фронта.

Дик видел, что, несмотря на строжайшую тайну, которой была окружена подготовка к наступлению, советские войска не были захвачены врасплох, они не были сломлены и оказывали значительное сопротивление. Тем более важной становилась роль прыгающих танков — этого нового вида оружия.

На экране было видно, что враг встретил танки пулеметным огнем и стрельбой из противотанковых пушек. Но это не было опасно для прыгающих танков, имевших толстую броню. Их панцирь можно было пробить только прямым попаданием бронебойного снаряда. Если удар приходился под самым малым углом — снаряд ricochetил, не причиняя броне вреда. Даже отдельные брызги расплавленного металла от пуль и снарядов не в состоянии были добраться до экипажа сквозь узенькие ориентиры — наблюдательные окошки танка, так как перед ними вращались диски с прорезями, дававшие возможность все видеть изнутри, но не пропускавшие в окошко никаких предметов извне. Конструкция танка была действительно безупречна.

Но, идя прямо на противотанковые пушки, танк рисковал получить тот самый удар снаряда под прямым углом к броне. А это легко могло вывести его из строя. Дик восхищенно наблюдал, как первые два танка легко проделали маневр, который водители много раз отрабатывали в школах.

— Джонни, вот оно!..

Подойдя близко к пулеметно-пушечному гнезду, танк неожиданно увеличил скорость и вдруг подпрыгнул вверх. Он подлетел на три-четыре метра и понесся в воздухе на гнездо. Такой же маневр не менее четко проделал и второй танк. Эти движения были заранее рассчитаны так, чтобы,

заканчивая прыжок, танк попал именно на гнездо, давя своей тяжестью пушки, пулеметы и людей. Маневр был выполнен чрезвычайно точно. Прочертив в воздухе длинную растянутую дугу, оба танка упали на гнезда и продолжали двигаться дальше, оставляя за собой на земле, там, где только что были гнезда, — разрушенные, раздавленные обломки...

— Ты и теперь будешь разводить свою мещанскую мораль? — насмешливо спросил Уолтерса лейтенант Гордон, не отрываясь от экрана.

Джонни молчал.

А наступление продолжалось. Танки шли, словно бездушные металлические чудовища, не знавшие ничего, кроме простой цели — разрушать, уничтожать, убивать. За ними продвигалась пехота, своим напором окончательно закрепляя победу. Танки уже проехали дальше и их не стало видно на экране. Зато можно было наблюдать спокойную работу пехоты и связистов, которые устанавливали легкие пулеметы, проводили связь, закрепляясь на захваченном участке.

Победа была безусловной. Советские части отступали в глубь страны, оставляя в руках Первой армии передовые линии обороны. Их преследовали самолеты, их уничтожала артиллерия, их поливали свинцовым дождем скорострельные механизированные пулеметы, выдвинутые вслед за наступлением танков пехотой Первой армии. Возможно, сопротивление было бы гораздо сильнее, если бы не внезапность нападения... Старый седоусый генерал Древор был прав: ни минуты ожидания, ко всем чертям дипломатию, слово предоставляется оружию и машинам!

Дик Гордон переходил от экрана к экрану. Повсюду войска Первой армии одерживали бесспорную победу. Правда, большой прорыв был достигнут только на трех участках, где наступление возглавляли прыгающие танки Ричарда Гордона. Однако и на других участках советские части отступали...

В наблюдательный пункт быстро вошел курьер. Он искал Гордона. Курьер остановился у дверей и, приложив руку к фуражке, доложил:

— Господин лейтенант, вас немедленно вызывает генерал Древор. Он в своем кабинете, в штабе.

— Хорошо.

Большая карта пограничной полосы занимала почти всю стену кабинета генерала Древора. Сам он сидел за столом и следил за ловкими движениями своего адъютанта, прикалывавшего булавками красный шнурок к карте. Граница на карте была обозначена прерывистой черной линией. Красный шнурок, который извивался с севера на юг, отмечал фактическую границу после сегодняшнего победного наступления. Красный шнурок извивался неровно, он углублялся языками в глубь территории Советского Союза, и самыми глубокими клиньями были участки, на которых атаковали прыгающие танки.

Генерал Древор приветливо встретил Дика Гордона:

— Очень рад вас видеть, лейтенант. Прежде всего, хочу от всего сердца поздравить вашу руку, руку человека, благодаря таланту которого мы имели возможность сегодня использовать такие замечательные машины. Взгляните на карту: эти глубокие прорывы большевистского фронта — результат прекрасной работы ваших прыгающих танков.

Он тяжело встал, торжественно пожал руку Дика и вновь опустился в кресло. Дик чувствовал себя немного неловко: он не привык к подобным излияниям старого генерала. Адъютант тем временем заканчивал закреплять рядом с красным шнурком такой же черный, показывавший расположение позиций Первой армии. Этот шнурок словно догонял первый, он отталкивал его все дальше и дальше на восток, порываясь отрезать самые большие куски карты своими резкими изгибами.

— Меня беспокоит лишь отсутствие каких-либо сведений об операции генерала Ренуара, — продолжал Древор,

— за свой фронт я уверен. Вы ничего не получали от генерала Ренуара, лейтенант?..

Нет, лейтенант Гордон не знал ничего. В конце концов, оно и не удивительно: прошло всего несколько часов с начала общего наступления.

— И еще одно. Донесения говорят, что наступление прыгающих танков разворачивается дальше. Следовательно, есть опасность отрыва передовых частей от общего фронта наших позиций. Я знаю, что радиус действия ваших танков довольно большой, знаю и то, что они могут не бояться мелких атак, они достаточно хорошо вооружены и бронированы. Однако... что вы думаете по этому поводу, лейтенант?

— Было бы большим легкомыслием, господин генерал, если бы я осмелился высказывать свои мысли по поводу оперативной деятельности танкового отряда, ибо моя компетенция — техника.

Уже заканчивая фразу, Дик Гордон почувствовал, что она звучит неучтиво: он должен был сказать, что думает, раз уж его спросил сам Древор. Однако генерал не заметил этого: он был занят своими мыслями.

— Да, — продолжал он. — Конечно, ваше дело — техника. На сколько километров они углубились, адъютант? — обратился он к стоящему возле карты человеку.

— На шестнадцать, господин генерал, если считать от официальной границы.

— А от наших новых позиций?

— От прямой линии, связывающей стороны прорыва, на девять-десять, господин генерал.

— Да... Передайте им приказ остановиться. Пусть дальше не прыгают, — пошутил генерал Древор. — Пускай отдохнут. Кроме того — нужно бросить на южный и северный фланги прорыва танковые отряды и закрепиться там. Я не боюсь мешка, — снова обратился он к Дик Гордону, — но следует быть осторожным.

Дик не успел ничего ответить, потому что вдруг заговорил настольный громкоговоритель. Голос секретаря возвестил:

— Штаб связи просит разрешения господина генерала переключить его громкоговоритель на трансляцию сообщения мощных передатчиков Советского Союза. Обращение посвящено северной воздушной операции и будет зачитано на английском языке! Передача начнется через две минуты.

— Интересно, давайте, — отозвался генерал Древор и в знак согласия нажал одну из кнопок на фарфоровом щитке, установленном на столе. Он жестом пригласил Дика садиться, протянув ему свой портсигар.

— Любопытно, что скажут большевики о результатах воздушной операции генерала Ренуара. Ведь это, кроме всего прочего, покажет и то, как они относятся к нашей манере заканчивать дипломатическую болтовню языком пушек и бомб...

Генерал раскурил погасшую сигарету. Едва от нее поплыл ароматный сизый дымок, — громкоговоритель снова заговорил, сперва негромко, но все набирая силу и выразительность:

«Пролетариям всех стран, всем друзьям социалистической родины рабочих, крестьян и всех трудящихся мира. Слушайте, слушайте! Сообщаем о чудовищном преступлении мирового империализма, направленном против Советского Союза. Слушайте, слушайте!»

Голос сделал небольшую паузу. Генерал Древор насмешливо помахивал сигаретой.

«Как известно, так называемые Заинтересованные Державы направили Советскому правительству наглую ультимативную ноту, которая сводилась к новой попытке вмешательства во внутренние дела Советского Союза. Советское правительство ответило на этот ультиматум вполне спокойно, подчеркивая тем свою неизменную мирную политику. Несмотря на это, империалисты Великосаксии, Швабии и Остерии, не объявляя

войны, совершили сегодня на рассвете заранее подготовленное неожиданное нападение на советские рубежи. Слушайте, слушайте! На рассвете большой отряд военных самолетов-истребителей и бомбовозов, который вел за собой многочисленную эскадру воздушных, управляемых на расстоянии, гигантских механических летающих бомб-аэроторпед, попытался пересечь нашу северо-западную границу, чтобы разрушить Ленинград — а, возможно, и Москву».

Генерал Древор удовлетворенно кивнул головой: верно, и Москву...

«Вместо формального объявления войны, империалисты решили совершить нападение без предупреждения, надеясь, что внезапная атака захватит нашу страну врасплох. Эти надежды не оправдались».

Сигарета в руке генерала Древора замерла. Он смотрел на репродуктор расширенными глазами, не веря своим ушам. Дик остолбенел: неужели?

«Советские пограничные части противовоздушной обороны и другие войска дали отпор врагам, используя против вражеских самолетов новую систему защиты наших границ по методу профессора Юльского. Излучатели ультракоротких волн — ультракоротковолновые прожекторы — позволили создать вдоль границ гигантскую электрическую завесу, разрушившую механизмы вражеских самолетов».

— Ложь! Не может быть! — воскликнул генерал Древор, ломая сигарету судорожными движениями пальцев. Но голос продолжал:

«Командование нападавших, по неизвестной причине, повернуло эскадрилью аэроторпед на запад, где

эти аэроторпеды, в конце концов, и взорвались – очевидно, на вражеской территории. Итак, первое нападение на севере отбито. Но империалисты одновременно проводят наступление по всей линии западной границы Советского Союза. Красная Армия не дремлет, она способна дать отпор любым врагам, которые осмелятся втянуть Советский Союз в войну вопреки его неизменной мирной политике. Война начата — против воли Советского Союза. Эта война будет упорной и кровопролитной, ибо она будет последней войной империалистов против великого Советского Союза. Мы должны обороняться, должны защищать наши достижения, которые являются также и достижениями всемирного пролетариата. С нами — пролетарии всех стран, твердо знающие, что Советский Союз — их единственная социалистическая родина. Пролетарии мира — на помощь Советскому Союзу! Организовывайте забастовки, восстания, задерживайте транспортировку оружия, предназначенного для войск, действующих против Советского Союза. Пролетарии всего мира...»

Репродуктор замолчал. Генерал Древор резким движением нажал кнопку «стоп». Глаза его налились кровью. Он смотрел на Дика Гордона:

— Значит... значит...

Генерал не находил слов. Он мял пальцами какую-то бумажку, все глубже вжимаясь в кресло. В конце концов, глухо проговорил:

— Значит, нападение генерала Ренуара не дало результатов. Так... Получается, главная нагрузка ложится на наш фронт. Ладно. Адъютант...

Снова заговорил репродуктор-секретарь:

— Господин генерал, вас вызывает генерал Ренуар по обычной коротковолновой связи из Кустамяки. Позвольте включить ваш репродуктор и микрофон.

Дик подскочил: разговор с Ренуаром! А генерал Древор уже нажал кнопку «согласен». Через несколько секунд в напряженном молчании раздался немного искаженный репродуктором голос Мориса Ренуара:

— Алло, генерал Древор! Вы хорошо слышите меня?

— Добрый день, генерал Ренуар! Слышу вас хорошо, слушаю.

— Рад был узнать о вашей победе. Она тем более ценна, что мне не повезло. Вы уже знаете?

— Да. Только что прослушал агитационное сообщение большевиков.

— Тем лучше. Но, понимаете, — они применили совершенно новое средство обороны. Теперь я уже знаю, что это было. Москва об этом говорила?

— Нет, они лишь сообщили, что использовали какой-то новый метод профессора Юльского — электрическую завесу, созданную ультракоротковолновыми прожекторами.

— Да. Они применили метод ионизации воздуха с помощью ультракоротких волн и насытили лучи излучателей-прожекторов электроэнергией высокого напряжения. Таким образом, эти лучи выводили из строя самолеты и убивали экипаж. Я сам еле выбрался — лишь потому, что луч коснулся только мотора моего автожира и мы смогли спланировать вниз. Иначе я не имел бы удовольствия беседовать с вами, генерал...

У Дика мелькнула мысль: вот железный человек! После такого крупного поражения, когда рухнули все его планы — он еще и шутит...

— Итак, генерал, — продолжал Ренуар. — Прошу вас продолжать наступление. Мне нужно несколько дней, чтобы кое-что подготовить и выполнить мой план, как было задумано. Ведь эта электрическая завеса не так уж непроницаема, есть определенные способы с ней бороться. Поэтому развертывание вашего наступления будет мне наилучшей помощью. К вам отправлено пополнение — авиачаста. Завтра утром поговорим подробнее. Всего хорошего, генерал!

— Всего хорошего, генерал Ренуар, — ответил Древор.

Он тяжело поднялся с кресла и подошел к карте. Внимательно посмотрел на линии красного и черного шнурков, поправил один из изгибов черного шнурка, который соскочил с булавки. Медленно провел пальцем, сильно нажимая на карту, широкий полукруг, так что в его центре оказался глубокий язык утреннего прорыва прыгающих танков. Ноготь генерала оставил на карте заметный след.

— Вот это — линия развертывания нашего наступления. Адъютант, позовите начальника штаба. И пусть зайдет начальник авиационного отдела. Лейтенант Гордон, вам поручение: садитесь на самолет и летите в Пршедол, в штаб участка. Вы проверите состояние резерва танков и примете командование отрядом под моим личным управлением. Думаю, что не позднее завтрашнего вечера вы получите ответственное задание. Помощника выберите по вашему желанию.

— Будет исполнено, господин генерал, — четко ответил Дик и вышел из комнаты.

ОШИБКА ГЕНЕРАЛА ДРЕВОРА

«Наступление проведено безупречно. Советские войска вынуждены были отступить, оставив в наших руках командные высоты. Эффект прыгающих танков был великолепен, они свободно преодолевали все преграды, давя артиллерию и пулеметные гнезда врага и атакуя после этого вражеские позиции не только в лоб, но и с флангов. Мы закрепили за собой участок глубиной в 16 километров и шириной 8 километров, как главную линию прорыва. Целым фронтом наши части продвинулись на восток на четыре-пять километров. Наступление постепенно продолжается. На рассвете начинаю развернутое форсированное наступление с флангов, расширяя зону прорыва с помощью авиации и прыгающих танков. Подписано: генерал Древор».

Радист-шифровальщик закончил передачу этого рапорта и взглянул на часы: была уже половина первого ночи. Он откинулся на спинку стула, сладко зевнул и потянулся. Дежурство кончалось. Скоро он пойдет отдыхать. Нелегкая жизнь у радиста: ни минуты отдыха в течение всего дежурства... Однако сегодняшний день — позади. Кто это?..

В аппаратную вошел другой радист, небрежно кивнул головой первому:

— Как дела, дружище? Устал? Много радиограмм?

— Тебе будет легче, потому что я уже переслал главные. Вот только что закончил рапорт о наступлении. Большой, но — интересный. Если хочешь, можешь прочитать. А здорово мы потрепали большевиков!.. Ты видел эти прыгающие танки?

— Ужасные машины, — ответил второй, присаживаясь к столу. — Не хотел бы я оказаться на их пути. Действитель-

но, ни одна преграда не остановит такое чудовище: танк раздавит преграду, перепрыгнет ее... Ну, можешь идти. Я уже расписался, что принял дежурство. Это на отправку? — показал он на стопку депеш.

— Ага. Там немного. Я же говорю, что большую часть уже передал.

— Тем крепче будешь спать. Ты домой?

— Нет, еще зайду к Франко. Он что-то прихворнул и прислал записку — просит зайти. Пока.

— Всего хорошего.

Первый радист накинул шинель и вышел, с наслаждением всей грудью вдыхая свежий ночной воздух. Вокруг здания радиостанции стояла спокойная тишина. Только патрули неспешно проходили по улицам. Старательность, с которой патрульные относились к своим обязанностям, показала радисту даже немного смешной.

Что могло случиться здесь, на расстоянии пятидесяти километров от фронта, да еще после блестящего наступления прыгающих танков?.. Он улыбнулся и зашагал своей дорогой.

Ночь была темная и прохладная. Черно-синее небо медленно затягивалось облаками, понемногу прятавшими за своей завесой зыбкие искорки звезд: облака подгонял свежий ночной ветер. Радист шел, опустив голову и думая о наступлении. Генерал Древор рапортовал, что с рассветом начинает разворачивать его дальше. О, он опытный человек, этот старый седоусый Древор. Радист видел его однажды, когда тот осматривал радиостанцию.

Ему понравилась доброжелательность старого генерала, который охотно шутил и сам смеялся над своими шутками. Он говорил громко, словно репродуктор, перекрывая даже шум машин. Генерал спросил радиста:

— Могу я быть уверен, что никто не подслушает, когда я буду говорить со штабом?

Радист от неожиданности покраснел и еле выговорил:

— Да, господин генерал, ведь у нас направленный передатчик, кроме того, он каждые тридцать секунд автоматически меняет частоту...

— Вот я и говорю: часто будете менять частоту и потеряете чистоту, а?... — и генерал громко рассмеялся, поглядывая на окружающих: понравилась ли его шутка?

Хороший человек, генерал Древор! И наступление провело прекрасно. Это же большая победа...

Приглушенный рокот мотора заставил радиста поднять голову. Он проходил мимо аэродрома. Высоко в небе светились сигнальные огоньки. Машины, видимо, шли на посадку, их было несколько. Радист попытался пересчитать самолеты, как всегда делал, увидев в небе стальную стаю. Больше шести насчитать не смог — мешало быстрое движение круживших над аэродромом самолетов.

— Наверное, это резерв, о котором говорилось в депеше, — подумал радист. Но не успел он опустить голову, как невольно остановился на месте, пораженный диким воем сигнальной сирены. Что это?..

Начав с низкой ноты, сирена завывала, поднимая свой звериный голос выше и выше. Вибрирующий рев, казалось, пронизывал все стены, заполнял все пространство, заставляя человека с ужасом оглядываться: что случилось, где?.. На секунду сирена смолкла — и радист почувствовал, как в абсолютной, невероятной тишине звенит его мозг, будто все еще подчиняясь вибрирующему крику сирены. Вслед за тем дикий и долгий стон сирены раздался вновь, сразу поглотив тишину. Вдруг погас свет — сирена замолчала на долю секунды, будто захлебнувшись электричеством. Все лампы и фонари погасли, словно задутые исполинским дыханием сирены.

— Тревога!.. Воздушное нападение!.. — шептали дрожащие губы радиста. О, он хорошо знал этот сигнал воздушной тревоги, знал, что означает вой сирены и почему погасли все огни. Это значило, что по воздуху пронесся жестокий враг, что через несколько минут начнут взрываться тяжелые бомбы, сброшенные с самолетов, раскрывая на земле горячие огнедышащие кратеры. Это означало, что сверху полетится самое страшное — удушливый газ, который отравит все вокруг, убьет все живое, умертвит в страшных конвульсиях... Надо прятаться... бежать куда-нибудь... Но

— куда? Разве найдешь что-нибудь в этой адской темноте?..

Сирена окончательно смолкла — и тишину заполнил тяжелый рев самолетов. Сигнальных огней уже не было и на самолетах: их потушили, они были нужны лишь как остроумная маскировка, чтобы создать впечатление, будто это были не вражеские самолеты, а свои, откуда-то возвращавшиеся. Неожиданно в небо ударили дрожащие голубые ножи прожекторных лучей, которые быстро прощупывали черное небесное пространство, выхватывали из него белые контуры облаков и погружались, минуя их, в черную бездну. Тяжелый, все нарастающий рокот говорил о том, что самолеты снижались; однако — почему до сих пор они не сбросили ни одной бомбы?..

Радист ошупью нашел каменную стену склада. Какого именно — он не помнил. Это было не важно, он искал любую защиту. Как щенок, он скорчился под стеной, напрасно пытаясь втиснуться, вдавиться в камень, чтобы укрыть свое дрожащее тело. И вдруг стена вздрогнула, загрохотали тяжелые выстрелы. Это открыли стрельбу зенитные пушки, стараясь попасть во вражеские самолеты, пойманные кое-где в небе лучами прожекторов. На черно-синем бархате неба, который быстро резали на куски нежно-голубые светящиеся лезвия, возникали и исчезали оранжевые огненные пятна: это взрывались снаряды зенитных пушек.

Широко раскрытыми глазами радист смотрел вверх, ежесекундно ожидая неминуемой смерти. Он увидел, как два голубых прожекторных ножа поймали над аэродромом огромный вражеский самолет, похожий на большую хищную птицу, несущую в своих когтях смерть и разрушение. Лучи прожекторов дрожали, спеша за птицей, не выпуская ее из своих световых объятий и показывая цель зенитной артиллерии. Словно радуясь, вокруг самолета разорвалось одновременно несколько снарядов зенитных пушек. Но самолет снижался, делая большой полукруг над аэродромом. Наконец гигантская птица раскрыла свои когти и бросила

вниз большой черный предмет, который сразу исчез, вылетев за пределы светового пятна прожекторных лучей.

Радист, скорчившись, ждал оглушительного взрыва бомбы.

Но взрыва не было. Сквозь грохот выстрелов долетел новый звук: словно к аэродрому приближался огромный танк. Тяжело грохотал мотор, одна за другой гремели гусеницы. Радист ничего уже не понимал: это было какое-то сумасшествие, все перепуталось в грохоте выстрелов и реве.. Откуда танк?.. Как мог он здесь оказаться?..

Радист задрожал, словно в приступе жестокой лихорадки. Весь аэродром, целый город залило ярким белым светом. Высоко в небе сияли десятки гигантских солнц. Они медленно опускались все ниже и ниже, заливая нестерпимым светом каждое здание, каждый камень, каждую травинку и пылинку. Советские самолеты, оставаясь сами в крошечной темноте, сбросили на парашютах осветительные устройства, направлявшие свет вниз. Этот свет ослеплял, заставлял закрывать глаза, прятаться. Но радист не зажмурил веки. Нет, широко раскрыв глаза, он смотрел вверх, щипая себя за руки и ноги, пытаясь убедить себя, что все это — дикий, невероятный сон.

В белом ослепительном свете было отчетливо видно, как падали вниз чудовищные, невиданные танки. Безумие, невозможная вещь, ужасное видение!.. Танки падают с неба!.. Нет, этого не может быть!..

Но так оно и было. Радист видел все собственными глазами. Значит, и тот черный предмет, который выпустила из своих когтей первая пойманная прожекторами стальная птица, — тоже был танком?..

Снова и снова стараясь вжаться в стену, радист смотрел, как с аэродрома с молниеносной скоростью, ломая и круша все на своем пути, примчался огромный танк, на главной башне которого хорошо была видна красная пятиконечная звезда — эмблема советской Красной армии. Еще один... и еще... и еще... И вдруг стрельба пушек прекратилась, будто они разлетелись от взрыва неслыханной силы. Это самолеты сбросили сразу несколько фугасных бомб на

залитую белым небесным светом и прекрасно видимую зенитную батарею. Мгновение — и она взлетела на воздух.

Друг за другом танки мчались к радиостанции, к штабу, словно кто-то показывал им дорогу. Радист слышал редкие выстрелы танковых пушек и железное стрекотание пулеметов.

Эти звуки сплетались в его воспаленном мозгу в странное чередование длинных и коротких тресков, будто кто-то отстукивает ключом телеграмму. Точки и тире, тире и точки... Одно за другим, тире и точки составляли буквы, буквы складывались в слова, чей комариный писк радист невольно воспринимал привычным ухом:

— ...наступление... проведено... безупречно... на... рас-
свете... начинаю... развернутое... наступление... генерал...
Древор...

Это было безумие. Радисту почудилась депеша, рапорт генерала Древова, который он передавал в конце своего дежурства. С протяжным стоном радист опустил голову на руки: он потерял сознание...

А наступление разворачивалось. Его проводили большие танки, которые сбросили еще в воздухе, не садясь на землю, советские самолеты. За тяжелыми танками шли танкетки, быстроходные и маневренные, вооруженные пулеметами. Большие танки уничтожали преграды, ломали сопротивление охваченных паникой частей Первой армии; танкетки закрепляли успех, проносясь по улицам города и захватывая менее важные пункты.

С молниеносной скоростью центральное ядро танков и танкеток разворачивалось в стороны, продвигаясь в северо-восточном направлении и почти не встречая сопротивления. Да и откуда оно могло взяться, если в этом районе были только караульные части и резервы Первой армии, захваченные нападением в казармах и бараках... Северо-восточное направление выводило танки в тыл передовой линии Первой армии, к тем ее частям, что связывали общий фронт с позициями отряда прыгающих танков и приданной им пехоты, которые в результате прорыва углубились на 16 километров на восток.

Наступление развивалось. Собственно, это было не наступление, а контратака частей Красной армии. Генерал Древор, старый опытный седоусый генерал Древор ошибся, анализируя события. Первое его утверждение оправдалось блестяще: внезапное, неожиданное наступление предрекает половину победы. Второе утверждение также оказалось верным: надо нападать, когда враг этого не ждет. Это сделал он сам, но то же проделали и части Красной армии. Относительно третьего утверждения — генерал Древор ошибся: ему не удалось захватить Красную армию врасплох. Генералу Древору, как хорошему шахматисту, удалось неплохо разыграть дебют; но середину партии он проиграл...

Да, прыгающие танки были новым, доселе неизвестным оружием. Да, прыгающие танки совершили большой прорыв, расчистили путь пехоте, раздавили и разрушили все на своем пути. Победа? Да. Но...

Но в ответ на новое оружие — Красная армия выдвинула свое новое оружие. Техника против техники. И между этими двумя техническими новинками нельзя было поставить знака равенства. То были разные виды техники. Первая рассчитывала достичь победы, полагаясь только на машины: поменьше людей, ведь любой человек может предать, может поддаться большевистской агитации. Меньше людей — больше уверенности в машинах. Таков был лозунг первой техники.

И вторая техника, соединенная с живым человеком, совмещенная с непреодолимой силой бойцов, знавших, что они шли на защиту страны строящегося социализма, шли дать отпор яростным врагам, которых нужно уничтожить, чтобы потом вернуться к своим фабрикам и заводам, совхозам и колхозам — свободно работать, строить и жить в своей трудовой стране. Два вида техники — техника разрушения, техника нападения во что бы то ни стало, голая техника с поработанным человеком, которому заранее не доверяют, и вторая техника сознательных пролетариев, каждый из которых твердо знает свой путь трудящегося и бойца.

Вторая техника победила.

Советские самолеты, в результате смелой, отважной операции, перенесли по воздуху в тыл врага самые совершенные новейшие танки, которые можно было сбрасывать вниз, не приземляясь. Танки еще в воздухе начинали двигаться, их моторы вращали колеса с наибольшей возможной скоростью. В удобный момент, недалеко от земли, самолеты сбрасывали танки, которые описывали в воздухе мягкую дугообразную кривую и, встречаясь с землей, продолжали движение, нападая на врага с тыла, откуда он никак не ждал нападения. Задача состояла в том, чтобы обеспечить возможность быстрейшего сбрасывания танков.

Именно для этого самолеты и прилетели с сигнальными огнями, чтобы их хотя бы на несколько минут приняли за своих: разве можно было предположить подобную дерзость — совершать ночной налет с сигнальными огнями... Такого еще не знала военная история. Затем самолеты погасили огни и сбросили осветительные устройства на парашютах, чтобы ослепить артиллеристов зенитных батарей и выбрать самое удобное место для танков.

Танки сброшены; и после того, как тяжелые танки на земле уже обеспечили главный удар — вторая эскадрилья тяжелых самолетов, ждавшая сигнала от командующего танкового отряда, спустила вниз на парашютах легкие танкетки, которые окончательно закрепили положение. Только потом третья эскадрилья приземлилась на самом аэродроме и высадила пехотные, саперные части и связистов. Все это называлось — механизированный воздушный десант.

В конце концов, генерал Древор мог бы все это предвидеть — все, за исключением танков, падавших с воздуха и сразу переходивших в наступление. Танков, которые несли в своих когтях советские стальные птицы — этого он предвидеть не мог. Генерал Древор, старый седоусый чемпион старой классической школы шахматной военной игры, забыл, что перед ним — новый, молодой чемпион, какому совсем не обязательно идти проторенными путями. Напротив: молодой чемпион выбрал ходы, неизвестные старым мастерам...

Кони новой системы, стальные кони, брошенные на шахматную доску с воздуха, решили положение на этом участке. С первыми лучами утреннего солнца они соединились со своими частями по ту сторону фронта, прорвав вражеские позиции, отрезав отряд прыгающих танков и приданные им пехотные части, находившиеся на 16 километров в тылу советских войск. Стальные кони, брошенные на доску с воздуха, соединились со своими главными частями и начали наступление на отрезанный отряд с тыла, с запада...

В большом здании штаба фронта, который находился в сотне километров от места, где советские самолеты высадили воздушный десант, в кабинете, возле большой карты, занимавшей всю стену, молча стоял, покачиваясь на широко расставленных ногах, генерал Древор. Он смотрел на два тонких шнура, которые змеились по карте, два шелковых шнура — черный и красный.

Кое-где они сближались, потом расходились и снова устремлялись друг к другу.

Шнуры условно определяли линии позиций. Красный — войск советской Красной армии. Черный — войск Первой армии. Позади генерала Древоора стоял его адъютант, ждавший распоряжений. В кабинете царила тишина.

Вчера красный шнурок почти беспомощно отступил вправо, на восток, освобождая место для стремительного натиска черного, который, образовав глубокую петлю, вплотную приблизился к красному, пытаясь развернуть эту петлю вверх и вниз, выровнять ее за счет места, которое пока что занимал красный шнурок.

Сегодня утром черный шнурок сразу передвинулся назад, на запад, влево. За ним спешил красный, так что его движение еле сдерживала булавка, глубоко воткнутая в карту. Но не на это смотрел генерал Древор.

Сжимая зубы так, что под кожей скул заметно двигались желваки мышц и поднимались кончики седых усов, он смотрел на небольшой, неправильной формы кружок справа от обоих шнурков, — крут, образованный маленькими черными флажками. Это был — отрезанный воздуш-

ным десантом и соединившимися с ним главными советскими силами — механизированный отряд Первой армии, тот самый отряд, что вчера победно совершил великолепный прорыв советского фронта. Отряд был отрезан, приговорен к уничтожению... Вокруг него сомкнулось кольцо Красной армии, ничто не могло спасти его...

В кабинет быстро вошел дежурный. Он подал генералу депешу:

«Красная армия наступает со всех сторон. Через полчаса закончатся снаряды. Попытаюсь прорваться назад одними танками. Нет возможности помочь пехоте. Жду ваших распоряжений.

С т е ф е н».

Это была радиотелеграмма от командира отрезанного отряда прыгающих танков. Генерал Древор медленно поднял глаза на дежурного:

— Передайте...

— Связь прервана, господин генерал. Не отвечают, — доложил тот.

Генерал Древор снова склонил голову. Это был конец отряда. Вдруг он вернулся к карте. Резким движением руки вырвал из карты все черные флажки и швырнул на пол. Его окаменевшее лицо повернулось к адъютанту:

— Отряда прыгающих танков не существует, адъютант, — сухо сказал он. — Дайте рапорты фронтовых участков и вызовите по коротковолновой связи генерала Ренуара. Еще посмотрим, кто выиграет игру...

ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Гибель огромной эскадры адмирала Шеклсберри — одно из самых невероятных событий войны; история не знает подобных примеров. Трагичность его усугубляется еще и тем, что об этом событии человечеству не могло рассказать ни одно живое существо. Все, что мы знаем об ужасной трагедии, основано лишь на записях журналиста Джона Олтауна, собственного корреспондента газеты «Таймс», погибшего вместе с эскадрой. На некоторые обстоятельства проливает свет также рапорт военно-технической лаборатории адмиралтейства, посвященный изучению образца загадочной торпеды, случайно захваченной неводом траулера «Кингстоун».

С первого взгляда кажется странным, как журналист Джон Олтаун сумел оказаться на дредноуте «Гемпшир», флагманском судне адмирала Шеклсберри. Ведь известно, что адмирал, этот человек, воспитанный на традициях военного флота, настолько не любил прессу, что не терпел даже простого упоминания о репортерах. Однако дело окончательно проясняется тем, что Джон Олтаун был знаком с семьей адмирала Шеклсберри. Только по этой причине Джон Олтаун и получил разрешение быть представителем прессы на флагманском дредноуте; и лишь благодаря этому человечество и получило определенные сведения об ужасных событиях, произошедших ночью 22 и на рассвете 23 апреля.

Пресса, конечно, ничего не знала об отбытии эскадры адмирала Шеклсберри; газеты не могли ничего знать и о задачах эскадры. Джон Олтаун, племянник леди Шеклсберри, жены адмирала, узнал об этом совершенно неофициально. После долгих споров и просьб ему удалось получить разрешение адмирала находится на дредноуте «Гемпшир», но с категорическим условием отказаться от любых

попыток дать хотя бы одно слово информации в газеты до того момента, когда эскадра отдаст якоря, вернувшись домой после операции.

Поэтому даже в самой газете «Таймс» не знали, куда подевался их лучший репортер, не явившийся в редакцию 20 апреля. Большой неожиданностью стало сообщение, полученное в редакции по телеграфу от одного из корреспондентов на Балтийском побережье:

«Рыбацкие лодки выловили труп Джона Олтауна. В карманах найдены документы и блокнот. Важные записи, которые он вел на борту дредноута «Гемпшир». Блокнот отправлен в редакцию авиапочтой».

С каким же нетерпением ждала вся редакция — от главного редактора до мальчишки-курьера — этого блокнота! В конце концов блокнот оказался в руках редактора, еще влажный от морской воды. Страницы его слиплись. Однако прочитать можно было почти все. Только теперь редакция «Таймс» узнала о судьбе Джона Олтауна, лучшего репортера газеты, который выполнил свой долг, записывая в блокнот все, до самого последнего момента...

Благодаря этому стечению обстоятельств, газета «Таймс», единственная в мире, получила возможность поместить на первой странице содержание страниц блокнота Джона Олтауна, страниц, на которых поспешным почерком, зачастую весьма неразборчиво, была описана история гибели эскадры адмирала Шеклсберри. Редакционное вступление со скорбью сообщало о судьбе самого Джона Олтауна. Его портрет в траурной рамке был помещен в центре страницы.

Итак, мы перепечатываем из газеты «Таймс», без единого исправления или сокращения, записи Джона Олтауна — представителя прессы на дредноуте «Гемпшир», флагманском судне эскадры адмирала Шеклсберри, которая входила в состав частей, принимавших участие в комбинированном нападении 23 апреля на Советский Союз — совместно с авиачастями и аэроторпедами генерала Ренуара и

наземным и авиационным наступлением генерала Древо-
ра.

Записи Джона Олтауна

11 часов вечера, 22 апреля. Я решил записывать в этот блокнот все, что смогу. Жаль, что не начал делать этого раньше, как только оказался на борту дредноута «Гемпшир». Ведь, кроме меня, здесь нет ни одного человека, который собирался бы рассказать о событиях, что ждут нас в сумраке будущего. Кстати, уже темно. Эскадра движется на восток. По приказу адмирала все сигнальные огни на кораблях погашены. Эскадра идет в полной темноте. С палубы «Гемпшира» не видно ни единого судна, хотя я знаю, что вся эскадра плывет рядом. Впереди движутся легкие миноноски-истребители. За ними идут крейсера и дредноуты. В центре эскадры — транспортные суда с десантными отрядами морской пехоты и моторизованной артиллерией. Там же авиаматки с самолетами. Все это я знаю из разговоров с лейтенантом Жантенем, любезно объяснившим мне порядок следования эскадры. Это очень сложно понять мне — человеку сугубо гражданскому. Но мне кажется, что все разворачивается, как на прекрасно организованных маневрах. По крайней мере, так происходило, пока я имел возможность видеть корабли. Однако я уверен, что и теперь, в темноте, все идет хорошо. Ну что ж, бросаю последний взгляд на море (в сущности, не на море, а в темноту, откуда доносится шум волн) и спускаюсь вниз, в каюту адмирала.

12 часов ночи. Все в порядке. Правда, адмирал сказал мне:

— Меня немного беспокоит, что у нас нет никаких сведений о противнике. Конечно, ему ничего не должно быть известно о нашем продвижении, однако... Видите ли, Джон, здесь, в этом районе залива, уже должны были бы встре-

тяться первые советские дозорные корабли. Ведь время для большевиков сейчас тревожное и по всем данным они имеют серьезные основания опасаться нападения. Так что меня удивляет, что они настолько беспечны. Что-то здесь не так. Весь мой опыт говорит о том, что подчеркнутое равнодушие врага всегда скрывает под собой нечто неожиданное...

Адмирал на минуту умолк, а потом добавил:

— После того, как мы приблизились к советским водам, нам не встретился еще ни один корабль.

— Но, может, они и были?.. В такой-то темноте... — нерешительно сказал я.

Адмирал улыбнулся:

— Жаль, что вы, Джон, еще не отказались от представлений о современном флоте, как о чем-то древнем, примерно как об эскадре Нельсона. С тех времен, уверяю вас, многое изменилось. Глупо было бы совершенствовать все рода войск, забыв про военно-морской флот. Неужели вы думаете, что мы до сих пор следим ночью за врагом, забравшись на мачту и высматривая оттуда вражескую эскадру?..

Он рассмеялся: видно, ему самому понравилась шутка. Я почувствовал себя неловко. До чего плохо быть гражданским человеком и ничего не знать про современную военную технику! Адмирал заметил мою растерянность и начал серьезно рассказывать о многих интересных вещах, о которых я до сих пор и понятия не имел.

Получается, что в этой кромешной темноте можно хорошо видеть — и не только непосредственно перед собой, а на много километров вперед. Адмирал коротко рассказал мне, что эскадра, или ее наблюдательные средства, обнаружили бы наличие любых кораблей на расстоянии десяти-пятнадцати километров. Это делается чрезвычайно просто и одновременно очень сложным способом. Попробую изложить то, что понял.

Наши передовые миноноски оснащены специальными генераторами, которые излучают невидимые для нашего глаза инфракрасные лучи. Они напоминают прожекторы, которые можно повернуть в любом направлении. Скажем,

прожекторы направлены на восток, куда мы движемся. Их лучи отражаются от предметов так же, как и обычные световые. Следовательно, если бы на нашем пути, на расстоянии до пятнадцати километров (таков обычный радиус действия инфракрасного генератора) оказался бы какой-то корабль, лучи отразились бы от него и вернулись бы обратно к нашей эскадре. А рядом с прожекторами генераторов расположены чувствительные экраны, фиксирующие отраженные инфракрасные лучи. Так что этот сложный прибор сразу известил бы нас о любой опасности или о наличии кораблей на пути. Генераторы работают, прожекторы непрерывно посылают вперед инфракрасные лучи, но экраны приемников не отмечают ни одного случая возвращения этих лучей назад. Получается, что на нашем пути ничего нет.

— Тем не менее, — добавил адмирал, — враг мог попытаться защититься минами. Это ужасное оружие. Нет ничего легче, чем установить мины и защитить ими свои воды. Мины закрывают путь, сквозь их паутину нельзя пройти, не зная узенького фарватера, который оставляют при установке мин. Но этот фарватер известен лишь штабу страны, защищенной минным полем.

Поэтому адмирал уже приказал отправить впереди наших миноносков минные тральщики. Это — особые корабли специального назначения, они очень неглубоко сидят в воде и легко проходят над минами, которые рассчитаны на большую осадку тяжелых военных судов. Итак, тральщики идут впереди эскадры, толкая перед собой или таща сзади стальные канаты или сети, которые захватывают мины, срывают их с якорей и собирают. Но тральщики до сих пор не нашли каких-либо признаков преград. Путь свободен... Это облегчает нашу задачу, хотя...

Адмирал Шеклсберри обеспокоен. Это неприятно.

1 час ночи. Все тихо. Я стоял на палубе и удивлялся: до чего бесшумно продвигается дредноут вперед! Никакого грохота — ничего. Только едва заметно подрагивает и вибрирует палуба от работы дизелей. Можно подумать, что наш

«Гемпшир» один среди этой черной тьмы. Ниоткуда не слышно никакого шума, кроме плеска волн. И все же я знаю, что вокруг — целая эскадра. Хорошо. Через несколько часов мы будем у цели.

Вторая столица большевистской страны не ждет нашего нападения. Она не знает, что на нее движется большая эскадра из миноносек, крейсеров, дредноутов, десантных кораблей и авиаматов, несущих в своем чреве десятки самолетов. Тем лучше. Забавно — начало их революции, их власти связано с именем Ленина; даже этому городу они дали его имя. И разрушение их власти начнется опять же с этого имени, — ибо мы нападём на город имени Ленина. Недурное вступление к моей следующей статье!..

3 часа ночи. Меня вызвали в каюту адмирала. Явившись туда, я заметил, что у адмирала испортилось настроение. Он ходил по каюте широкими шагами, заложив руки за спину. Не говоря ни слова, взял со стола рапорт и подал мне. Вот что там было написано:

«Докладываю, что радиорубка приняла неизвестные импульсы на очень большой частоте. Эти импульсы не модулированные, непрерывные и не поддаются расшифровке. Думаю, что они не являются передачей, которая несла бы определенные сигналы. Похоже на испытания какого-то передатчика. Направление передачи с юга на север. Импульсы появляются ежеминутно, длятся две минуты и вновь пропадают. Главный радист Джормен».

Прочитав, я в недоумении посмотрел на адмирала. Тот сердито сказал:

— Джон, это очень плохо. Нас обнаружили. Это какое-то устройство, напоминающее наш инфракрасный локаатор, только большего радиуса действия. Я специально распорядился перенести резервный приемник из рубки на северный борт дредноута. И приемник почти не уловил этих

чертовых импульсов. Значит, они не проникают сквозь металлические массы. Приемник оказался в тени лучей. Вполне возможно, что они также отражаются от наших кораблей и возвращаются обратно. А может, еще что-нибудь... ведь мы не знаем...

Так как я молчал, адмирал Шеклсберри добавил:

— Думаю, дело будет серьезное. Мне с самого начала не понравилось это подчеркнутое равнодушие большевиков. Они вылеплены не из того теста, чтобы заранее не подготовиться к защите против возможных десантных операций. Что же, я рад, что вы оказались на моем дредноуте, Джон. Будет кому рассказать про все это...

Он взял телефонную трубку и отдал приказ: как только рассветет, выслать вперед разведывательные самолеты с авиаматов. В этом районе уже можно ждать нападения на эскадру.

Отмечаю: впервые, сколько я знаю адмирала Шеклсберри, он положительно высказался о роли прессы, представителем которой я имею честь быть... Интересно: неужели действительно дело оборачивается так плохо?..

4 часа утра. Радиорапорты наблюдателей с разведывательных самолетов говорят о том, что на нашем пути ничего нет. На горизонте все чисто. Это непонятно. Как будто большевики спрятали все, что у них есть в этих водах...

Между прочим, какой замечательный рассвет в открытом море! Волны медленно приобретают ярко-зеленый оттенок; украшенные легкой белой пеной, они бьются о стальные борта дредноута. Необычайная картина! Не менее роскошный вид имеет наша эскадра. По обоим бортам «Гемпшира» до самого горизонта видны наши суда. Какая мощь! Такое зрелище не забыть никогда.

Странно, но я чувствую себя словно на приятной морской прогулке. Я не могу вообразить какую-либо опасность здесь, в сердце великой эскадры, упорно движущейся вперед. Только что-то тревожное осталось от разговора с адмиралом о непонятном отсутствии сопротивления большевиков. Это немного портит настроение. Правда, я не очень

разбираюсь в предсказаниях и догадках. Пойду-ка к адмиралу, может, узнаю что-нибудь новое.

4 часа 30 минут. Ужас! Невероятно! Наши передовые миноноски вместе с двумя тральщиками погибли. Они взлетели на воздух посреди чистого моря. Похоже на взрывы мин или торпед. Однако — тральщики докладывают, что якорных мин не обнаружено, самолеты не находят каких-либо признаков присутствия врага. И все-таки несколько наших судов взорваны...

Мины это или торпеды — мы не знаем. Возможно, как сказал мне лейтенант Жантен, это были пальные мины; они могли быть сорваны штормом с якорей и волнами унесены в море. Это неизвестно. Да и сам лейтенант Жантен добавил:

— Но как могло случиться, чтобы сразу несколько кораблей наскочили на случайные мины... Не понимаю...

Эскадра остановлена. Адмирал Шеклсберри отдал приказ «Стоп!» Нельзя двигаться дальше. Вперед вновь отправлены минные тральщики. Что они найдут?..

...Новый рапорт: взорвались четыре передовых крейсера и еще два тральщика. Стоя на палубе, я сам слышал далекий грохот взрывов. Это были они. Теперь все ясно: мы имеем дело не с минами, а с торпедами. Ведь эскадра стоит на месте, не продвигаясь ни на метр. Но — откуда эти торпеды?.. Кто их выпускает?.. Горизонт чист, на море нет ничего, кроме нашей эскадры...

5 часов утра. Мы снова плывем вперед — медленно, но плывем. Я ничего не понимаю. И, кажется, не я один. В течение получаса ужасными взрывами, которым нет объяснения, уничтожены восемь миноносок, шесть крейсеров и четыре тральщика. Невероятно, но факт.

Я видел дислокацию в адмиральской каюте. Все это были суда, которые шли спереди или по бокам эскадры. На адмирала страшно смотреть. Лицо побледнело, челюсти стиснуты. Он постоянно на связи с радиорубкой и следит

за ходом передовых кораблей. Я снова пошел на палубу: здесь как-то легче дышать.

Ко мне подошел лейтенант Жантен. Он спросил:

— Слышали взрывы?

— Нет, был в каюте, — ответил я.

— Мне кажется, что линия взрывов приближается к нам, — сказал он и отошел.

С полминуты я стоял, размышляя. Происходило что-то невообразимо ужасное: спокойное уничтожение нашей эскадры неизвестно чем. словно в фантастическом рассказе, враг надел шапку-невидимку...

Подняв голову, я невольно посмотрел вперед, на восток — и окаменел. Огромный столб дыма, расходясь в небе черной тучей, медленно закрывал горизонт. Через несколько секунд я услышал страшный грохот: это донеслись звуки взрыва. Но... но там, на расстоянии двух километров от нас, только что гордо плыл дредноут «Виктория». Значит — теперь и он?.. Я бросился к капитанскому мостику. Неужели «Виктория»?..

«Гемпшир» останавливается. Медленно поворачивает. И я вижу, как вместе с нами медленно разворачиваются и все остальные корабли эскадры. В это мгновение дредноут резко качнуло. Это до нас дошли волны от взрыва «Виктории».

Итак, эскадра возвращается. Адмирал отдал приказ: «Назад!» Даже не спрашивая его ни о чем, я понимаю этот приказ. Нельзя бороться с незримым врагом, который взрывает наши суда. Нельзя идти дальше на верную гибель. Надо бежать назад, хоть это и очень обидно для старого адмирала...

5 часов 20 минут. Ничего нельзя понять. Взрывы звучат один за другим. Я не знаю, сколько кораблей мы уже потеряли. Я не спускаюсь в каюту, а все время сижу наверху, на палубе. Знаю только одно — мы быстро отступаем на запад, убегая от таинственных взрывов. Я не захожу к адмиралу: на него страшно смотреть. В конце концов, все понятно: здесь, в мутных водах Финского залива, он ос-

тавляет, вместе с взлетевшими на воздух кораблями своей эскадры, и свою славу железного, непобедимого адмирала Шеклсберри, известного всему миру дерзостью и опытом.

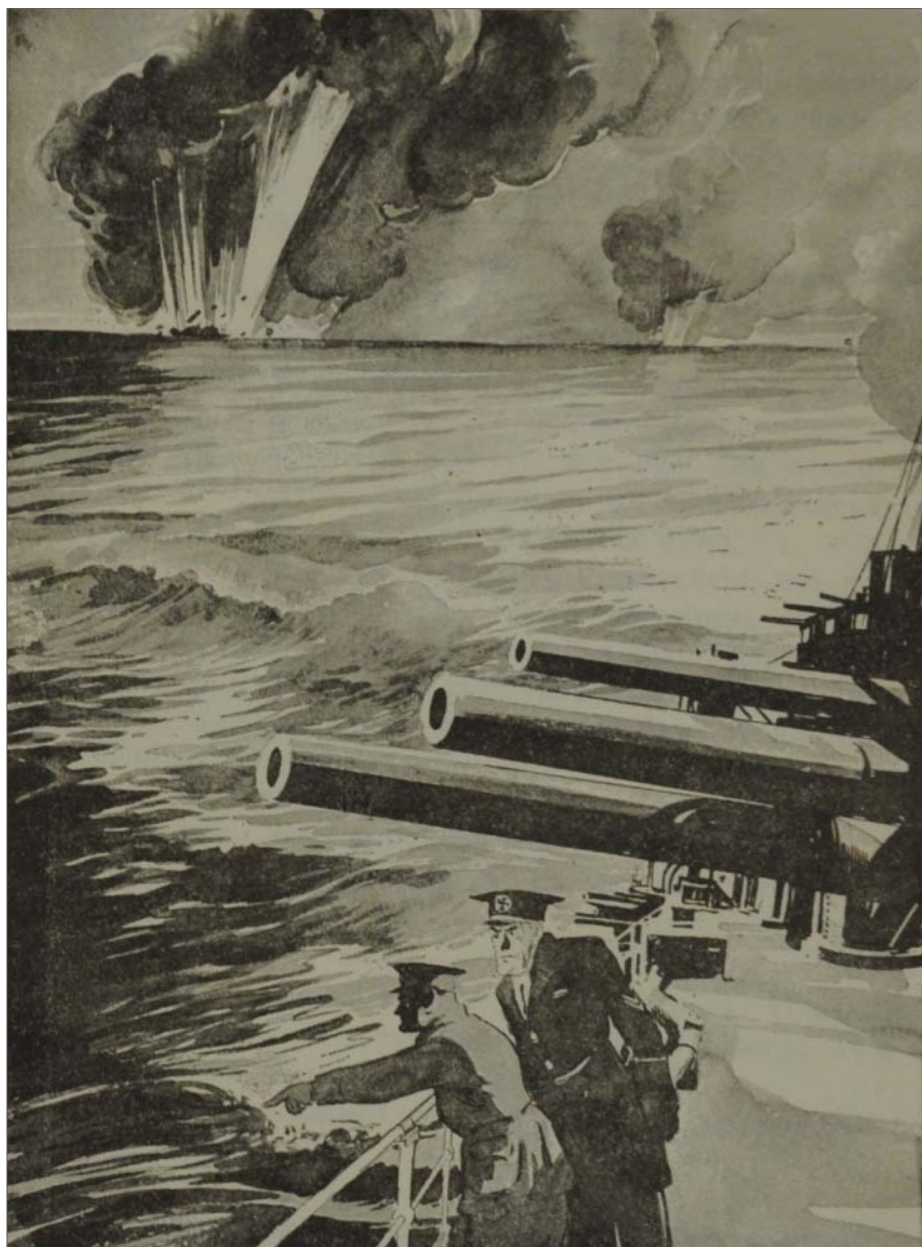
Мы убегаем. Но разве это помогает?.. Незримый враг все равно окружает нас. Он атакует нас с трех сторон. Он движется вместе с нами на севере, юге и востоке, догоняя и взрывая наши корабли. Уже уничтожены все миноноски, находившиеся в авангарде и по флангам. Уничтожено много крейсеров, опять-таки с флангов. Круг словно сужается, круг таинственных ужасных взрывов. Кто знает, не дойдет ли через полчаса очередь и до нашего «Гемпшира», все время плывущего в центре остатков эскадры?..

Да, от гордой эскадры осталось только центральное ядро. Взрывы повторяются каждые несколько минут. Черные столбы дыма и огня и обломки судов медленно кружатся в воздухе и падают вниз, в алчные волны этого адского залива, черные столбы встают со всех сторон. «Гемпшир» плывет в окружении восьми дредноутов. Это — все. Все, что ведет под своим знаменем назад адмирал Шеклсберри, не сделав ни одного выстрела из гигантских пушек своей эскадры, даже не увидев врага, который уничтожил почти всю флотилию.

Отчаяние и мертвая безнадежность царят на «Гемпшире». Очевидно, та же картина и на других дредноутах. Работают машины, радист принимает и пересылает депеши, но количество их адресатов все уменьшается. Все матросы и офицеры на своих местах, артиллерийские расчеты стоят в башнях наготове возле орудий. Но они не знают, куда нацеливать пушки, куда стрелять, как не знают этого и их командиры. А взрывы продолжаютс...

Это — невероятное, планомерное, как дезинсекция, истребление. Истребление стальных гигантов-дредноутов, которых мы до сих пор гордо считали уверенными и надежными носителями смерти и разрушения. Дредноутов, что гордо шли в наступление, укрытые толстыми прочными доспехами, вооруженные огромными пушками...

...Вот оно! Я вместе с лейтенантом Жантенон видел врага. Да, я видел его собственными глазами. Я схватил лей-

тенанта за руку и показал ему вниз, в волны, недалеко от нашего «Гемпшира». Вот оно!

Мимо нашего дредноута проплыла под водой странная торпеда, стальная рыба. Она плыла, оставляя позади небольшую волну, одетую сверху пеной. Плыла, будто выбирая путь, что проходил змеистой линией. На секунду показалось, что она поворачивает на нас. Я чувствовал, как дрожит рука лейтенанта Жантена. Но торпеду словно что-то потянуло — и она понеслась дальше, к дредноуту «Ноттингем», что был ближе к ней. Еще несколько секунд, и меня толкнуло в грудь воздушной волной: «Ноттингем» разлетелся на куски...

Резкий крен — «Гемпшир» поворачивает в сторону, пытаясь обогнуть огромную воронку, которая образовалась на том месте, где только что был «Ноттингем». Палуба дрожит от усилий машин, работающих на полную мощность. Да, торпеда прошла мимо нас, на этот раз мы спасены. А дальше?... Лейтенант Жантен отбросил мою руку и молча пошел куда-то. Я посмотрел ему вслед: отчаяние и равнодушная покорность судьбе — вот о чем говорила его поникшая фигура...

...«Гемпшир» остался вдвоем с «Саксией». Только два дредноута. Только два — из целой эскадры. Каждую минуту мы ждем гибели, смерти, что скрывается в этих зеленоватых бурунах. Где-то поблизости (мы не знаем, где именно) под водой ищут нас безжалостные торпеды. Ими кто-то управляет. Кто именно? Я не могу больше. Скорей бы все кончилось.

Будь что будет, я не могу больше выносить эту неизвестность. Мне хочется что-то сломать, мне хочется биться головой об стену, я не могу больше, не могу!..

...Я ошибся. По адскому морю плывут не два дредноута. Нет, не два. Только один «Гемпшир». «Саксии» больше нет. Лишь огромный водоворот, где бешено крутятся обломки того, что было когда-то одним из лучших дредноутов в мире, — лишь этот водоворот указывает место, где я в последний раз видел «Саксию». Широкие волны растут и при-

ближаются к «Гемпширу», который на полной скорости мчится на запад, на запад, на запад...

Я не знаю, доведется ли кому-нибудь прочитать эти строки. Для кого я их пишу? Нет никакой надежды, что мы спасемся... Но я записываю все. Уже нет того безумного отчаяния, мне стыдно за то, что я писал несколько минут назад. Однако — пусть остается. Ведь так оно и было.

Подняв глаза, я вижу адмирала Шеклсберри, который вышел на капитанский мостик. Он стоит неподвижно, опираясь руками на перила, и смотрит на запад, далекий запад. Все вокруг стоит так же неподвижно. Только звенит что-то внутри дредноута от конвульсивных усилий дизелей.

Последнее действие самой крупной в мире и истории человечества трагедии близится к концу. Очередь за нами. Я не знаю, удастся ли мне закончить эту страницу. Немилосердная, незримая смерть приближается к нам, она неотомимо разыскивает...»

На этом обрываются записи Джона Олтауна. Очевидно, в этот момент дредноут «Гемпшир» взлетел на воздух, как и прочие суда эскадры адмирала Шеклсберри.

Далее газета «Таймс» поместила еще одну небольшую заметку под названием:

«Отрывки из доклада лаборатории Адмиралтейства»

Исследование и изучение загадочной торпеды, которую случайно захватил своим неводом траулер «Кингстоун», дали следующие результаты:

1. Стальная торпеда начинена взрывчатým веществом большой мощности, типа тринитротолуола.

2. Торпеда перемещается при помощи специального электромотора, который питается от небольшого,

но чрезвычайно мощного аккумулятора большой емкости.

3. Торпеда располагает магнитным оборудованием, управляющим мотором и рулями. Это магнитное оборудование реагирует на присутствие любых металлических масс на большом расстоянии и направляет торпеду на такие массы.

4. Напротив, любая немагнитическая преграда на пути торпеды (камни, скалы, дерево и др.) — вызывает в приборе соответствующий эффект, и торпеда поворачивает в сторону, минуя такую преграду.

5. Отсюда, следует полагать, что данные торпеды — неизвестное ранее, но очень мощное средство оборонительной войны. Очевидно, торпеды были заранее выпущены в залив, где они все время плавали, неизменно перерезая залив зигзагообразным путем и возвращаясь назад от берегов, пока не попали в зону, где двигались военные корабли. Тогда магнитное оборудование направило торпеды на корабли, представляющие собой большие металлические массы, и суда эскадры взлетели на воздух.

Судя по всему, Советский Союз применил в Финском заливе именно это средство обороны, что и привело к гибели эскадры адмирала Шеклсберри.

Это — все, что могли узнать читатели газеты «Таймс» по поводу трагических событий в Финском заливе на рассвете 23 апреля.

ДА, НЕОБХОДИМА МОБИЛИЗАЦИЯ

Тяжелые тучи нависли над Европой.

Заранее, казалось бы, продуманные до последней мелочи планы военного союза так называемых Заинтересованных Держав, ставившие главной задачей молниеносный удар по Советскому Союзу, победный удар, который сразу должен был окончательно переломить положение и перейти в развернутое наступление по всем фронтам, — этот план потерпел поражение. Советский Союз дал отпор, хотя комбинированный удар с трех сторон и был, казалось, совершенно неожиданным.

Поражение было очевидным для командования Первой армии. Не менее очевидным было оно и для «Заинтересованных Держав». Советский Союз не только оборонялся: в ответ на нападение он переходил в контратаку, решительно тесня врага. Такая тактика не была неожиданной для командования Армии, ибо с давних времен известно, что лучшей обороной является именно наступление. А впрочем, события с самого начала развивались совсем не так, как предполагалось продуманными и обоснованными планами. И чрезвычайное заседание Совета «Заинтересованных Держав», созванное немедленно по получении сведений о первых последствиях комбинированного удара Первой Армии, на которое вызвали и генерала Ренуара, должно было внести определенные изменения в планы.

Наиболее резко высказался маршал Кортюа. Его лицо было хмурым, слова он выговаривал старательно и твердо, будто строя из них крепость. Маршал Кортюа говорил:

— Не время и не место говорить о причинах того, что произошло. Меньше всего я хотел бы обвинять уважаемого генерала Ренуара. Он сделал все, что мог. Однако главная причина в том, что Европа дала большевикам возможность и время хорошо вооружиться и поднять обороно-

способность. Вряд ли кто-нибудь ожидал от Советского Союза такой решительности. Но большевики настолько хорошо подготовились к войне, что могут теперь применять неизвестные нам средства и оружие.

— Уже известные, — тихо проговорил сэр Оунли.

— Да, теперь уже известные. Впрочем, нет никакой гарантии, что завтра или послезавтра нам не придется познакомиться с новыми неожиданностями, которые готовят большевики. Следовательно, я вынужден констатировать, что тактика молниеносного удара себя не оправдала. Надежда определенных кругов на то, что война будет короткой и губительной для врага, как взмах сабли — лопнула. Мне уже приходилось отмечать это и раньше. Война — это война, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для меня нет сомнения, что наша тактика должна измениться. Я не против попыток продолжать наносить неожиданные удары с помощью средств, о которых только что докладывал генерал Ренуар. Но нужно быть готовыми при необходимости перейти к позиционной войне, которая кое в чем даже будет напоминать прошлую мировую войну. Окопы, бастионы, крепости, артиллерия, танки и, прежде всего, неограниченное количество живого, человеческого материала.

— Мобилизация?

— Да. Другого выхода нет. Кроме того, есть еще одна причина для немедленной подготовки к массово-позиционной войне. Мы, представители Заинтересованных Держав Европы, предоставляем огромные технические средства для ведения войны. Мы даем машины, танки, самолеты, аэроторпеды. Что дают для войны государства, расположенные ближе к границам Советского Союза?.. Свою территорию для передвижения нашей техники и наших военных инженеров? Маловато, господа. Слишком мало, учитывая те громадные приобретения, которые они получают в результате войны. Господа, я вынужден подчеркнуть: кто больше дает теперь, тот больше возьмет потом. Если мое предложение по мобилизации — в основном, касающееся восточных государств — не будет принято, я от имени своей

страны должен буду заявить, что наша подпись под проектом будущего распределения новых колоний на территории Советского Союза превратится в условность. Думаю, что это понятно, господа. Повторяю: нам нужна немедленная всеобщая мобилизация.

— Не считаясь с очевидной опасностью разложения солдатских масс под влиянием большевистской агитации?..

— Для этого есть хорошо поставленная информационная служба, чрезвычайные трибуналы, винтовки и пулеметы, — так же решительно ответил маршал Кортау.

— А опасность коммунистических восстаний, забастовок и мятежей в нашем тылу? Разве это не взрывоопасный материал?

— Мой предыдущий ответ касается и этого вопроса.

Морис Ренуар покинул зал заседаний Совета в крайнем раздражении. Судя по всему, он терял авторитет. Пока что его не ограничивали, за ним оставляли свободу действий, возможность и дальше проводить в жизнь планы механизированной войны. Но Совет все же пришел к выводу о необходимости одновременно вести войну огромными людскими массами. Этого-то больше всего и опасался Морис Ренуар. Это нарушало единство сил, это было признаком зарождения внутренних противоречий в Совете.

Сидя в машине, он нервно просматривал утренние газеты, приготовленные для него адъютантом. Да, газеты достаточно осторожно подходили к сложной проблеме — объяснить населению неудачи первых дней. По их сообщениям выходило, что, собственно, и наступления, как такового, не было. Дело, мол, началась с пограничной стычки, которая позже перешла в боевое столкновение — главным образом потому, что советские войска пытались перейти границу.

«Все это, — твердили все, без исключения, газеты, — служит дополнительной иллюстрацией того, что большевики, говоря одно, делают совсем другое. Разве не привыкли мы к бесчисленным заверениям Советского правительства о его так называемой “мирной” политике?.. Большевики повсюду трубили о том, что они

против агрессии, что они заинтересованы лишь в укреплении своей обороноспособности, что они против войны и т. д. ... А на самом деле? На самом деле большевики все время готовились к войне, они разрабатывали самые совершенные виды оружия, чтобы напасть на своих соседей. Разве события последних дней не являются тому доказательством?.. Большевики вооружились на земле, в воздухе и на воде. Они угрожают нашему спокойствию. Они пытаются подчинить нас своей воле...»

Морис Ренуар швырнул газету на пол: все это можно было делать аккуратней, искать другие слова, другие средства обработки общественного мнения. Слишком грубо! Нужно быть последним дураком, чтобы поверить подобной болтовне!.. Написать сначала о событиях со смертоносным электрическим лучом, потом про летающие танки, затем о гибели эскадры в Финском заливе — и после всего этого наивно болтать о злой воле большевиков... Честное слово, эти репортеры зря получают деньги!

Немного успокоившись, генерал Ренуар снова взял газету, чтобы просмотреть сводки о внутреннем положении в европейских государствах. В глаза ему бросилось:

«Забастовка рабочих на военных заводах в Лютеции. Арест нескольких коммунистических агитаторов на военных заводах показал, как нагло развернули большевики свою подрывную работу в самом сердце нашей страны. Вчера в некоторых цехах военных заводов началась забастовка, которая проходит под лозунгом “Против войны с Советским Союзом!” Рабочие забаррикадировались в зданиях и отказываются выходить. Заводы окружены войсками. Нет сомнений, что позорное явление будет ликвидировано сегодня же. Мощная волна национального энтузиазма раздавит попытки пособников Москвы...»

Вновь дешевая агитация! Генерал Ренуар решительно отбросил газету: ее не стоит читать...

Но газета не ошибалась в одном: настроения рабочих проявлялись очень быстро. Правда, коммунистические газеты были запрещены еще несколько дней назад; почти одновременно с этим, правительства европейских капиталистических стран также подписали постановления о запрете всех коммунистических партий. В то же утро, когда эти постановления были напечатаны в газетах, большие отряды полиции заняли помещения компартий и всех революционных организаций, арестовав нескольких видных коммунистов.

Но этого было мало. Нужно было найти какое-то средство разрядить напряжение, возникшее в массах после начала военных действий и запрета коммунистических газет и организаций. Применили старый и много раз оправдавший себя способ: антисемитскую пропаганду.

— Кто виноват в распространении социалистических и коммунистических идей?.. Евреи. Кто заинтересован в помощи большевикам? Евреи. Кто продался Москве? Евреи. Долой евреев, бойкот евреям, бить евреев!..

Мутные волны всколыхнулись, прежде всего, в столицах европейских стран. Мещанские круги выходили на демонстрации под общими лозунгами: «Долой большевиков и их пособников — евреев!» Фашистские организации были впереди всех, организуя антиеврейские бойкоты, истребление выдающихся деятелей-евреев и, главное, всех тех, кого заподозрили в сочувствии к коммунистам.

Рабочие массы угрюмо стояли в стороне, не принимая участия в этих демонстрациях и будто чего-то выжидая. Коммунистические партии ушли в подполье, но, конечно, продолжали работать. То, о чем писала газета, та самая, которую читал в машине генерал Ренуар, было вовсе не таким уж незначительным событием, как изображалось в прессе. Ликвидировать забастовку рабочих в тот же день вряд ли удалось бы даже объединенным отрядам полицейских целого города.

Военный завод в Лютеции — настоящая крепость. Он обнесен высокой стеной с вышками, где стоят часовые. Завод имеет собственную охрану и находится под особым присмотром полиции. Как могло случиться, что на этом заводе-крепости вспыхнула забастовка и к чему эта забастовка могла привести?..

Утром рабочие, как всегда, пришли на работу, чтобы заменить ночную смену: ведь завод работал день и ночь. Однако ночная смена не ушла с завода и осталась внутри вместе с утренней. Ворота завода были закрыты изнутри, охрана схвачена и обезоружена. Рабочие захватили в свои руки контору и склады продукции. Завод превратился в крепость, которую можно было взять только штурмом или долгосрочной осадой.

Получив первые сведения о забастовке на заводе, управление полиции не решилось само принимать какие-либо радикальные меры, а сразу же сообщило о случившемся в военное министерство.

Решено было осадить завод войсками и переждать, пока не выяснится положение и требования рабочих. Нельзя же было начинать наступление на завод военными силами — а другого способа освободить территорию завода от рабочих, очевидно, не было.

Так как это событие произошло в столице страны и слухи о нем стали расползаться во все стороны, правительство не смогло утаить факт забастовки и запретить газетам писать о ней. Дело заключалось лишь в том, чтобы писать про забастовку поменьше и изображать ее, как незначительное происшествие, ликвидация которого не составит никаких трудностей.

В то же время появились определенные признаки опасности и на других предприятиях. Тайные агенты докладывали об усилении коммунистической агитации и о том, что по предприятиям ходят слухи о всеобщей забастовке с требованием прекратить военные действия против Советского Союза.

Полиция арестовывала по малейшему подозрению и без оного. Фашистские организации объявили жестокий и

беспощадный поход против революционеров и всех «предателей родины». Будто в ответ на это, произошло сразу три крушения воинских поездов, которые везли оружие на восток — одно за другим, в течение одной ночи. Разобранные рельсы железнодорожных путей привели к ужасным катастрофам, уничтожившим все три поезда.

Они не попали на газетные полосы. Газеты умолчали о катастрофах. Но о них таинственными, неведомыми путями стало известно в Москве. И последствия сказались сразу: мощные советские радиостанции известили мир и о забастовках, и о катастрофах. Категорический запрет принимать советские радиопередачи не привел ни к чему, потому что проконтролировать такой запрет было невозможно. Капиталистические радиостанции принялись заглушать советские передачи, но и это не помогало. Советских передатчиков было очень много, и они обладали большой мощностью. Кроме того, во всех крупных городах Европы появились коммунистические радиостанции. Они проводили агитационные передачи, призывая пролетариат бороться против войны. Полицейским отрядам не удавалось обнаружить тайных агитаторов, потому что те ежедневно меняли районы работы.

Тяжелые, грозовые тучи нависли над Европой. И объявление мобилизации первой очереди молодежи было встречено молчанием, хотя декреты правительств и говорили, что это лишь ответ на мобилизацию, уже проведенную Советским Союзом для нападения на страны Западной Европы. Молчание, холодная настороженная тишина свидетельствовали о том, что широкие круги населения не верили этим сообщениям. И газеты читали неохотно, не веря им. Все больше становилось людей, которые тайно слушали советские радиопередачи и передачи местных подпольных коммунистических агитаторов. Воззвания Коминтерна таинственным образом передавались от человека к человеку — шепотом, тайком.

Слушал передачи и Дик Гордон. Он сидел с неизменным своим спутником Джонни Уолтерсом в помещении радиопункта Пршедола, дожидаясь распоряжения по радио,

о котором сообщала только что принятая депеша. Радист предложил Диду:

— Если желаете, господин лейтенант, можете послушать на резервном приемнике передачу из Москвы. Большевики, мне кажется, окончательно забросили русский язык и все время передают на других — на английском, немецком, французском...

— Давайте. Время есть, — ответил Дик.

Джонни Уолтерс с интересом посмотрел на репродуктор:

— Любопытно, что они передают? Ведь это рассчитано именно на слушателей за рубежом?

Дик кивнул головой. Радист покрутил ручки приемника — и репродуктор заговорил на чистом английском языке, с половины фразы:

«...и задачей пролетариата всего мира является борьба против войны, помощь Советскому Союзу. Пусть буржуазные газеты и дальше клеветают на Советский Союз, обвиняя нас в нападении. Каждый пролетарий понимает, что против агрессии нельзя обороняться, сидя на месте и только отбивая атаки. Большевики никогда не были и не будут христосиками, что подставляют левую щеку, когда их ударили по правой. Капиталистические страны пошли войной против Советского Союза, заставили его взяться за оружие. С вооруженным врагом нельзя вести разговоры, его надо раздавить, уничтожить, чтобы получить возможность продолжать мирную работу в полной безопасности. Солдаты капиталистических армий! Красная армия воюет не против вас. Она призывает вас вспомнить, что вы — такие же рабочие и крестьяне, как и красноармейцы, которые вынуждены сейчас защищать свою мирную жизнь. Их родина одновременно является и вашей, потому что на всем земном шаре есть только одно отечество мирового пролетариата — это Советский Союз. Бросайте оружие, которое вам навязали капиталис-

ты, переходите в единственную армию пролетариата мира — Красную армию!..»

На минуту репродуктор умолк. Но тут же заговорил снова:

«...Подумайте, солдаты, куда вас гонят и зачем. Красная армия защищает право рабочих и крестьян Советского Союза свободно строить свою жизнь. А что защищаете вы?.. Право ваших капиталистов и помещиков и дальше эксплуатировать вас?.. Их право наложить алчные лапы и на Советский Союз?.. За что вас гонят умирать? Что получите вы за это? Если умрете, ваша семья останется без кормильца — и ее страдания еще увеличатся. Если вернетесь домой живыми — вы снова встанете, с разрешения фабрикантов, к своим станкам, будете получать зарплату, которой опять не будет хватать на жизнь. За что же вы воюете, солдаты?.. Долой войну! Бросайте оружие, товарищи-солдаты, поворачивайте его против тех, кто гонит вас на смерть, гонит против вашего единственного отечества — Советского Союза!..»

Радист выключил приемник:

— Кажется, нас вызывает штаб. Одну минутку.

Он склонился над ручками пульта. Джонни взглянул на Дика:

— Ты не думаешь, Дики, что это может оказать определенное влияние, эти передачи?.. Ведь радио не заткнешь глотку...

— Поговорим позже, — ответил Гордон, выразительно кивнув головой на радиста, который поднял голову и сказал:

— Включаю. Слушайте. Микрофон тоже включен.

Вновь заговорил репродуктор, теперь другим, знакомым басовитым голосом:

— Лейтенант Гордон, вы слышите?

— Так точно, господин генерал.

— У вас все в порядке?

— Да, господин генерал.

— Через несколько минут получите приказ. Надеюсь, что он будет выполнен полностью. Кстати, генерал Ренуар просил сообщить, что через несколько дней переводит вас в свой штаб. Дело только за исполнением приказа, о котором я только что вам сообщил. Желаю удачи, до свидания!

Джонни Уолтерс подошел к Дик:

— Слушай, Дики, неужели это все, что он хотел сказать? Вряд ли стоило ради этого тебя вызывать.

Дик иронично ухмыльнулся:

— На языке командования это называется «личным подержанием бодрости подчиненных». Однако все это мелочи. Просто старый генерал Древор хотел показать, что не забывает о нас. Но где же этот приказ?..

— Принимается, господин лейтенант, — ответил радист, — ведь это шифр и его принимает автоматический записывающий прибор. Видите? — он показал на бумажную ленту, быстро выползавшую из аппарата, — если желаете, могу давать вам частями на расшифровку.

— Начнем, — проговорил Дик. — Джонни, давай сюда шифр.

Радист подавал ленту кусками. Джонни расшифровывал. Дик Гордон записывал. Получалось следующее:

«Ночью... начинается... артиллерийская... подготовка... наступления... всем... фронтом... ваша... часть... начинается... операцию... на... рассвете... цель... про-
рыв... держите... связь... штабом... этой... волне... свод-
ки... давайте... каждые... полчаса... точное... направ-
ление... глубину... наступления... получите... отдельно...
штаб... фронта ...»

— Да, — аж присвистнул Джонни, — значит, опять?

Но Дик не ответил. Он аккуратно спрятал в нагрудный карман книжечку, куда записывал содержание приказа,

дал распоряжение радисту немедленно передавать ему курьером все поступающие приказы и сообщения и только потом сказал Джонни:

— Пойдем. Поговорим по дороге.

СОМНЕНИЯ ДЖОННИ УОЛТЕРСА

Еще час назад Дик Гордон был совершенно спокоен. Ему поручено командование этим участком фронта — хорошо, он будет командовать. Правда, немного странно, что генерал Древор назначил на это место молодого лейтенанта, имея богатый выбор опытных старших офицеров. Но это его дело — генерала Древора. Возможно, так случилось потому, что на этом участке главные операции должны были развивать творения Гордона — прыгающие танки. В конце концов, не это главное. Намного интереснее другая новость: генерал Ренуар вызывает Дика в штаб.

Там — сердце всего, там работает главный мозг всех операций. Здесь — наоборот, только старательное выполнение планов, разработанных где-то. Итак, снова к генералу Ренуару... Хорошо. Но настроение почему-то испорчено. Почему же?

Дик наконец понял причину и повернулся к шедшему рядом Уолтерсу:

— Теперь можем поговорить, Джонни. Что ты хотел сказать?

— Что эти радиообращения Коминтерна могут наделать нам неприятностей. Особенно в связи с мобилизацией. Ты же читал постановление?..

— Может, выскажешься определеннее? Просто скажешь, что ты — пацифист?..

Джонни Уолтерс сердито взглянул на Дика:

— Пусть даже и пацифист, мне все равно. Да, я не хочу войны. Но и без того дело яснее ясного. И вообще, я не понимаю тебя, Дики. Странно разговариваешь. Будто все время пытаешься играть в прятки. Зачем это?..

Невольно Дик Гордон улыбнулся: если Джонни Уолтерс, добродушный и всегда веселый человек, начинает ог-

рызаться, — значит, действительно накопело. А Джонни уже говорил дальше:

— Будто не ты всегда сам говорил о необходимости вести войну техническими средствами. О, я хорошо помню, как горячо и красноречиво ты доказывал: «Только машины, поменьше людей, да здравствует теория гениального генерала Фулера!.. Молниеносное нападение, машина уничтожает все преграды — и человеческие, и материальные, освобождает путь для других машин, разрушает все и приносит нам безусловную победу!..» Ведь так? Правда? Где же она, победа?.. Я не вижу. Мы лезем в окопы, будто на дворе какой-то 1915 год, а не наша эпоха механизированной войны. Я сейчас даже перестаю понимать, кто наступает, а кто обороняется. И наконец — эта мобилизация. Это же окончательный переход на старые способы войны. Тысячи, сотни тысяч солдат собирают в тылу, чтобы отправить сюда. Получается — окопы, получается — позиционная война?.. Но эти сотни тысяч солдат — ненадежный, сырой материал. Что с того, что они умеют стрелять и маршировать? Кроме этого, они еще хорошо умеют слушать. А большевики, насколько мне известно, ничуть не хуже умеют говорить. Ты сам только что в этом убедился. Итак...

Он на минутку остановился. Затем энергично сплюнул:

— И зачем я это доказываю? Ты и сам прекрасно все понимаешь, только притворяешься, будто тебе что-то непонятно. Ты знаешь, что такое большевистская агитация. Знаешь, до чего она доводила экспедиционные войска после Октябрьской революции, когда неосторожное союзное командование еще пыталось разбить большевиков с помощью обычных войск на севере и на юге России или как там, Советского Союза... Не получится ли так же и с нами? Что-то я не уверен...

Джонни умолк. Молчал и Дик. Они проходили по закрытому переходу, который вел в их квартиры, если можно было назвать квартирой небольшое помещение внутри центрального бастиона. За очередным поворотом прямо на них вылетел запыхавшийся солдат. Он подбежал к Гордону, выпрямился и, приложив руку к фуражке, доложил:

— Господин лейтенант, дежурный наблюдатель при-
слал меня доложить о каких-то непонятных перемеще-
ниях противника. Дежурный просит вас лично посмотре-
ть.

— Хорошо, — коротко ответил Дик и обратился к Джон-
ни:

— Очень прошу — спроси у радиста, не получил ли он
указаний о направлении операции. Если нет, пусть вновь
связывается со штабом, пока не получит. Как видишь, на-
ша беседа опять, к большому сожалению, откладывается.

И он решительно повернулся, направляясь к наблюда-
тельному пункту.

Проход изгибался, от него отходили другие, боковые хо-
ды к различным пунктам позиций. Дик уже достаточно хо-
рошо знал расположение этого участка. Вот этот ход ведет
к расположению дальнобойной артиллерии, где ждут при-
каза новейшие орудия, способные почти одновременно об-
стреливать и небо, и землю, заливая все вокруг дождем из
бронебойных и разрывных снарядов. Вот ход к гнездам зе-
нитных пулеметов, каждый из которых знает только свой,
отдельный кусочек неба, четко обозначенный проволооч-
ным квадратом: один только сигнал — и в небо полетят
стальные шмели, каждая стая в свой квадрат. Вражеский
самолет не перелетит через линию фронта — шмели пой-
мают его, ибо нет такого уголка в небе над линией гори-
зонта, куда бы не нацелились спокойные и злые зенитные
пулеметы.

Большой и просторный ход вел к подземной базе пры-
гающих танков, где неподвижно, но в полной боевой готов-
ности стояли ужасные чудовища, ожидая, как и все, прика-
за отправляться вперед. Дик с удовольствием глянул на этот
проход: да, там ждет сигнала главное и решающее орудие
будущего наступления...

Вот и ход к наблюдательному пункту. Посмотрим, что
там за таинственные перемещения...

Дежурный наблюдатель встретил Дика Гордона встре-
воженным взглядом.

— Что случилось, Ивенс? — спросил Дик.

— По всем признакам, господин лейтенант, большевики готовятся к наступлению. Самолеты-разведчики докладывают о стягивания войск к линии фронта...

Наблюдатель в замешательстве остановился.

— Да. Дальше? — спокойно спросил Дик Гордон.

— Но... но мои наблюдения расходятся с данными самолетов. Я вижу, что отдельные войсковые части, наоборот, отходят от линии фронта назад...

— То есть?..

— Вот в этом и загадка. Возможно, большевики проводят какую-то перегруппировку — иначе зачем им стягивать части к фронту и вместе с тем отходить от его линии?.. Я пригласил вас, господин лейтенант, потому что сам не осмеливаюсь делать какие-либо выводы...

Дик взял рапорты с самолетов: все они, как один, говорили о движении частей к линии фронта. А данные наблюдательного пункта свидетельствовали об отходе частей от линии фронта. Что за чушь?.. Как бы там ни было, но все это делается крайне нагло... Осуществлять перегруппировку, совсем не маскируясь?.. Ведь существует же артиллерия!

Дик взглянул на часы: была уже половина девятого. Да. Сумерки. Через полчаса наступит темнота. Артиллерийская операция ничего не даст. Очевидно, большевики что-то готовят на утро. Ничего. Не успеют... старый генерал Древор их опередит... с рассветом должен пойти в атаку отряд прыгающих танков...

Мысли проносились одна за другой, как всегда бывало с Диком, когда он что-то напряженно обдумывал. Дик внимательно, при помощи телеэкранов, осматривал поле будущего наступления. Вся картина запечатлевалась в его сознании.

Вот тянется линия вражеских окопов, огражденная сетью из колючей проволоки. Пусто, ничего не видно, как будто и вправду никого нет впереди. Дальше кусты — измочаленный стрельбой кустарник. Дальше опять чистое поле с небольшими бугорками. О них можно с уверенностью

сказать: это замаскированные гнезда легкой артиллерии. А впрочем — может, и совсем наоборот, фальшивые гнезда, так сказать — своего рода маскировка, чтобы подставить под огонь фальшивые позиции и тем самым обезопасить реальные?.. Ничего нельзя знать наверняка, все здесь может быть фальшивым, даже то, что видишь собственными глазами и считаешь безусловной реальностью.

Еще дальше начинался лес. Но что за странные мелкие точки между этими бугорками и лесом?.. Дик повернул ручку аппарата — и сразу же все, что он видел на экране раньше, увеличилось и задрожало, как бывает, когда смотришь через подзорную трубу с большим увеличением. Вместо точек Дик увидел теперь неясные силуэты, медленно двигавшиеся от линии фронта к роще. Наблюдатель, глядевший вместе с Диком на экран, проговорил:

— Это оно и есть. Как видите, движутся в тыл.

Но уже через полминуты ничего нельзя было различить. Все скрылось в тумане: сумерки набросили на горизонт одеяло из легких седых облаков. Дик отошел от аппаратов.

— Хорошо. Немедленно докладывайте мне, если вам удастся что-то увидеть. Кроме того, незамедлительно сообщите обо всем, что вы мне рассказывали, на артиллерийскую батарею 5-Ф. Она будет вести огонь по подозрительным участкам.

В своей комнате Дик увидел Джонни Уолтерса, который буквально зарылся в газеты. Он лихорадочно перелистывал страницы, разыскивая то, что его интересовало, читал, откладывал и разворачивал другую газету. Волосы его были взъерошены больше, чем обычно, лицо пылало. Услышав шаги Дика Гордона, Джонни вскочил и быстро заговорил, захлебываясь словами, словно в бреду:

— Вот!.. вот, получай! Вот то, что я тебе говорил. И то, что в свое время говорил и тебе, и мне этот, как его... Том Даунли, когда мы, еще в школе, спорили по поводу теорий генерала Фулера и твоего профессора... или как его теперь называют, генерала Ренуара. Вот оно, жизнь доказывает,

что прав был Том Даунли... и я тоже, конечно... а ты со своими теориями... ошибался!..

Дик Гордон спокойно снял фуражку, присел к столу, медленным движением вынул папиросу из портсигара, подчеркнуто внимательно постучал ее мундштуком по крышке портсигара, сунул в рот и, зажигая спичку, сквозь зубы проговорил:

— Так вот, прежде всего очень прошу тебя успокоиться, иначе нам очень трудно будет разговаривать. Садись, поговорим...

Дик выпустил к потолку облачко сизого дыма и закончил:

— Что именно тебя так смутило? Почему это ты снова взялся за пересмотр теорий? Что случилось?

Подчиняясь его спокойному тону, Джонни сел и взглянул на Дика: тот сидел совершенно спокойно, внимательно рассматривая огненный кончик своей папиросы. Это снова был уравновешенный и выдержанный Дик Гордон — такой, каким Джонни Уолтерс знал его еще в школе.

Гордон медленно поднял глаза и посмотрел на Джонни:

— Итак, я слушаю тебя. Что случилось?

Джонни в отчаянии запустил руку в волосы.

— Ну, хорошо. Ты снова притворяешься, будто все в порядке, Дики. А я тебе говорю, что дело оборачивается для нас прескверно. Видишь эти газеты? — он махнул рукой на кучу газетных листов. — Здесь есть такие сообщения, такие!.. да что говорить, посмотри сам. И это письмо...

Джонни вынул из кармана конверт, раскрыл его и показал Диком густо исписанный листок бумаги.

— Погоди, Джонни, относительно газет, — это понятно. А что за письмо? — спросил Гордон.

— Письмо от нашего друга Тома Даунли. Да, да, это от него. Сейчас, я тебе кое-что прочитаю.

Джонни сел на край стола и глубоко вздохнул. Дик Гордон заинтересованно посмотрел на листок бумаги, который держал Джонни. Действительно, Том Даунли всегда имел собственный взгляд на вещи. Что же он пишет?..

«...И мое мнение, Джонни, остается таким же, как и раньше. Все вы увлечены красивыми словами и теориями механизированной войны и забываете про так называемые “хвосты” каждой машины, каждого самолета, каждого танка, каждой автоматической пушки. Если ты забыл, могу напомнить. Допустим, у тебя имеется абсолютно механизированный отряд танков или самолетов. Хорошо. Людей у тебя очень мало. На каждую машину только ее экипаж, абсолютно проверенная команда, так что в ней ты вполне уверен. Хорошо. Но учел ли ты, какая армия людей стоит за твоими машинами и их экипажами?.. Ты широко раскрываешь глаза, милый Джонни, ты не понимаешь: о какой армии идет речь?.. Сейчас объясню. Твою машину кто-то строил. Кто? Рабочие определенного завода. Кто-то и теперь производит для нее запасные части: такая же обезличенная масса рабочих. Кто-то изготавливает для нее топливо, смазку, кто-то построил и обслуживает ангар или гараж для твоих машин.

Кто? Снова рабочие — большая масса рабочих, которых ты не знаешь и не видишь. Быть уверенным в этой массе означало бы чистое безумие. Я уже не говорю о тех, кто готовит тебе и твоим людям пищу, продукты и тому подобное. И за теми, и за другими также стоит огромная масса рабочих и крестьян. Разве ты можешь быть уверенным относительно ее?..»

— Детские разговоры, — перебил его Дик Гордон, презрительно цедя слова. — Болтовня! Когда мои люди в машинах, я не боюсь уже ничего, вот что.

Джонни не ответил ему. Он склонился над письмом и читал дальше:

«...Допустим, что отряд уже готов. Машины в твоём распоряжении — так же, как и люди, из которых состоят проверенные экипажи машин. Ты считаешь нужным начать атаку. Хорошо. Но в последнюю ми-

нута тебе с ужасом докладывают: “Не хватает топлива”. Нет, даже не так, это было бы не слишком элегантно. Тебе докладывают: “В жестянках не та смазка, которая нам нужна. Марка Б-4 вместо марки Б-5”. Ты знаешь, что эта смазка слишком жидкая, ее нельзя использовать в танке. Конечно, это ошибка, но ты не можешь ничего сделать. Через полчаса ты получаешь сообщение: на заводе, где собирают танки и изготавливают запасные части — забастовка. Чуть позже новое сообщение: ужасный взрыв на складе снарядов. Все это — случайности, да, я полностью с тобой согласен. Но — не сведут ли на нет такие случайности все преимущества твоей механизированной армии, которая вынуждена будет сидеть возле своих машин и ждать разгрома?.. Опять-таки, я не останавливаюсь на возможной встрече твоей механизированной армии с хорошо организованной и такой же механизированной защитой врага. Тогда твоя армия опять-таки сядет в окопы и... ты сам знаешь, во что это превратится, если уже не превратилось...”

Джонни поднял голову:

— Теперь скажи мне, Дики, разве не прав Том Даунли? Ну, насчет взрывов и забастовок — ты можешь относиться к этому как тебе угодно, но в пользу Тома Даунли говорит каждая из этих газет. Не прав ли Даунли, иронически утверждая, что мы засядем, если уже не засели в окопы?.. Мне, например, кажется, что мы и так довольно прочно сидим в окопах. Что скажешь?..

Дик задумался. Он машинально крутил в тонких пальцах угасшую папиросу, даже не замечая, что она погасла.

— Слушай, Джонни, — медленно произнес он, — как честный человек, я не знаю, что тебе ответить. Нет, нет, подожди, я вовсе не сдаю свои позиции. Наоборот, я ищу способы их укрепить. Я не пророк, не знаю, что ждет нас завтра. Может, действительно будет так, как пишет здесь Том Даунли: взорвутся склады, перепутают смазку или

еще что-нибудь произойдет. Не знаю. Но думаю, что не зря работает полиция, не зря тратятся деньги на организацию тыловых служб. Пусть на одном заводе начнется забастовка — ее раздавят. Пускай взорвется какой-то склад — мы получим снаряды с другого. Все эти невидимые армии людей, обслуживающих машину нашей войны, — кто-то же за ними присматривает, кто-то проверяет их. Это меня не так беспокоит, как наше пребывание в окопах. Вот чего, по моему мнению, нельзя допустить. Поэтому я возлагаю все надежды на наступление. Пусть не получилось с воздушной атакой генерала Ренуара, — он наверняка готовит что-то другое. Пусть погибла эскадра адмирала Шеклсбери — и это не страшно. Нам нужно наступление — и мы его проведем. Прорвать фронт, ударить, начать преследование бегущего врага — вот стратегия и тактика, которые нужны нам больше всего...

— Ты говоришь — начать преследование бегущего врага?.. Хорошо, но для этого необходимо, прежде всего, чтобы он начал убегать. А именно этого я что-то не вижу, — с ноткой иронии ответил Джонни.

— Увидишь! — горячо воскликнул Дик. — Увидишь завтра утром. Армия генерала Древера начинает наступление всем фронтом. И, если это наступление не станет решительным и переломным ударом, я признаю, что ошибался. Понимаешь? Они, эти большевики, не могут знать наших планов. Они не предусмотрели эти планы. Они не готовы к нашему наступлению. И это определит исход дела.

— Они точно так же были не готовы к воздушному наступлению генерала Ренуара... по крайней мере, так считал он и мы с ним... а что из этого вышло!..

— Одно поражение не определяет исход всей войны, Джонни. Напротив, теперь мы уже достаточно хорошо знаем, с кем имеем дело. И, учитывая все, взвесив все возможности, мы победим. Мы сметем их нашей техникой. Миллионов красноармейцев не хватит для того, чтобы остановить победоносное шествие наших машин, которые раздавят их, как грибы...

Джонни слушал Дика, а перед глазами вставало страшное зрелище атаки прыгающих танков, мчавшихся на позиции противника. Он снова видел эту картину: вот танк разгоняется и несется прямо на пулеметы, мужественно встречающие его свинцовым ливнем. Вот он неожиданно подпрыгивает, несколько секунд летит в воздухе и падает прямо на пулеметы, на пушки, на людей, уничтожая их и устремляясь дальше, оставляя позади раздавленную мешанину из металла и человеческих тел... Джонни вздрогнул: какой ужас!... Война — война без жалости, без сожаления о человеке, о его жизни... «Победоносное шествие наших машин раздавит миллионы красноармейцев, как грибы...»

Неожиданно раздался звонок телефона. Дик взял трубку:

— Я слушаю. Кто? Да, лейтенант Гордон на проводе. Вы получили приказ? Читайте, я слушаю.

Внимательно слушая, Дик делал пометки на лежащей перед ним бумаге.

— Да, да. Хорошо. Это все? Нет? Ага, телеграмма от генерала Ренуара? Зачитайте. Так, так. Хорошо. Благодарю. Всего хорошего!

И, обернувшись к Джонни, Дик сказал:

— Прислали подробный приказ о начале наступления. Поздравляю тебя с новой возможностью убедиться, кто прав — Том Даунли или генерал Ренуар. Кроме того, должен тебе сказать, что по завершении завтрашней операции мы с тобой уезжаем в штаб генерала Ренуара и поступаем в его распоряжение. Иди, Джонни, спать. Я и сам немного разберусь в приказе и тоже лягу. Надо запастись хоть толикой сил на завтра.

В СУМРАКЕ ДЫМОВОЙ ЗАВЕСЫ

— Лейтенант! Лейтенант! Их нет!..

Дик Гордон поднял с походной подушки тяжелую голову и неуверенным голосом, в котором сознание еще боролось с глубоким сном уставшего человека, переспросил:

— Что такое?.. Кого нет?..

— Большевиков нет, лейтенант. Никого нет. Чистое поле — ни траншей, ни проволочных заграждений, ничего нет. Они исчезли!

Гордон протер глаза: не то капрал Гертек сошел с ума, не то сам он, Дик Гордон, по-прежнему спит. Чуть какая-то!.. Не далее как вчера вечером сам Дик разглядывал вражеские позиции, выслушал доклад дежурного на наблюдательном пункте о странной перегруппировке советских войск — и теперь вот такое сообщение... Нет, здесь что-то не так... Дик посмотрел на часы: четыре утра. Через пятнадцать минут, согласно приказу, должно начаться наступление прыгающих танков...

— Капрал, вы сошли с ума. Большевики исчезли вместе со своими позициями... Ерунда!

— Простите, лейтенант, я вполне отвечаю за свои слова. С первыми солнечными лучами стало видно, что наши пушки направлены в чистое поле. Напротив наших позиций ничего и никого нет. Прошу вас, посмотрите и убедитесь сами. Сублейтенант Уолтерс уже ждет вас на наблюдательном пункте.

Последние остатки сна рассеялись. Неудачная шутка превращалась в нечто совершенно непонятное. Уолтерс уже ждет его на наблюдательном пункте... Ладно, посмотрим. И у Дика вдруг мелькнула странная мысль: вчерашняя перегруппировка советских войск... неужели это была подготовка к загадочному исчезновению?..

Гордон встал. Он поспешно накинул шинель и молча, перепрыгивая через две-три ступеньки, поднялся к ходу сообщения, ведущему к наблюдательному пункту. Быстрее, быстрее, нужно самому убедиться! Капрал Гертек едва поспевал за Гордоном. По пути Дик Гордон встречал людей, молча поглядывавших на него, словно желая что-то спросить; лица их выражали сдержанное удивление: очевидно, удивительное известие о таинственном исчезновении позиций противника успело разнестись по всем участкам...

Утратив свою обычную сдержанность, Дик Гордон ураганом влетел в помещение наблюдательного пункта. Не слушая слов дежурного, пытавшегося о чем-то доложить лейтенанту, не замечая хмурого лица Джонни Уолтерса, — Дик бросился к экранам перископа, позволявшим видеть вражеские позиции, экранам, на которых он своими глазами только вчера наблюдал странные маневры советских войск. За его спиной нагнулся к экрану капрал Гертек:

— Видите, ничего! Все чисто...

Действительно, на экране виднелось чистое поле. Оно простиралось бесконечно далеко — ни одного дерева, ни единого кустика. Гордон растерянно нажал на рычаг управления перископа. Картина на экране медленно подвинулась сперва направо, затем налево. И там, и здесь также не было ничего...

— Но еще вчера вечером я видел здесь траншеи, видел лес, рядом с ним происходила эта перегруппировка... — пробормотал Дик.

— И я видел, — отозвался Джонни Уолтерс, — но то было вчера. А сегодня ничего нет...

Дик в растерянности смотрел на экраны: наступление прыгающих танков... против кого именно его проводить? Против чистого поля, против воздуха? Ведь противник исчез — исчез вместе со своими позициями и даже вместе с лесом... Исчез вместе с лесом?

И вдруг Гордон хрипло засмеялся. Все удивленно посмотрели на него: что такое?

— Так говорите — исчезли? — обратился он к капралу Гертеку, Джонни и дежурному, — исчезли? Хорошо. Я сог-

ласен. Полностью согласен. Но вчера, насколько мне помнится, вчера там, далеко за их позициями находился лес. Разве не так?

Поскольку все молчали, он продолжал:

— Где же он теперь, этот лес? Тоже исчез? Они, должно быть, взяли его с собой, в карман спрятали?.. А?

Джонни удивленно перевел взгляд на экран: да, леса не было... Что за непонятное явление?..

Дик Гордон снова рассмеялся;

— Чушь! Остроумная маскировка. Хорошо выполненный камуфляж. За работу!

Он подскочил к телефону, рванул трубку и крикнул:

— Алло, дайте командование батарее. Да. Слышите? Я — лейтенант Гордон. Да. Четыре тяжелых снаряда в прямоугольник Ж-218. Да. Сейчас же. Жду.

Гордон положил трубку:

— Дежурный, направьте перископ на прямоугольник Ж-218. Да. А теперь смотри, Джон. И вы, капрал. Через пять минут мы должны начать наступление.

Три головы склонились над экраном. Чистое поле. Ничего не видно. Секунда, две, три... Тяжелые выстрелы прозвучали где-то высоко над наблюдательным пунктом, тяжелый залп целой батарее. Пушки выполняли приказ, снаряды летели во врага, которого никто не видел.

— Смотрите, смотрите! — закричал Гордон.

Снаряды взорвались. Чистое поле, видимое в перископ, выбросило из себя высокие столбы черного дыма, медленно растекавшегося в воздухе. Считая секунды, наблюдатели ждали, пока дым не разойдется окончательно. Скорее, скорее!..

И — вот оно! Широко раскрытыми глазами смотрели Уолтерс и Гертек на экран. Чистое поле справа и слева. Как и раньше, там ничего не видно, ничего нет. Только облака тяжелого черного дыма медленно движутся на юг под дуновением свежего утреннего ветра. Зато там, куда ударили снаряды — словно в сказке, появились разрушенные траншеи, разорванные и искореженные провололочные заграждения... Еще дальше, за траншеями, невысокие кусты, и совсем далеко, как и вчера, — темная лента леса, видимая лишь

на этом участке. Лес странным образом исчезал справа и слева от участка, куда упали снаряды...

— Видите? Маскировка! Камуфляж! — показывал рукой Гордон. — Капрал Гертек, отдайте приказ выступать, придерживаясь направления, указанного вчера штабом. Положение не изменилось ни на йоту. Немедленно — в наступление. Мы и так опоздали на четыре минуты.

Капрал вышел. Дик посмотрел на Джонни — и невольно улыбнулся: до того растерянное, удивленное лицо было у Уолтерса...

— Ты не понимаешь, Джонни? Но все это достаточно просто. На войне ни сказок, ни сказочных исчезновений не бывает. Правда, я и сам поначалу испугался, что сошел с ума, таким странным все это казалось. Но лес... В самом деле, не мог же он исчезнуть вместе с большевиками. Значит — маскировка.

— Но как?

— Этого я, конечно, сказать тебе не могу. Впрочем... вспомни, Джонни, исследования и проекты испанского инженера Куэрво, который предлагал использовать большие щиты из тончайшего полированного металла, устанавливая их перед окопами наподобие зеркал. Итак, вполне возможно, что большевики установили под определенным углом такие зеркала. Они спрятались за ними — и стали невидимы для нас. Ведь зеркала показывают нам местность, находящуюся между ними и нашими позициями. Вот и возникает впечатление чистого поля... Остроумная выдумка, но она не спасет их от атаки моих прыгающих танков... Кстати, именно сейчас должно начаться наступление всем фронтом, в том числе — и наше. Внимание, Джонни!

...Да, наступление начиналось и разворачивалось четко, как во время учебных маневров. Оглушительный грохот и рев артиллерии раздирали воздух. Свежий утренний ветерок превратился в дикую мешанину вихрей от безумных взрывов, которые, казалось, переворачивали вверх дном всю землю. Но кое-что отличало эту утреннюю операцию от предыдущего наступления генерала Древра. В

тот раз артиллерия работала меньше и не встречала сопротивления советских войск. Теперь ураганный огонь, рождавшийся здесь, на батареях Первой армии, — точно порождал ответные залпы артиллерийского огня с советских позиций. И никто не сумел бы сказать, с какой стороны артиллерия вела огонь сильнее и энергичнее...

Старый генерал Древор, склоняясь в своем кабинете над поступающими ежеминутно донесениями, мрачно бормотал:

— Какая глупость... считать, что большевики не успели подготовиться... они хорошо подготовились... совсем не уверен, в чью пользу закончится артиллерийская подготовка.

Возможно, события этого утра развернулись бы иначе, если бы не то моральное воздействие, что произвел отпор советских войск на старого генерала Древора. Он, старый и опытный командир, считал невозможным переходить в наступление, пока артиллерия не сделает своего, не выполнит своих задач, не деморализирует врага. Но — кто кого деморализировал?.. И не признаком ли такой деморализации были сомнения старого генерала Древора?..

Так или иначе, наступление задерживалось. Бешеная артиллерийская перестрелка затягивалась. И как раз тогда, когда генерал Древор собирался отдать приказ двинуть в бой механизированные отряды, выпустить в воздух эскадрильи тяжелых бомбовозов, которые должны были окончательно уничтожить вражеские окопы, — как раз в этот момент генералу доложили:

— Эскадрильи большевистских легких самолетов типа истребителей и разведчиков появились в воздухе и приближаются к нашим позициям.

Генерал Древор выпрямился в кресле:

— Начинаются исторические минуты. Адъютант, общий приказ: наступление всеми силами моей армии!

Так начался и впрямь исторический бой. Высоко в небе встречались эскадрильи стальных птиц, меж ними и землей, улучив минуту, проплывали в сторону советских позиций тяжелые бомбовозы, а по самой земле ползли чудовищные танки. Советские войска противопоставили Первой

армии только артиллерийский огонь и эскадрильи истребителей. Однако и эти эскадрильи явно избегали прямого воздушного столкновения с большими эскадрильями Первой армии, поворачивая назад и словно уходя.

Танковые отряды победно ползли вперед. Путь им был открыт. Советские снаряды рвались со всех сторон, но большевистские артиллеристы отчего-то растеряли в то утро всю свою меткость. Стрельба не вредила танкам, снаряды не попадали в тяжелые машины, быстро двигавшиеся к советским окопам. Тем не менее — клубы дыма от снарядов стали мешать танкам ориентироваться. Советские воздушные эскадрильи, все так же уходя от самолетов Первой армии, бросали вниз, точно целясь в танки, небольшие бомбы. Разрываясь, те в свою очередь выпускали невероятное количество дыма. Черные дымовые столбы начали окружать танковые отряды со всех сторон, закрывая от них советские позиции и отрезая отряды от позиций Первой армии.

Первое донесение, первый рапорт о дымовых завесах прислал наблюдательный пункт 168 участка:

«Большевики ставят дымовые завесы, затрудняя операции танков и скрываясь от наших самолетов. Наблюдательный пункт теряет возможность что-либо разглядеть. Экраны затянуты черным дымом. Жду указаний».

В штабе генерала Древова кипела лихорадочная деятельность. Дымовые завесы — совсем не новость, они широко применялись еще во время мировой войны 1914-1918 годов. Но — с целью отрезать целые отряды?.. Штаб еще не успел окончательно оценить ситуацию, прийти к каким-либо выводам, как посыпались новые донесения. Наблюдательные пункты почти по всей линии фронта были выведены из строя. Дым заволакивал все. Механизированные отряды, шедшие в наступление, были отрезаны от базы. Они не могли повернуть назад и были способны ориентироваться лишь по компасу. Их окружали густые дымовые стены. Даже гордость Первой армии, прыгающие танки кон-

струкции Гордона, вынуждены были остановиться: невозможно ни ползти вперед, ни прыгать в крошечной темноте...

Дальнейшие донесения принесли известие о возвращении эскадрильи самолетов-бомбовозов. Командир эскадрильи рапортовал:

«Пришлось повернуть назад, так как все большевистские позиции скрыты маскировочным дымом. Бомбардировка бессмысленна, поскольку пилоты не видят целей. Прошу разрешения выслать самолеты с дегазирующими средствами, чтобы разогнать и уничтожить дымовые завесы».

Но было уже поздно. Механизированные отряды, танковые отряды — беспомощно застыли в черных дымовых кольцах. Они напоминали огромные колодцы с черными дымными стенами. Дым, тяжелый и густой, стоял неподвижно, чуть колыхаясь в воздухе. Он образовывал непродоходимые стены колодцев, а сверху оставалось чистое небо, откуда легко можно было бы заглянуть вниз. Казалось, что дым постоянно возникает где-то на земле и поднимается в небо сплошными вертикальными столбами, создавая со всех сторон густую завесу. Танковые отряды беспомощно остановились, не рискуя продвигаться вперед, чтобы не потерять друг друга в черном сумраке дыма.

Командование растерялось: подобное положение не было предусмотрено инструкциями. В конце концов, танковые отряды получили по радио приказ любым способом возвращаться назад, руководствуясь показаниями компаса. Но именно в эту минуту картина резко изменилась.

Высоко в небе над отверстиями дымовых колодцев появились юркие самолеты с красными звездами на крыльях. Это были легкие советские бомбовозы. Они разыскивали отверстия дымовых колодцев и бесстрашно ныряли в них, камнем пикируя вниз и выравниваясь, снова переходя на обычный полет, около земли, метрах в ста от нее. Но еще до этого они успевали сбросить бомбы, падавшие прямо на

беспомощные танки Первой армии. Еще через секунду самолеты исчезали в черной дымовой тьме и круто поднимались вверх, чтобы, оказавшись в чистом небе, снова разыскать отверстие дымового колодца, снова нырнуть вниз и сбросить бомбовой груз, уничтожая танки Первой армии в клубах огня и дыма бешеных взрывов фугасных бомб...

Так гибли танковые отряды, погибала гордость и надежда старого генерала Древова... Командир одного из танковых отрядов еще успел переслать по радио последнюю депешу в штаб генерала:

«Танковые отряды атакованы с воздуха самолетами-бомбовозами. Не имеем никакой защиты, кроме попытки скрыться в дыму. Отдал приказ пробиваться назад. Прошу помощь ...»

На этом и обрывалась депеша — как, очевидно, и существование танка и его команды.

Танковые отряды, истребляемые самолетами с красными звездами на крыльях, просили помощи. Они надеялись на помощь центрального командования штаба генерала Древова. Однако штаб, как и они, был бессилен. Новые донесения приносили сведения о все новых советских воздушных силах, которые атаковали позиции Первой армии, пользуясь растерянностью ее частей. Советские самолеты появлялись из черных дымных облаков, нависших над линией фронта, молниеносно проносились над позициями Первой армии, сбрасывали тяжелые бомбы, поворачивали назад и исчезали в облаках, освобождая место для новых и новых эскадрилий.

Зенитные батареи, справившись с замешательством, начали правильный обстрел советских самолетов. Усовершенствованное оборудование этих батарей позволяло безошибочно попадать в самолеты, летевшие горизонтально. Батареи скорострельных пушек окружали самолет кольцом снарядов и сбивали его. Так были уничтожены несколько самолетов. Но советские самолеты сразу же изменили свою тактику.

Теперь они уже не летели вдоль позиций, сбрасывая бомбы. Новые эскадрильи появились настолько высоко, что их почти не было заметно — на высоте трех-четырех километров над землей. Там самолеты выискивали цели и, круто повернув нос к земле, пикировали вниз, развивая безумную скорость и словно пытаясь врезаться в цель. Зенитные пушки были бессильны: самая совершенная пушка не в состоянии поразить самолет, который падает вниз, несясь со скоростью более пятисот километров в час!..

Советские самолеты камнем падали вниз, направляя падение прямо к намеченной цели. И практически прямо над ней — они выравнивались, сбрасывали бомбы и вновь круто набирали высоту, исчезая в облаках дыма...

То было беспощадное разрушение всего, что составляло гордую Первую армию. То была атака, которой Первая армия не могла противопоставить ничего. А из-за дымовой завесы со стороны советских позиций — уже показались танковые отряды. Это были не отряды Первой армии: те навсегда остались в дымовых колодцах. Собственно, отряд уже не существовало — были отдельные машины: либо искореженные остовы некогда гордых усовершенствованных танков либо захваченные в плен машины, которыми управляли сидевшие в них мотористы-красноармейцы...

Их-за дымовой завесы ползли к позициям Первой армии танки с красными звездами на башнях. Советские танки, шедшие на смену отважным самолетам. Танки продвигались вперед и вперед, тяжело давя передовые заграждения и приближаясь к основным окопам. Это стало последней каплей, последним натиском, решившим исход сражения.

Части Первой армии, не дожидаясь приказов командования, начали отступать, забыв о порядке, забыв о том, что они оставляют буквально все в руках Красной армии и заставляют отступать все остальные части. Штаб генерала Древоря перестал выполнять роль центрального командования. Штабные офицеры лихорадочно бросались к авто, ища спасения от советского наступления. Дороги заполнили солдаты, бежавшие с линии фронта. А в небе разры-

вались снаряды, сверху летели вниз шрапнельные бомбы. Огненными фонтанами разрывались на земле тяжелые снаряды, взметая глыбы грунта и отрезая путь танкам и солдатам-беглецам.

И — удивительное дело — если раньше главной целью операций Красной армии было уничтожение врага, то сейчас снаряды советской артиллерии, бомбы с советских самолетов падали уже не прямо на танки, разрушая их, а рядом, останавливая их и делая беспомощными. Через несколько минут изменилось и это. Советская артиллерия перенесла свой огонь дальше, западнее. Вдогонку снарядам понеслись и самолеты.

А из-за дымовых завес показалась советская пехота, свободно захватывая в плен беспомощные танки Первой армии. Они, направленные против интервентов, еще послужат Красной армии...

Так отступала, бежала знаменитая Первая армия...

Но генерал Древор, старый седоусый генерал, не убегал. Он неподвижно сидел за своим столом, стеклянными глазами глядя перед собой. Он был один в кабинете. За ним на стене висела большая карта, где застыли черный и красный шнурки, которые соперничали за участки территории карты. Шнурки замерли в том же состоянии, в каком они были оставлены прошлым вечером.

Перед генералом Древором лежал последний рапорт командира погибшего танкового отряда, донесение, оборвавшееся на слове «помощ...» И еще один предмет лежал на столе. Генерал Древор держал этот предмет правой рукой, нервно сжимая его сухими пальцами. То был большой браунинг с серебряной рукояткой — подарок генералу в честь пятидесятилетия.

Генерал Древор был слишком стар, чтобы бежать и искать спасения. Гордый старик решительно отвергал такую позорную мысль. Однако генерал Древор не собирался и сдаваться врагу, который победно наступал и с минуты на минуту должен был появиться здесь.

Наконец старый генерал, по-прежнему сжимая браунинг, тяжело поднялся с кресла и медленно повернул голо-

ву к большой карте. Он увидел красный и черный шнуры — и вспомнил о черных флажках, которые собственными руками сбросил с карты, отмечая гибель первого отряда прыгающих танков, отрезанных от базы еще во время первого наступления. Лицо его исказилось; генерал пошатнулся, но тотчас опять выпрямился. Он медленным движением поднял браунинг и легким прикосновением пальца перевел предохранитель в положение «огонь». Так же медленно он поднес браунинг к виску — и замер.

Двери кабинета широко открылись и в комнату вбежали Дик Гордон и Джонни Уолтерс. Не медля ни секунды, Дик Гордон резким взмахом руки выбил браунинг из пальцев старого генерала.

— Генерал, — крикнул он, — никаких задержек! Нас ждет машина. Простите за невежливость, но если вы не пойдете, мы силой вас заставим.

Дик и Джонни подхватили генерала Древера под обе руки и, не давая ему сказать ни слова, повели к выходу, где уже раздавались нетерпеливые гудки автомобиля.

ВОЙНА ОХВАТЫВАЕТ МИР

Следующие сутки показали, что поражение, которое потерпела Первая армия во время попытки перейти в судьбоносное наступление, хоть и было достаточно тяжелым, не привело к критической перемене ситуации. По непонятной причине советские войска, осуществив большой прорыв, остановили свое наступление. Возможно, одной из причин было то, что наступление Красной армии велось не на всем фронте, а только на определенном участке. С этой точки зрения было вполне понятно, что советское командование не желало повторять ошибку танкового отряда Первой армии, погибшего в результате потери связи с общей линией позиций.

Так или иначе — советское наступление остановилось. Правда, вся первая линия того участка позиций Первой армии, что по плану должен был стать базой наступления прыгающих танков, участка, непосредственно за которым находился штаб старого генерала Древор — вся эта линия осталась в руках Красной армии. Советские войска закрепились на ней, захватив громадные военные трофеи в виде боеприпасов, танков, пулеметов и пушек. Гордой Первой армии был нанесен страшный удар, и скрыть его было невозможно.

Даже сам командующий фронтом генерал Древор спасся лишь случайно — благодаря Дику Гордону и Джонни Уолтерсу, которые вывезли его из покинутого штаба. Об этом, правда, не знал никто, кроме трех заинтересованных особ, да еще шофера; и потому все считали, что генерал Древор отступил вместе со своим штабом.

Газеты всех капиталистических стран Европы сразу же вспомнили старые и проверенные методы сочинения деликатных сообщений с театра военных действий: в школе

империалистической войны они приобрели в этом достаточно богатый опыт.

«После жестокого боя наши доблестные части отошли на заранее подготовленные позиции, захватив значительное количество трофеев и сокрушив артиллерийским огнем позиции врага».

«Большевики вновь доказали, что некоторые наивно и напрасно принимали их заверения о мирных намерениях — за чистую правду. Эти звери все время готовились к войне и теперь, спровоцировав ее, кровью и огнем демонстрируют свои достижения в военном деле».

«К оружию! К оружию, граждане культурных и цивилизованных европейских стран! Хищный враг, лютейший большевизм, идет на вас, пытаясь всеми средствами перейти в наступление и одолеть героическую Первую армию, защищающую культуру от варваров-коммунистов...»

Так кричали газеты. И уже по этому шуму сразу можно было уяснить, что дела Первой армии шли неважно. А если добавить к этому предыдущие и достаточно малоутешительные известия о результатах воздушной операции генерала Ренуара и гибели эскадры адмирала Шеклсберри, — становилось вполне понятно, почему военные круги капиталистических стран были настроены не слишком радужно.

Между прочим, любопытно проследить, как реагировали разные круги читателей на эти сообщения. Старые военные специалисты, развернув газеты над подробными картами района боевых действий, внимательно отмечали все пункты боев и ругали современное командование, которое, дескать, разучилось воевать и забыло славный опыт великой мировой войны 1914-1918 годов. Гражданское буржуазное городское население читало сообщения с ужасом: перед ним уже вставали кошмарные призраки социальной

революции, как следствие победы большевиков. Цены на золото и другие материальные ценности мгновенно подскочили. Биржа не успевала удовлетворять спрос, маклеры не успевали находить продавцов золота. В течение нескольких дней золото исчезло с рынка. За золотом последовали алмазы, — на них, в погоне за реальными ценностями, которые заменили бы акции и бумажные денежные знаки, накинулись наиболее обеспеченные представители буржуазии.

Существовала также определенная и многочисленная прослойка населения, столь же внимательно, но с совершенно иным выражением на лицах читавшая те же сообщения. Это были рабочие. Даже старые члены социал-демократической партии не верили не только откровенно буржуазным, но и социал-демократическим газетам, которые так же бешено вопили и клеймили большевиков, как варваров и разрушителей мировой цивилизации. Запрещенные, загнанные в подполье коммунистические партии успевали все-таки выпускать газеты, то небольшие, отпечатанные на гектографе летучие листки, то бюллетени, где подробно разъяснялось текущее положение. Этого материала, этих сообщений и ждали рабочие.

Подпольные коммунистические издания подробно рассказывали о всех деталях поражения Первой армии, информировали о призывах рабочих революционных организаций всеми средствами препятствовать войне против Советского Союза. Подпольные издания рассказывали о забастовках, разразившихся во всех капиталистических странах; эти забастовки препятствовали нормальной жизни данных стран и помогали делу борьбы против войны. Коммунистические подпольные газеты обращали внимание пролетариев всех стран на героические действия рабочих военного завода в Лютеции, которые захватили в свои руки все здания и территорию завода, забаррикадировались и не сдавались, даже осажденные войсками. Коммунистические газеты, мало того, приводили и текст приказа, выпущенного по этому поводу военным министерством:

«...пункт 4. Если забастовщики и изменники до сегодняшнего вечера не сдадутся, командиру восемнадцатой авиаэскадрильи бомбовозов поручается уничтожить главный корпус завода бомбардировкой с воздуха...»

Рабочие завода получили ультимативное послание от командующего гарнизона, требовавшего немедленной капитуляции и грозившего уничтожением всего завода. Этот ультиматум в виде тысяч печатных листов утром сбросили на территорию завода с военных самолетов. Но и он был не в силах сломить героическую волю рабочих, продолжавших сопротивление.

«Весь рабочий класс — на помощь героям военного завода, — призывали коммунистические газеты, — нельзя допустить уничтожения лучших представителей революционного пролетариата, что первые подняли флаг протеста, борьбы и восстания. Всеобщая забастовка, оружие в руках — вот единственный возможный ответ на позорный ультиматум и угрозы военного министерства. Все силы на защиту осажденных героев-революционеров, все силы на борьбу с войной против Советского Союза!!!»

Угрожающие тучи, нависшие над капиталистической Европой, сгущались и слепили первыми проблесками революционной грозы. Молнии этой грозы сверкали не в одной отдельно взятой стране. Их пламя вспыхивало почти во всех уголках старой Европы. И прежде всего проблески революционного огня заметны были в Швабии, угнетенной фашистским террором, где даже мелкобуржуазные мещанские круги успели потерять всякое доверие к нагло-красноречивым обещаниям партии так называемых национал-социалистов, фашистов, захвативших власть в Швабии. Фашистские боевые отряды, вооруженные до зубов, дежурили на предприятиях, несли полицейскую службу в ра-

бочих кварталах, угрожая немедленным расстрелом на месте каждому, кто будет заподозрен в измене «делу национальной революции», в сочувствии коммунизму. Но, несмотря на это, — именно в Швабии вспыхнула волна взрывов на военных складах и заводах.

В американских газетах промелькнули смутные сведения о восстании на большом дредноуте «Скотленд», входившем в состав австралийской тихоокеанской эскадры. Согласно этим сообщениям, дредноут «Скотленд» поднял красный флаг и, призывая по радио команды других кораблей эскадры последовать его примеру, — скрылся в западном направлении, направляясь к берегам СССР. Никто не знал, насколько достоверно было это известие, ибо официальные источники упорно молчали, будто оно и не достигло их слуха. Однако вся тихоокеанская эскадра была собрана в Самбапури — и дредноута «Скотленд» в ее составе не оказалось. Был ли он отправлен куда-то или действительно исчез под красным флагом, — оставалось покрытым тайной.

Вечерние газеты принесли чрезвычайно важные новости о присоединении азиатской Желтой империи к государствам, выступившим на защиту мировой культуры от заразы большевизма. Желтая империя, как гласило официальное сообщение, взяла на себя трудную миссию борьбы с коммунизмом на Дальнем Востоке и с этой целью направила свою эскадру к берегам Камчатки и Северного Сахалина, а также во Владивосток. Официальное сообщение опять-таки вполне серьезно доказывало, что именно эти районы являются наиболее небезопасными в плане распространения коммунистической заразы: вот почему Желтая империя решила прежде всего очистить от заразы указанные территории — при условии, разумеется, что они и в дальнейшем останутся под ее управлением...

В первую очередь, как сообщали газеты, желтоимперская эскадра перерезала сообщение СССР с Сахалином и высадила десант на Камчатском побережье; главные же силы эскадры направлялись во Владивосток, чтобы бомбардировать город и заставить его сдаться, а советскую армию — вытеснить в Сибирь.

В то же время к советской границе двинулись хунхузские армии; по сообщениям газет, они поставили себе целью вернуть хунхузскому государству Уссурийский край, каковой, мол, издавна являлся его собственностью. Правда, газеты ни слова не писали о последствиях этих военных выступлений. Однако факт оставался фактом: СССР был окружен со всех сторон и вынужден защищаться как на западе, так и на востоке...

Генерал Ренуар прочитал газетные сообщения с большим интересом и позволил себе весело улыбнуться собственным мыслям. Затем он нажал кнопку звонка и отдал приказ вошедшему часовому.

— Вызовите лейтенанта Гордона, лейтенанта Райволу и лейтенанта Гагарина, — сказал он.

Генерал Ренуар словно забыл о своем дурном настроении, читавшемся во всем его облике с того момента, когда он вернулся с заседания, на котором член Совета «Заинтересованных Держав» маршал Кортуа так решительно и негативно высказался о новых, так называемых современных средствах механизированной войны. Генерал Ренуар даже насвистывал что-то сквозь зубы, когда в кабинет вошли вызванные им офицеры.

— Прошу садиться. У меня к вам небольшой, однако же достаточно важный разговор, — обратился он к ним, подвигая к Гордону и Райволе ящичек с сигарами (Гагарин имел привычку курить только сигареты) и внимательно, по очереди, оглядывая каждого. Лицо Райволы было таким же холодным и суровым, как и всегда. Генерал Ренуар заранее знал, что этот каменный финн воспримет все услышанное как твердый приказ и аккуратно выполнит его, как всегда исполнял любые распоряжения профессора, а затем генерала Ренуара.

Гагарин заметно волновался. Его тонкое, словно резное лицо было мрачным, губы сжаты, под глазами легла синяя тень. Очевидно, что-то тревожило, беспокоило его, мешало размеренной работе.

Дик Гордон, третий и самый младший, был как всегда спокоен и выдержан; однако, генерал заметил, что и Гор-

дон словно бы изменился. Он повзрослел, глаза приобрели стальной отблеск, движения стали увереннее: уроки фронтовой службы давали о себе знать — в частности, день неудачного наступления и бегства старого генерала Древо-ра...

Так рассудил генерал Ренуар, хорошо умевший делать определенные выводы из своих наблюдений. Он подождал еще с минуту, пока над столом не поплыли сизые облака ароматного сигарного дыма — и только тогда начал говорить.

— Надеюсь, господа, вы уже читали сегодняшние вечерние газеты?.. И без моих объяснений ситуация хорошо вам известна. Советский Союз находится в осадном положении. Помощь Желтой империи вполне логична и своевременна: желтоимперское и хунхузское наступления оттянут некоторую часть энергии и внимания большевиков на Дальний Восток. Пусть попробуют защитить все свои границы этими голубыми лучами.

Генерал Ренуар злобно усмехнулся: видно, воспоминание о лучах, отбивших его воздушный удар, было для генерала не из приятных...

— Я позволю себе на минутку вернуться к нашей неудаче на северном фронте, — продолжал он. — Целиком понятно, что нашему отряду тогда просто не повезло. Недооценив состояние обороны участка, мы пошли в наступление без проверки, положившись лишь на агентурные сведения. Тогда мы просчитались. Учитывая общее состояние советской пограничной обороны, достаточно хорошо выявленное в последние дни...

Ренуар сделал небольшую паузу, глядя в лицо Дику; но тот смотрел в сторону, на завитки дыма.

— Теперь ясно, что наш участок границы, вероятно, был лучше прочих подготовлен к обороне, — продолжал генерал. — Я совсем не уверен, что аналогичная защита существует еще где-либо и, во всяком случае, на больших участках фронта. Итак... вспомним, что западная граница Советского Союза простирается на тысячи километров и от любой точки северного участка этой границы до Москвы опять

же не более тысячи километров... То, что не дало успеха в первый раз, может увенчаться заметным успехом сейчас. Надеюсь, вы меня понимаете?

Молчание безусловного согласия было ответом.

— Короче говоря, мы готовимся к повтору нашей воздушной атаки, но в другом районе и с иной организацией дела. Насколько мне известно, у вас все в порядке, не так ли?

Три головы почтительно склонились.

— У меня не было сомнений на этот счет. Однако есть некоторые вопросы к каждому из вас. Лейтенант Райвола, вы получите у моего секретаря папку с разработанным планом атаки. Надеюсь, вы ничего не будете иметь против, если я попрошу вас детализировать общий план и выделить из него задачи для каждой группы?

Райвола встал:

— Я к вашим услугам, господин генерал.

Что-то каменное чувствовалось в его стройной фигуре: автоматизированные движения, механические повороты головы, а главное — эта застывшая неподвижность лица...

— Очень рад, лейтенант Райвола, — ответил генерал Ренуар, — вы свободны.

И затем, когда каменный финн ровными шагами покинул кабинет, генерал обратился к Гордону:

— Вы стали слишком суровым, Гордон. Я вас не узнаю. Неужели на вас так повлиял фронт?

— Если позволите говорить откровенно, господин генерал, — не фронт, а наши неудачи на фронте.

Дик Гордона поднял глаза — и генерал Ренуар снова отметил про себя: «Что-то новое появилось в этом юноше...» В этих глазах, в этом взгляде не было уже того обожествления, с каким глядел на профессора, а после генерала Ренуара прежний Дик Гордон. Теперь это был взгляд почти равного, вежливый, но холодный.

— Ладно, Гордон, об этом мы с вами еще поговорим. А тем временем я хотел бы попросить вас сделать новый расчет брони бомбовоза СМ-314. Мне кажется, что его броню можно увеличить примерно на два миллиметра — не ухуд-

шая летных качеств, так как у него достаточно большой резерв мощности моторов.

— Есть, господин генерал.

Дик Гордон повернулся и вышел широким строевым шагом.

Генерал Ренуар посмотрел на Гагарина. Тот все так же сидел в кресле и нервно крутил в пальцах сигарету. Глаза его смотрели в пол, бледное лицо иногда кривилось в гримасе, точно от боли.

— Что с вами, Гагарин? Какая муха вас укусила? Вы производите впечатление человека с большими нервами...

Пальцы Гагарина принялись еще более нервно мять сигарету. Еле слышно он произнес:

— Возможно, это и так...

— Что вы имеете в виду, Гагарин? Вы в самом деле больны? Скажите же, что случилось?

— Что мне сказать вам, генерал?.. Мне беспокойно...

Брови генерала удивленно вздернулись и сошлись на переносице:

— Вот как?.. — задумчиво сказал он, — вот как... Значит, и у вас, Гагарин, бывают проявления так называемой русской души? Хм, не ожидал такого. Впрочем, что именно вас беспокоит?

Гагарин решительно вскочил с кресла:

— Хорошо, я скажу. У вас, господин генерал, есть родина, что всегда готова принять вас. Каждый из окружающих вас также имеет родину. Они выступили против Советского Союза, против большевизма, против варваров, стремящихся подчинить себе весь мир. Хорошо. Точно так же иду с вами и я. Прекрасно. Но — против кого, в конце концов, я воюю?.. Против своей страны, против России...

— Так возвращайтесь туда, не воюйте против вашей, как вы говорите, страны, — холодно ответил генерал Ренуар. Но, взглянув на печальное лицо Гагарина, он быстро подошел к нему, взял за руку и сказал:

— Дорогой мой, среди нас нет людей, которые выступали бы против России. Все мы ее друзья — и вы хорошо это знаете. Мы выступаем против большевиков, мы идем

помочь вам вновь сделать из страны большевиков вашу Россию... Вашу, понимаете? Спрячьте ваши настроения в карман, сейчас они никому не помогут и могут только навредить делу. Зайдите ко мне через полчаса — нам нужно проработать некоторые усовершенствования истребителя типа ЛТ-616. Не забудьте — через тридцать минут. Будьте здоровы.

И когда Гагарин, нетвердой походкой больного, вышел из кабинета, генерал Ренуар снова уселся в кресло и тихо проговорил:

— Жаль: выходит, я переоценивал его возможности. Надо иметь это в виду. Впрочем, пусть его, это никому не мешает. Хм, русская душа... гм... действительно, этот народ годится лишь для колонизации, как и его территория... хм...

Генерал Ренуар выпустил сизый клуб дыма, склонился над бумагами и забыл о происшествии с лейтенантом Гагариным.

ПУЛЕМЕТ И СНАЙПЕР

На этом участке фронта дождь шел уже третьи сутки без перерыва. Он застилал горизонт стеклянной сеткой капель, бесконечно сеявшихся из мокрого серого неба. Дождь наполнил водой окопы, дождь проник в самые глубокие траншеи, дождь превратил шинели и сапоги солдат в вонючий кисель. В окопах нельзя было ни сидеть, ни лежать. Холодные струи воды бежали вдоль стенок окопов, скапливаясь на пересечениях их в глубокие лужи. Все это не позволяло даже развернуть газовое наступление — и баллоны с прославленным «кольритом» лежали недвижно.

Командование этого участка очень боялось возможного наступления Красной армии. Оно рассуждало так:

— Подобная погода привычна для людей, постоянно живущих в этих краях. Они могут начать атаку и посеять панику среди деморализованных дождем и холодом солдат. Необходимо быть начеку.

Итак, позиции были готовы отразить возможную атаку. Но советские части не переходили в наступление, и это представлялось еще более угрожающим — значит, стягивают силы, ждут подходящего момента...

Основное внимание командование участка уделило пулеметным гнездам, по всем правилам современной тактики считая их наиболее ответственными пунктами обороны. Именно пулеметы должны были встретить предстоящую атаку свинцовым дождем. Именно пулеметные гнезда должны быть стать опорными пунктами защиты позиций от нападения врага.

Самыми важными гнездами командование считало гнезда под номерами 14 и 16 — выдвинутые вперед, расположенные среди кустов и хорошо замаскированные. На них были поставлены опытные пулеметчики, краса и гордость части. Командиры гнезд Оливер Джонс и Мэтьюс Гринли,

наблюдатели Холл Дэн и Мэк Уотш — фамилии, известные и за пределами части.

Командир Оливер Джонс заступил на дежурство на рассвете. К гнезду он дополз по подземному ходу. Смененный им командир Грифиц, уставший и промерзший на свежем утреннем ветру, мокрый до нитки, отправился по тому же ходу обратно, отдыхать. Оливер Джонс внимательно огляделся вокруг: все было в порядке, если только забыть о треклятом дожде. Его наблюдатель Холл Дэн поправлял каску — надежную стальную защиту от шальных пуль, иногда залетающих сюда сверху.

Вообще говоря — в пулеметном гнезде номер 14 можно было чувствовать себя почти в полной безопасности. Забетонированное, огражденное прочными стенками от вражеского обстрела, гнездо имело лишь одно отверстие спереди. Но и это отверстие было полностью закрыто передним панцирем-щитком пулемета. Только узкая вертикальная прорезь в щитке, больше ничего, ни единого просвета, куда могла бы угодить пуля вражеского стрелка. Но и в эту прорезь попасть было практически невозможно, так как спереди она была замаскирована кустарником.

Наблюдатель Холл Дэн наконец остался доволен собой: каска сидела ровно, закрывая верхнюю часть головы и оставляя открытой лишь узкую полоску лба над глазами. Оливер Джонс улыбнулся:

— Что случилось, Холл? С чего это вы так прикрываетесь?

— Дождь, командир, проклятый дождь. Он мне окончательно портит настроение. Так неприятно, когда холодные капли текут за шиворот... Сейчас посмотрим, что делается у красных.

Оливер Джонс внимательно, но совершенно спокойно следил за Холлом Дэном. Тот привычно подошел к пулемету и наклонился к прорезанной в щитке щели. Правой рукой он опирался о ручку пулемета, пристально вглядываясь в даль. Оливер Джонс хотел уже шутливо спросить Холла Дэна о его впечатлениях от пейзажа, затянутого дождем, как вдруг Холл Дэн странно осел, медленно склонился набок и, не-

естественно выгнув руку, на которую опирался, упал рядом с пулеметом.

— Холл! Что с вами? Холл! — воскликнул Оливер Джонс.
— Холл, отвечайте! Что за шутки?..

Холл молчал и не шевелился. Он лежал, словно пряча лицо в земле, как-то дико вывернув правую руку. Оливер Джонс схватил его за руку: рука была неподвижна и безжизненна. Резким движением Оливер Джонс перевернул тело Холла Дэна лицом вверх. На него уставился взгляд мертвых глаз; над ними, у самой переносицы, зияла небольшая кровавая дыра. Холл Дэн был мертв, убит пулей в лоб...

Оливер Джонс молча отошел от трупа: это было что-то непонятное, какая-то трагическая бессмыслица. Невозможно было считать, что какой-то неизвестный стрелок с вражеской стороны попал в Холла, когда тот заглянул в прорезь. Шальная пуля?.. Но с каких пор шальные пули попадают наблюдателям прямо в переносицу?..

Оливер Джонс приник к перископу, прибору, который через систему зеркал за бетонной стеной показывал то, что делалось впереди. Перед его глазами возникла картина пустого поля, совершенно пустого, где далеко впереди за сеткой дождя еле вырисовывались вражеские окопы. Разобрать детали было невозможно: буквально все скрывала пелена не прекращающегося ни на минуту дождя. Нет, это не мог быть стрелок с советских позиций, уж в этом Оливер Джонс был уверен...

Он еще раз внимательно рассмотрел каждую черточку в окулярах перископа: ничего, ни единого подозрительного места. Значит — случайность? Значит — наблюдателя все же убила шальная пуля? Да, другого объяснения Оливер Джонс не находил. И, плотнее надвинув каску, он подошел к пулемету, чтобы рассмотреть все собственными глазами, без зеркал перископа. Но не успел он наклониться к прорези, как почувствовал осторожное прикосновение к руке. Оливер Джонс нервно оглянулся. На него мрачно смотрел старый Мартин Гов, старый Мартин, считавшийся опытным пулеметчиком, прошедшим школу великой войны.

— Чего вам, Гов? — спросил Оливер Джонс.

— Если позволите сказать, командир, я считаю, что к прорези приближаться небезопасно.

— Вы думаете... да нет, это была шальная пуля...

— Как знаете, командир, только этого, по моему мнению, делать не следует. Позвольте мне произвести небольшой опыт.

Оливер Джонс пожал плечами: ладно, пусть старик поступает, как хочет.

Мартин Эй внимательно присмотрелся к прорези и подошел к ней сбоку, оставаясь все время под прикрытием бетонной стенки и стального пулеметного щитка. Затем он поднял с земли консервную банку и медленно приблизил ее к прорези. И вдруг из банки брызнуло содержимое. Жесть зазвенела от удара пули, насквозь пробившей банку, доказывая правоту старого пулеметчика.

Оливер Джонс, мгновенно побледнев, смотрел на него.

— Вы спасли мне жизнь, Гов, — наконец произнес он глухим голосом. — Если бы не вы, я лежал бы рядом с...

Его взгляд остановился на неподвижном теле Холла Дэна. Из консервной банки, которую держал в руке Мартин Гов, тонкой струйкой вытекала жидкость. Мартин Гов поставил жестянку на землю и повернулся к Оливеру Джонсу:

— Вот что плохо, командир. Мы не можем наводить пулемет только с помощью перископа. Нужно смотреть в прорезь щитка. А глянуть туда — значит, никогда в жизни больше ничего не увидеть... Но в таких условиях наше гнездо ни к чему, оно морально выведено из строя.

— Вы считаете, Гов, что мы находимся под прицелом снайпера?..

Вместо ответа — Мартин Гов указал пальцем сначала на труп Холла Дэна, а затем на пробитую пулей консервную банку.

— Снайпер... советский снайпер держит нас под обстрелом... — бормотал Оливер Джонс, разыскивая портсигар в кармане, где его никогда не было.

— Да, советский снайпер. И пока этот снайпер начеку, наше гнездо фактически не существует, — безжалостно

добавил Мартин Гов.

...Так на 148 участке юго-восточного фронта возникла настоящая необходимость обнаружить неизвестного советского снайпера и выволить из-под обстрела пулеметные гнезда номер 14 и 16. Дело в том, что не в одном только гнезде номер 14 был убит наблюдатель; такой же случай произошел и в гнезде номер 16 — с той лишь разницей, что в гнезде номер 16 не было старого Мартина Гова и никто не повторил его опыт с консервной банкой. Вот почему в гнезде номер 16 был сперва убит наблюдатель Мэк Вотш, а после и командир гнезда Мэтьюс Гринли, решивший заступить на место убитого наблюдателя и рассмотреть вражеские позиции сквозь прорезь в щитке пулемета...

Где-то засел советский снайпер, который парализовал работу двух пулеметных гнезд. Его следовало найти и ликвидировать, иначе рушилась вся проверенная система защиты позиций от советского наступления. Наблюдения с помощью перископов и перископических биноклей ничего не дали. Не давала результатов и усердная работа снайперов Первой армии. Возможно, причиной был проливной дождь, скрывавший абсолютно все под своей подвижной сетью; быть может — советский снайпер был слишком хорошо замаскирован. Факт оставался фактом: гнезда №№ 14 и 16 не действовали.

Оставалось только удивляться, как мог советский снайпер так метко стрелять: ведь дождь мешал ему так же, как и тем, кто усердно его разыскивал, как и снайперам Первой армии, старательно обстреливавшим все подозрительные участки. Не помогла даже авиаразведка: проворный самолет, сделав несколько виражей и пике — вынужден был бежать от обстрела вражеских зенитных орудий и ничего не обнаружил. Пилот радовался и тому, что ему удалось спасти себя и самолет.

Командование участка решило уничтожить снайпера (или снайперов — ведь никто не знал ничего об их количестве!) артиллерийским огнем. Батареи открыли ураганный огонь, распределяя его с геометрической четкостью и точностью по всем квадратам карты, на которую был на-

несен район, расположенный между линиями позиций. Ураганный огонь продолжался целые сутки, как бывает во время подготовки к генеральному наступлению. Все поле перед окопами покрылось огненными фонтанами разрывов тяжелых снарядов. Огромные черные грибы взрывов, столбы земли, обломков, воды и дыма — взметались целые сутки, покрывая в шахматном порядке всю территорию шириной в километр перед позициями Первой армии.

Старый Мартин Гов насмешливо сказал:

— Кажется, не только снайпер, но и мышь не уйдет от этих бешеных взрывов...

Утром второго дня стрельба утихла. Но даже безумные сутки сумасшедшего ураганного огня бессильны были разогнать тяжелые дождевые облака: небо плакало беспрерывными холодными слезами, омывая развороченные в ужасном беспорядке глыбы земли. Дождь заливал стекла и зеркала перископов, смазывая изображения. Пулеметные гнезда не могли воспользоваться перископами: требовались непосредственные наблюдения.

Пулеметчики были убеждены, что избавились от огня советских снайперов. Но после случая с консервной жестяной — никто в гнезде номер 14 не желал и не решался даже приблизиться к прорези в пулеметном щитке. Старый Мартин Гов решил повторить свой опыт. Он взял оловянную тарелку и медленно провел ею позади светлой полоски прорези. В ту же минуту тарелка вздрогнула в его руке: в самой середине ее появилась дырочка. Пуля, пробив тарелку, ударилась в противоположную бетонную стену, выбила из нее осколок цемента и упала на землю деформированным куском никеля и свинца.

Пулеметчики переглянулись: этот неуловимый снайпер начинал казаться им чем-то таинственным, страшным и непонятным...

Мартин Гов осторожно отошел от пулемета, энергично сплюнул и доложил командиру Оливеру Джонсу:

— Как хотите, командир, но тут какое-то дьявольское наваждение... Ведь там, — он выразительно махнул рукой в

направлении изрытого взрывами поля, — там и червь бы не выжил...

Оливер Джонс и сам ничего не понимал. Он взялся за телефонную трубку, но не успел снять ее с рычага, как зазвонил звонок: кто-то вызывал по телефону пулеметное гнездо номер 14.

— Алло! Номер 14 слушает, — ответил Оливер Джонс, пытаясь заставить свой голос звучать как можно более спокойно.

— Говорит номер 16. Как у вас?

— Достаточно плохо. Снайпер продолжает свою чертову работу. А у вас?

— Мы испытали ваше средство. Пуля снайпера пробила фуражку, которую мы положили перед прорезью пулемета. Я ничего не понимаю. Как он уцелел, этот снайпер, после суток ураганного огня...

— Друг мой, я не гадалка и знаю не больше вашего, — раздраженно ответил Оливер Джонс. — Обратитесь к командованию участка. Может, они там что-то знают или собираются предпринять. Мне известно только одно — мое гнездо (как и ваше, очевидно) выведено из строя и стоит без всякой пользы. Можете сказать командованию и это, если оно само не догадывается. Засим — бывайте!

Оливер Джонс резко положил трубку на рычаг и опустил голову на руки: действительно, выходила какая-то чертовщина... Снайпер был словно заговорен от взрывов артиллерийских снарядов. Как с ним бороться? Как защитить пулеметные гнезда?..

Обдумывало способы борьбы с таинственными снайперами и командование участка. На специальном совещании в штабе было решено, что делу может помочь только выход тяжелых танков, которые должны будут прощупать всю мертвую территорию между позициями. Ведь было ясно, что снайперы могли находиться только на этой территории: даже ребенок согласился бы, что в условиях проливного дождя нельзя было и говорить о снайперской стрельбе на значительном расстоянии, разделявшем позиции сторон.

Через полчаса вышли тяжелые танки, встреченные концентрированной пушечной и пулеметной стрельбой с советской стороны. Но то были не какие-то современнейшие танки наподобие прыгающих, а обычные тяжелые, крепко бронированные машины, которые ничуть не боялись винтовочных и пулеметных пуль. Даже пушечные выстрелы (конечно, не из тяжелых орудий) были не страшны им. Буквально все перископы участка были направлены на танки; те медленно двигались практически сомкнутым строем и прощупывали каждый метр территории.

Под защитой их ползли разведчики, продвигались маленькие юркие танкетки, осматривая каждую яму, каждую изрытую пулями воронку.

— Если ему, командир, удастся и на этот раз ускользнуть — я готов буду подставить голову под его пулю, — мрачно сообщил Оливеру Джонсу старый Мартин Гов. Оливер только качнул головой: сам он уже ни во что не верил...

Вся операция продлилась около получаса, дальше продолжать ее было явно нецелесообразно, поскольку советские войска начали концентрировать на участке огонь тяжелых орудий. Уже три танка лежали на боку, опрокинутые выстрелами тяжелых орудий, уже были взорваны фугасными снарядами несколько танкеток. Танковому отряду передали по радио приказ возвращаться назад. Телеграмма командира отряда гласила: «Есть возвращаться». Но вслед за тем внимание всех наблюдателей привлекли странные маневры двух танков. Танки, уже повернувшие было назад и даже продвинувшиеся на несколько десятков метров к своим позициям, вдруг изменили курс, свернули направо — и остановились. В призматические бинокли было хорошо видно, как танки оделись белыми облачками выстрелов, как из боковых люков танков выпрыгнули солдаты их команд, как подбежали они, оскальзываясь в грязи, к труп лошади, который лежал здесь, пробитый тысячами пуль, перевернули его и схватили какого-то человека в военной форме. Неизвестный отчаянно отбивался и дважды выскальзывал из державших его рук. Но это ему не помогло: несмотря на сопротивление, его в конце кон-

цов втянули в танк. Затем танки снова двинулись, теперь уже прямо к позициям.

Депеша командира танкового отряда сообщила командованию участка:

«Советский снайпер пойман, везем в головном танке».

Как видно, на советских позициях также было замечено это событие: пока два танка не вернулись в защищенное место, — советские батареи окружали их взрывами фугасных зарядов. Но обстрел не достиг цели: танки вернулись назад с желанной добычей.

Через четверть часа усталый, покрытый копотью командир танкового отряда делал доклад командующему участку. Короткими фразами командир рассказывал, как он поймал снайпера:

— То, что мы принимали за труп лошади, было хорошо сработанным макетом. В этом макете, в ста метрах от наших позиций, засела снайперская пара. Макет был связан подземным ходом с их позициями. Один снайпер убежал по подземному ходу. Второй не успел. Выполняя приказ, его доставили живым.

— По вашему мнению, нас держала под прицелом только лишь одна эта пара?

— Нам не удалось обнаружить никого, кроме этих двоих. Больше ничего не могу сказать.

— Вы захватили оружие?

— Да. Мы привезли одну винтовку с телескопическим прицелом. Однако на таком расстоянии прицел не нужен.

Командующий встал, крепко пожал руку командира танкового отряда:

— Вы свободны, командир. Приказ по участку отметит ваше умение решать поставленные задачи. Всего хорошего.

Командующий с наслаждением закурил сигарету и отдал распоряжение адъютанту:

— Поручаю вам лично провести допрос пленного. Доложите не позднее завтрашнего утра.

Адъютант Том Даунли (ибо это был именно он) по всем правилам отсалютовал и вышел. Он еле сдерживался, чтобы не выказать радости, которую доставило ему это поручение. Исполняется его мечта — впервые он будет разговаривать с живым, настоящим представителем той самой Красной армии, о которой он столько слышал раньше и которая теперь так препятствует осуществлению блестящих планов теоретиков и руководителей армий европейских стран.

Направляясь в свою комнату в штабе, а затем ожидая прибытия пленного, Том Даунли тщательно обдумывал допрос пойманного снайпера. Том Даунли очень любил доходить во всем до самой сути и сейчас прежде всего отметил, что не испытывает никакой злобы по отношению к этому снайперу, хоть тот и был безусловной причиной лихорадочного напряжения, охватившего в последние несколько дней командование участка. В первую очередь, Том Даунли ощущал острый интерес к этому неизвестному человеку. Более того, он признался себе, что испытывает даже какое-то странное сочувствие к пленному, несомненно принадлежавшему к некоей необычной породе людей. В целом было бы нелегко точно описать отношение Тома Даунли к снайперу. Он и сам не успел додумать свои мысли до конца, потому что в дверь его комнаты постучали.

— Войдите.

— По вашему поручению, господин адъютант, пленный снайпер доставлен.

— Хорошо. Ведите его сюда.

Конвоиры ввели в комнату человека в военной форме, покрытой еще не высохшей грязью. Человек вошел в комнату твердым шагом, заметно припадая на левую ногу. Это был невысокий стройный мужчина, темноволосый, с острыми глазами и чуть припухшими губами, над которыми едва выделялась синеватая тень от бритых усов. Правый рукав его гимнастерки был наполовину оторван. «Видно, во время стычки с солдатами, тащившими его к танку», — отметил про себя Том Даунли. Пленный внимательно огляделся вокруг и неподвижно остановился посреди комнаты.

— Выйдите за дверь и подождите там, — приказал Том Даунли конвоирам, стоявшим у двери.

Подождав, пока его приказ выполнят, Том Даунли подчеркнуто вежливо обратился к снайперу:

— Садитесь, мы с вами немного побеседуем. Хотите курить? Прошу!

Но Том Даунли произнес все это на английском языке, и пленный, явно не понимая ни слова, по-прежнему стоял неподвижно и молчал. Только теперь Том сообразил, что без переводчика допрос вряд ли будет успешным.

— Садитесь, — насколько мог внятно проговорил он, показывая на стул. На этот раз снайпер понял. Он еле заметен улыбнулся и сел. Том Даунли поднял телефонную трубку:

— Алло, дайте мне штаб, комнату 18. Да. Я — адъютант Даунли. Прошу немедленно прислать переводчика для допроса пойманного снайпера. Так, немедленно. Сейчас будет? Хорошо, жду.

Снайпер сидел напротив него, внимательно прислушиваясь к звукам его голоса. Острые глаза изучали Тома Даунли, словно допрашивать собирался не адъютант пленного, а пленный адъютанта. Том Даунли подвинул к снайперу коробку с сигаретами:

— Курите, пожалуйста.

Пленный охотно взял сигарету, прикурил, зажигая спички, протянутые ему Даунли. Адъютант ощущал странное чувство уважения к этому человеку: в нем не видно было ни малейших признаков страха или неуверенности. Пленный вел себя сдержанно, но вполне спокойно.

Вошел переводчик. Он сел сбоку от стола Даунли и приготовился переводить.

— Фамилия? Имя? Из какой части? — задал Том Даунли стандартные вопросы.

Пленный, выслушав перевод, спокойно ответил:

— Петр Черненко. Стрелковый полк.

— Какой?

Пленный вместо ответа пожал плечами.

— Он не отвечает на этот вопрос, — доложил переводчик.

— Да. Понимаю. Хорошо. Спросите, коммунист ли он?

— Он говорит так: «У нас все коммунисты».

Том Даунли с интересом посмотрел на пленного: хорошо держится.

— Он снайпер?

— Да. Он говорит: «Я — ворошиловский стрелок».

— Хм... не понимаю. Что он хочет этим сказать?

Глаза пленника блеснули:

— Я стреляю так, чтобы не отставать от лучшего стрелка Красной армии, народного комиссара по военным делам товарища Ворошилова. Поэтому ношу почетное звание ворошиловского стрелка.

— Какое задание вы получили от своего командования?

— Стоять на защите советских рубежей и защищать Советский Союз от нападения империалистов.

— Я хотел бы конкретного, детального определения задачи. Переведите ему.

— Моя задача — всеми силами и средствами защищать мирный труд моих братьев и родителей, составляющих свободное население первой в мире социалистической страны, отечества всех пролетариев. Моя задача — выполнить свой долг, после чего, вернувшись домой, самому стать к станку и принять участие в общем мирной труде, который я защищал с винтовкой в руках.

— Много ли в его полку таких снайперов, как он?

— Каждый красноармеец мечтает стать ворошиловским стрелком и становится им, если не стал до сих пор.

— Он сказал, что у них все коммунисты. Где его партийный билет?

— Не имею. Я не сказал, что я член партии. Пока что я комсомолец. Но это не мешает мне быть коммунистом, большевиком по духу, как и все красноармейцы.

— Он — офицер или солдат?

— У нас нет офицеров. У нас есть командиры, такие же красноармейцы, как и все остальные.

— Так что же, он — командир?

— Нет, я просто стрелок.
— Давно его полк прибыл сюда?
— Он не отвечает на этот вопрос, господин адъютант.
— Да... гм... знает ли он, что мы можем его расстрелять, если он не будет отвечать?
— Он говорит, что... что на его место придут тысячи других, господин адъютант. И что он не боится этого, господин адъютант.

Да, пленный снайпер, очевидно, не боялся. Он сидел все так же спокойно, переводя глаза с адъютанта на переводчика, словно проверяя, как воспринимают они его ответы. Где-то далеко в глубине его острых глаз пряталась едва заметная улыбка. Том Даунли снова отметил в себе какое-то непонятное чувство уважения к этому человеку. У него мелькнула мысль: «А хорошо и любопытно было бы поговорить с ним без переводчика, откровенно, как говорят наедине... жаль, это невозможно, ведь я не знаю его языка...»

Том Даунли нажал кнопку звонка и сказал конвоирам:

— Возьмите пленного и отведите назад. Сейчас я закончил. Вернетесь с ним через час.

Конвоиры увели пленного снайпера. Вслед за ним ушел и переводчик. Том Даунли пожевал давно погасшую сигарету и сказал себе:

— Собственно, его незачем допрашивать. Вряд ли удастся извлечь из него какие-нибудь сведения о его части или что-либо еще. Но дело не в этом. Главное вот что: ведь у них там немало таких же Петров Черненко... И таких Черненко не возьмешь никаким танком... даже — прыгающим, изобретенным Диком Гордоном... Так вот какие они, эти красноармейцы?.. Гм... интересно, интересно... Но куда подевались мои спички?..

И, закуривая, Том Даунли ощутил какое-то беспокойство, вспомнив, как спокойно и свободно закуривал свою сигарету пленный снайпер.

БОМБЫ И РАДИОВОЛНЫ

Прорвались... Прорвались...

Лейтенант Гагарин остро чувствовал, как бьется его сердце, как горячими ударами гонит оно кровь, как пересыхает горло от волнения. Он открыл маленький стенной шкаф, достал бутылку с коньяком, расплескивая, налил рюмку и выпил. Огненная жидкость опалила желудок. Гагарин вновь посмотрел в окно: да, это — Советский Союз, это — Россия!..

Автожир генерала Ренуара быстро неся на высоте двух с половиной тысяч метров над лесами и полями. А впереди него, снова, как на параде, как когда-то, во время воздушной атаки из Кустамяки, — плыли в строгом шахматном порядке металлические бездушные чудовища — аэроторпеды. На сей раз в составе воздушной экспедиции генерала Ренуара не было истребителей; генерал решил, что они не понадобятся. Несколько автожиров, которые возглавляла машина самого Ренуара, эскадрилья бомбовозов, к тому же и не тяжелых, а маневренных и быстрых бомбовозов последней конструкции, не уступавших в скорости истребителям — и аэроторпеды, сто двадцать аэроторпед. Таков был состав второй воздушной экспедиции генерала Ренуара.

На этот раз генерал Ренуар не ошибся. Он хорошо взвесил все «за» и «против». Действительно, советская граница не была целиком защищена смертоносными голубыми лучами. И в самом деле — прожекторы защищали преимущественно пограничную линию в непосредственной близости от Ленинграда. И генерал Ренуар хорошо выбрал направление. Экспедиция двинулась в путь, поднялась в воздух и на большой высоте проплыла над Лимитрофией, страной, которая до сих пор не открывала военных действий

против Советского Союза. Один из штабных генералов Первой армии пытался возражать:

— Нельзя отправлять экспедицию в воздушное пространство нейтральной страны, нужно запросить ее разрешение...

Генерал Ренуар иронично рассмеялся...

— Играетесь в международное право?.. Вы еще о Бельгии вспомните, об исторических примерах... Нет, господин генерал, нам не до этого. Лимитрофия даже не заметит нашей экспедиции. А если и заметит, то это — ее дело. Лимитрофии, уверяю вас, лишь доставит удовольствие небывалое зрелище: гигантский воздушный флот пронесется высоко над этой страной. Конечно, она даже имеет право протестовать. Но... я надеюсь, что определенные круги охотно и авторитетно укажут лимитрофскому правительству его место и объяснят необходимость не вмешиваться в чужие дела...

Генерал Ренуар добился своего. Экспедиция вылетела. Крошечную Лимитрофию воздушные аппараты пересекли, почти не заметив ее. А если сама Лимитрофия и заметила экспедицию, то она все же получила возможность лицезреть редкую и странную картину. Высоко в небе неслись механические птицы, такие маленькие, если смотреть на них с земли. Они летели живописными звеньями, стайками, на некотором расстоянии друг от друга. И трудно было представить, что эти красивые птицы несут с собой смерть и разрушение.

Скоро Лимитрофия осталась позади. Поползли беспокойные минуты ожидания, когда в любую секунду можно было столкнуться с неожиданным сопротивлением. Экспедиция приближалась к советской границе.

Генерал Ренуар, внешне спокойный, стоял у окна и пристально всматривался вперед, используя все возможности, которые давали ему окуляры авиационного бинокля. Нет, путь был свободен!.. Разве можно было считать сопротивлением стрельбу из пулеметов и винтовок, несколько залпов зенитных батарей, которыми ответила советская граница на появление экспедиции? Мелочи, не стоящие внимания. Пули не способны были пробить броню не только

аэроторпед, но даже автожира. А снаряды зенитных пушек?.. Неожиданность атаки с лимитрофской границы лишила советскую армию возможности организовать контрудар. Экспедиция прорвалась без каких-либо потерь. Ни одна машина не выбыла из строя.

Лейтенант Гагарин смотрел вниз: Россия!.. Та Россия, которую он никогда даже не видел, потому что родился уже в Лютеции и знал свою теоретическую родину только по книжкам и рисункам. Россия... нет, пока еще — Советский Союз, страна большевиков; они захватили власть в России и до сих пор не отдавали эту власть никому. Где-то здесь, неподалеку от границы, должен находиться большой металлургический завод родителей Гагарина... Где же он?..

Руки лейтенанта Гагарина дрожали, он никак не мог успокоиться. Автожир летел вперед с максимальной скоростью. Безусловно, телеграф уже предупредил Москву о приближении вражеской воздушной экспедиции, держащей курс на красную столицу. Все равно, большевики не успеют подготовить оборону. До Москвы отсюда остается не более пятисот километров, чуть больше полутора часов лета. Экспедиция прорвалась через границу, а внутри страны остановить ее было нельзя, ведь она могла просто облететь любую попавшуюся на пути преграду, свернуть в сторону и — затем снова лечь на прежний, верный курс. Победа!

Радио передало общий приказ генерала Ренуара:
— Полный газ. Максимальная скорость.

Собственно говоря, приказ лишь подчеркивал серьезность задачи, так как все машины и без того шли на полной скорости. Но генерал Ренуар считал нужным еще раз подстегнуть своих подчиненных. Гагарин отметил в вахтенном журнале получение приказа. Потом еще раз посмотрел в окно — и включил репродуктор, настроившись на волну Москвы. Сквозь заглушенный звукоизоляцией шум моторов он услышал:

«....спокойствие. Враг использовал возможность совершить еще одно нападение, избрав направление че-

рез страну, которая до сих пор являлась нейтральной. Вражеская воздушная экспедиция несется сейчас в небе, держа курс в глубь СССР. Правительство призывает трудящихся сохранять спокойствие и готовиться к воздушной атаке, принимая все необходимые меры. Враг не будет допущен к Красной столице...»

— Но как? Как вы собираетесь задержать нас? — прошептал Гагарин.

«...Враждебные планы не удастся осуществить и на этот раз, как не удавалось империалистам осуществить их до этого часа. Спокойствие, граждане великого Советского Союза! Красная армия отразит и этот налет...»

Тревожно зазвонил сигнальный звонок. Над ним запылала красная лампа: генерал Ренуар вызывал всех командиров воздушных кораблей, собираясь отдать им общий приказ. Гагарин выключил приемник и включил связь с генеральским автожиром.

Репродуктор заговорил знакомым суховатым голосом генерала Ренуара: казалось, что он, холодный и суровый генерал, стоит где-то тут, рядом...

«Мы приближаемся к промышленному району. Напоминаю о необходимости разрушения предприятий, электро- и радиостанций. По моим указаниям эскадрилья бомбовозов должна направлять по очереди звенья самолетов на бомбардировку тех или иных объектов. Первое звено идет на сто метров ниже второго, третье на сто метров выше второго. Остальная часть приказа будет передана автоматическим шифром. Слушайте автомат. Желаю успеха!»

Гагарин переключился на автомат: действительно, было небезопасно и дальше вести переговоры по радио, не

употребляя автоматического шифра, ведь эти переговоры могли перехватить большевики...

Генерал Ренуар пристально всматривался вперед. Горбатые трубы призматического бинокля раскрывали перед ним далекий пейзаж. Вот далеко на горизонте показались высокие заводские трубы. Еще дальше, едва заметная, маячила высокая антенна какого-то радиопередатчика. Генерал Ренуар нажал кнопку автомата, который должен был приказать первому звену бомбовозов приготовиться к атаке. Аэроторпеды шли впереди, их цель, Москва, была еще далеко. Завод, электростанция, радиостанция — это дело бомбовозов-бомбардировщиков...

В боковое окно было видно, как отделилось первое звено бомбовозов, спустилось немного ниже всей эскадрильи и на полной скорости взяло курс на заводы. Генерал Ренуар с некоторым волнением глядел на это звено: первые бомбардировщики отправились на операцию... Да, теперь успех гарантирован! Ничто не сможет спасти намеченные объекты, ничто не в силах остановить победный полет его воздушной экспедиции...

На миг он закрыл глаза. Близится время его триумфа, победы его взглядов, мнений, теорий. Через несколько минут, услышав в разрывах бомб подтверждение этой победы, он будет вознагражден — после неудачных результатов первой атаки, проведенной из Кустаньяки... Генерал еле заметно улыбнулся — и снова посмотрел в боковое окно. Звено бомбовозов с бешеной скоростью приближалось к заводам. Теперь они были уже совсем близко. Генерал и без бинокля видел дым заводских труб, видел, как появились над заводом белые дымки паровых гудков: завод оповещал всех о тревоге, о воздушном нападении.

— Не поможет, — саркастически промолвил генерал Ренуар. — Поздно, друзья мои, это ваше последнее в жизни дело, и больше вы уже не успеете сделать ничего...

Он вновь нажал на кнопку автоматического передатчика. В зависимости от нажатия той или иной кнопки — передатчик отправлял готовые зашифрованные сигналы то-

го или иного необходимого в данный момент содержания. Отправленный сейчас сигнал означал:

«Всей экспедиции набрать большую высоту: сейчас будут взрывы от бомбардировки, воздушные волны могут причинить вред...»

Первые ряды аэроторпед уже промчались над заводами, как над чем-то, не заслуживающим внимания. Бомбовозы рассеялись в воздухе и пикировали вниз, выбирая цели. Генерал Ренуар восторженно следил за слаженностью их действий: да, годы обучения этих молодых и талантливых пилотов не прошли зря!.. Вдруг он увидел, как от одного из бомбовозов оторвалась черная точка и с молниеносной быстротой понеслась вниз.

— Первая бомба. Началось!

Несколько ударов сердца — и большое здание в центре заводских сооружений закрыла туча черного дыма. Облако выпрыгнуло из-под земли, оно росло тяжелым рыхлым грибом, расширяясь и закрывая другие здания. И по шляпке этого огромного черного рыхлого гриба удивительно медленно плыли в воздухе большие куски здания, обломки крыши, сломанное дерево, крутились, будто переворачиваясь с боку на бок, разбитые станки...

Еще несколько секунд — и шляпка гриба завернулась вниз, перевернулась и выпустила все, захваченное с земли, обратно на землю, вниз. Но на смену ей снизу вставали новые черные столбы, новые гигантские ужасные дымовые грибы, теперь уже рокотающие, гремевшие раскатами грома: звук долетал до наблюдателя значительно позже зрительных впечатлений... А высоко в небе возносились, пикировали вниз и снова возносились юркие металлические птицы: бомбардировщики делали свое дело.

— Разрушение! Победа!

Лейтенант Гагарин с ужасом смотрел вниз: ведь это был завод его родителей. Карта точно и уверенно подсказывала это. Он чувствовал острую жалость к заводским зданиям. Верно, здесь хозяйничают большевики. Но... но это был за-

вод его родителей, принадлежавший именно ему. И этот завод сейчас разрушают... и он сам принимает в этом участие... Его завод, его собственный завод...

Гагарин вцепился дрожащими пальцами в раму окна и невольно пересчитывал черные столбы: одиннадцать... тринадцать... шестнадцать...

Генерал Ренуар с удовольствием оторвался от окна и нажал еще одну кнопку на автомате. Радиопередатчик переслал очередной приказ:

«Операция завершена. Звено возвращается на место. Приготовиться следующему звену».

Он еще раз поглядел назад, на картину разрушения большого завода: черные облака дыма покрыли весь район, кое-где прорезывалось острыми языками пламя, выпрыгивало снизу, расширяясь на глазах. Огонь был результатом применения термитных бомб, зажигающих буквально все — вплоть до железа и камня...

«Вперед! Вперед! К новым победам!» — шептали губы генерала Ренуара, который стоял у окна со скрещенными на груди руками, невольно повторяя известную позу Наполеона.

Экспедиция неслась вперед.

И совершенно неожиданно для генерала резко звякнул сигнальный звонок. Красная лампа вспыхнула и погасла. Кто-то вызывал его напрямую, не используя шифр. Генерал подал сигнал в аппаратную. В ответ на эту команду из окошка аппаратной на его стол упала бумажка радиодепеши, где говорилось:

«Моторы первых рядов азэроторпед работают с перебоями. Отмечаются перебои и в работе моторов всех без исключения бомбовозов. Приемник отмечает наличие неизвестных радиоволн — колебаний с большой амплитудой. Дополняю: с такими же перебоями начали

работать моторы всех аэроторпед, а не только первого звена.

М и е т и».

Внимательный итальянец что-то заметил. Что-то происходит. Но что?

Генерал Ренуар схватил телефонную трубку, соединявшую его с командиром автожира и аппаратной:

— Алло! Гринберг! Что с мотором?

— Все в порядке, господин генерал.

— Гревс, как у вас с аппаратами? Вы ведь читали донесение Миети? Какие-то колебания?

— Не знаю, господин генерал. Странные радиоволны. Безусловно, они не являются сигналами. Мне кажется, это что-то вроде волн, какими управляются наши аэроторпеды, только более мощные. Минутку... да, у меня останавливаются электрочасы... может — это влияние тех радиоволн?..

— Гринберг, как моторы?

— С моторами все в порядке, господин генерал, никаких перебоев.

— Гревс, что у вас там?

— Новая депеша, господин генерал. Позвольте зачитать?

— Читайте!

«Моторы первого ряда аэроторпед остановились. Аэроторпеды планируют вниз, направляемые автоматами. Вместе с ними снижается первое звено бомбовозов — также по причине того, что их моторы отказались работать.

М и е т и».

Генерал Ренуар с диким стоном бросился к окну: не может быть!.. Великолепные, выверенные моторы аэроторпед и бомбовозов — останавливаются?.. Ерунда, чушь!..

Но первый же взгляд в окно показал, что донесения Миети вовсе не были глупостью и совершенно верно отражали положение дел. Первый ряд аэроторпед плавно снижался — и вместе с ним снижались несколько бомбовозов. Генерал Ренуар хорошо знал, что будет дальше: еще несколько сотен метров аэроторпеды будут снижаться все так же плавно, — чтобы потом мгновенно перевернуться носом вниз, камнем ринуться к земле, врезаться в нее и исторгнуть бешеный фонтан огня, обломков, дыма... Да, именно так была спроектирована их конструкция...

Но — что же, в конце концов, случилось? Неужели — повторение контрудара большевиков, который хорошо почувствовал генерал Ренуар во время кустамякского нападения?.. Неужели опять какое-то доселе неизвестное средство обороны, используемое советскими войсками?..

В ярости, граничившей с отчаянием, генерал Ренуар прокричал в телефонную трубку:

— Гревс, скажите наконец, что это за волны?

— Насколько я понимаю, господин генерал, это электрические волны, влияющие на сердце наших моторов — динамо.

— То есть?

— Они останавливают работу динамо, и без него мотор становится мертвым...

— Но почему же не останавливаются моторы нашего и других автожиров?

— Потому что динамо есть только в бензиномоторах. В дизельных нефтяных двигателях, установленных на автожирах, динамо нет — вы ведь, господин генерал, знаете это лучше меня, — запинаясь, ответил Гревс.

Злобная ругань была ему ответом. Гревс испуганно замолчал, а тут еще — автоматическое записывающее устройство радиотелеграфа принесло новую депешу. Гревс аккуратно взял ее и положил на транспортер, который автоматически передавал донесения в кабину генерала. Депеша гласила:

«Снижается следующая группа аэроторпед. Снижаются все бомбовозы. Обращаю внимание на необходимость немедленно набрать высоту, иначе воздушные волны от взрывов могут повредить автожиры.

М и е т и».

Отважный итальянец, и в минуту опасности не забывавший о состоянии прочих машин, был прав: воздушные волны действительно могли повредить автожиры, сломать лопасти их пропеллеров. Сжав зубы, генерал Ренуар отдал приказ:

«Автожирам — подняться на тысячу метров выше!»

Машина генерала Ренуара первой заревела, увлекаемая вверх тягой мощных вертикальных пропеллеров. Земля удалялась. А вместе с ней удалялись и аэроторпеды, которые перешли уже к пикированию — обыкновенному падению вниз. Сейчас они врежутся в землю, сейчас земля ответит им облаками дыма, дикими взрывами и огнем, морем пламени... То же, что было на пути в Ленинград, то же самое... только виноваты теперь были не голубые лучи таинственных прожекторов, а дьявольские радиоволны советских передатчиков, останавливавшие работу моторов... Нет, генерал Ренуар не хочет, не может еще раз смотреть на гибель торпед и самолетов... Он рухнул в кресло, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот.

И, словно насмехаясь над ним, заговорил репродуктор радиоприемника, случайно включенный движением бесильно упавшей руки генерала Ренуар:

«...вам, пролетарии мира, новое нападение империалистов на Советский Союз отражено. Аэроторпеды не выполнили своей задачи — разрушить Красную Москву... Они упали на землю, не долетев до Москвы, их взрывы не нанесли вреда, так как они упали в чистом поле...»

(Автожир трянуло, качнуло из стороны в сторону: это донеслись с земли мощные воздушные волны взрывов. И целая фраза радиопослания утонула в бешеном реве, который настиг автожир снизу).

«...Вместе с ними, также остановленные радиоволнами, упали бомбовозы воздушной экспедиции империалистов. Новое нападение на Советский Союз отбито. Пусть буржуазные генералы, а с ними и все те, кто руководит организацией войны против Советского Союза, вновь убедятся, что первая в мире Страна Советов не боится нападений и умеет укорачивать и обезоруживать длинные руки империалистов, пробующие тянуться к ней. Поздравляем пролетариев с победой. Одновременно сообщаем всем гражданам, у которых внезапно остановились моторы автомобилей, мотоциклов и так далее: это побочный эффект радиоволн, направленных прежде всего против воздушной экспедиции. Через десять-пятнадцать минут машины снова получают возможность двигаться...»

Резким ударом кулака генерал Ренуар разбил издевавшийся над ним репродуктор. Бледный, с перекошенным лицом и сжатыми челюстями, он отдал приказ автожирам — ведь больше под его командованием не осталось ничего, все остальные машины — и аэроторпеды, и бомбовозы, — превратились в разбросанные обломки, взорвав сами себя....

«Автожирам поворачивать вслед за мной. Курс — запад. Полный газ».

Этот приказ принял и лейтенант Гагарин, дрожавший всем телом. Он забыл о своих настроениях, забыл и думать о своем заводе, испуганный и охваченный одним желанием — поскорее выбраться за пределы этой страны, встречавшей врагов смертью и уничтожением... Но лейтенант Гагарин, на свое счастье, не видел генерала Ренуара, потому

что тогда он совсем утратил бы власть над собой и своими нервами.

Отдав приказ поворачивать на запад, — генерал Ренуар, — этот железный, нестигаемый человек — упал в кресло, положил голову на руки и заплакал слезами бессильной ярости...

ЭКСПЕДИЦИЯ ЖЕЛТОЙ ИМПЕРИИ

Газета «Нью-Йорк Таймс» отнюдь не симпатизировала советской армии: отрицать это нельзя, ибо — как может симпатизировать чему-либо советскому хорошо поставленная, большая и старая консервативная капиталистическая газета, которую издает газетный трест, находящийся в собственности американского бумажного короля Мордаунта?.. Но вряд ли «Нью-Йорк Таймс» симпатизировала и Желтой империи: это также понятно, потому что, помимо всех традиционных и вековых американско-желтоимперских споров, бумажный король Мордаунт был еще и владельцем большей части акций (и, таким образом, полным хозяином) синдиката хлопчато-ткацкой промышленности, каковой постоянно и упорно конкурировал с желтоимперской продукцией, не останавливаясь ни перед какими методами борьбы.

Итак, газета «Нью-Йорк Таймс», хотела она того или нет, вынуждена была относиться к происходящему более или менее объективно; конечно, скорее «менее», поскольку капиталисту, как известно, легче примириться с жестоким конкурентом и врагом из своего лагеря, чем сказать доброе слово о враге классовом, о пролетариях, о Стране Советов. Однако и без нашего предисловия, сама статья «Нью-Йорк Таймс» о большом сражении на Дальнем Востоке между желтоимперскими войсками, наступавшими с воздуха, с воды и по земле, и войсками советскими, защищавшими свою страну, — ярко рисует картину, определенные подробности которой может без труда добавить любой читатель.

Мы приводим эту статью без каких-либо сокращений, в том виде, в каком она появилась на страницах «Нью-Йорк Таймс».

(От нашего собственного корреспондента)

Большевики снова отразили нападение.

Кто сказал, что желтоимперская армия — сильнейшая в мире? Таинственные лучи довершили уничтожение того, что осталось после страшных фугасов.

Статья Джона Т. Мюррея.

Я счастлив, что могу рассказать читателям нашей газеты все то, что на днях мне довелось увидеть лично и услышать от очевидцев ужасного сражения между желтоимперской десантной армией и советскими силами.

Позволю себе прежде всего напомнить читателям о последних событиях на дальневосточном фронте.

Как известно, Желтая империя, вмешавшись в войну между тремя великими державами Европы и Советским Союзом, начала с немедленной оккупации северной части острова Сахалин и попытки захватить восточное побережье Камчатки, отрезав Камчатку своим флотом от материка. Эти действия не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления Советского Союза — по крайней мере, в течение нескольких первых дней. Теперь уже можно с полной уверенностью сказать, что эти несколько дней Советский Союз использовал для подготовки решительного ответа Желтой империи. Но до дня сражения, о котором пойдет речь ниже, никто так не считал. Все были убеждены, что Советский Союз не может дать отпор желтоимперцам, будучи занят событиями на западном фронте.

Очевидно, так же рассуждало и желтоимперское командование: ободренное первыми успехами своей тактики, оно решило развернуть широкие десантные операции, направленные на отторжение от Союза и захват Желтой им-

перией Владивостока и всего советского тихоокеанского побережья. Именно так Желтая империя некогда поглотила большие провинции Северного Китая, сформировав из них «независимое» Хунхузское государство. По всей видимости, так же рассчитывало поступить желтоимперское командование и с восточной частью СССР.

«Желтоимперская армия — сильнейшая в мире! — гордо хвастались повсюду желтоимперские дипломаты и генералы, — желтоимперский флот, если не многочисленностью, то качеством побьет все остальные; желтоимперская авиация — самая новая, наиболее современная из всех».

Мы этого не отрицаем. Мы никогда не считали Желтую империю слабым противником. Напротив, мы всегда обращали внимание на безусловную необходимость расширять наши вооруженные силы, чтобы быть в состоянии дать отпор желтоимперцам. Америка должна всегда помнить о «желтой опасности» — говорили мы.

Однако же... выходит, есть страна, которая располагает более сильной армией, чем армия Желтой империи, как и более мощной военной техникой. Страна, что молча готовилась к обороне от возможного нападения и в конце концов доказала, что с ней нельзя вести себя так, как с Китаем. Эта страна — СССР. Страна большевиков, которую когда-то называли страной белых медведей и волков.

Нападение с моря, воздуха и земли

Великие и ужасные события начались на рассвете 3 июля. Как выяснилось позднее, желтоимперцы подтянули к дальневосточному побережью свои главные морские силы: дредноуты, крейсера, авиаматки с множеством тяжелых бомбовозов и десантные корабли с готовыми к высадке на берег войсками.

На рассвете началась артиллерийская бомбардировка советского побережья из дальнобойных морских орудий. Авиаматки выпустили несколько эскадрилий бомбовозов,

которые на большой высоте полетели к берегу, собираясь провести бомбардировку с воздуха. Под защитой крейсеров десантные корабли приблизились к берегу и начали высадку моторизованных и танковых отрядов.

Нападение развивалось достаточно широко — с воздуха, с моря и на земле, где уже начали продвигаться вперед танковые отряды, бронированные автомобили и моторизованная артиллерия на автомобилях и гусеничном ходу. Очевидцы этих первых часов наступления, раненые желтоимперские солдаты и офицеры, которым посчастливилось уцелеть, после рассказывали мне:

— Это было ужасное и эффектное зрелище. Никогда еще в истории войн не было такой комбинации различных средств наступления. Китайские операции, когда желтоимперская армия лишь пробовала свою силу, казались детскими игрушками по сравнению с этой величественной картиной. Воздух дрожал от залпов морской артиллерии. Снаряды морских орудий ложились далеко на западе, отрезая побережье от глубинных районов СССР. А под защитой этих снарядов — двигались десантные отряды, пытаясь окружить Владивосток с севера и юга...

Большевики начинают действовать

Желтоимперское командование считало, что советские военные силы неспособны оказывать сопротивление и не подготовились к возможной атаке. Дальнейшие события показали, как просчиталось желтоимперское командование.

Первыми появились в воздухе советские самолеты. Это были быстрые и юркие истребители, представлявшие собой последние разработки советских конструкторов, неизвестные как у нас, так, по-видимому, и в Желтой империи. Заслуживает внимания тот факт, что советское командование направило навстречу тяжелым желтоимперским бомбовозам именно легкие истребители. Это, по моему мнению (а его, между прочим, разделяют теперь даже желтоимпер-

ские военные специалисты), стало решающим обстоятельством.

Советские истребители будто ввинчивались в небо, возносясь вверх так быстро, почти вертикально, что желтоимперские самолеты не успевали даже развернуться для боя. В конце концов они оказались бессильны в борьбе с советскими истребителями, так как тяжелые и неповоротливые бомбовозы непригодны для воздушного боя. Небольшое количество желтоимперских истребителей и разведчиков, сопровождавших эскадрильи бомбовозов, не могло служить им защитой.

Желтоимперский пилот Хамурава, принимавший участие в операции на своем легком самолете-разведчике и успевший, своевременно повернув назад, избежать смертоносного контрудара советских самолетов, такими словами описал мне свои впечатления:

«Сперва я даже ничего не понял. Мне просто показалось, что откуда-то появились наши резервные самолеты.

Но через несколько секунд стало ясно, что я ошибался. У нас нет подобных самолетов. Они отличались прежде всего отсутствием шасси, которые, очевидно, во время полета втягивались внутрь самолета, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Они также были очень маленькими. В каждом из самолетов находился только пилот — ни пулеметчика, ни наблюдателя. Советские истребители, короткие, с широкими крыльями, производили своеобразное впечатление хищных птиц, готовых заклевать врага.

Еще через несколько секунд я убедился, что мое впечатление было не лишено оснований. Советские истребители словно и вправду клевали носами наши бомбовозы, направляясь прямо на них и выпуская множество пулеметных очередей. Видите ли, они были оснащены автоматическими пулеметами, постоянно нацеленными прямо вперед, в направлении полета истребителя. Пули пролетали сквозь пропеллеры, не причиняя им вреда, так как скорость стрельбы пулеметов зависела от скорости вращения пропеллера, и траектория пуль всегда пролегла между ло-

пастями винта. Это старое, но достаточно хорошее средство.

Так советские самолеты начали свою контратаку. Через несколько минут десяток бомбовозов уже летел вниз, полыхая и взрываясь на лету: ведь пули советских истребителей не только пробивали мотор вместе с броней, но и зажигали бензин в баках наших самолетов. Бомбовоз падал вниз, а пламя бензина перекидывалось на бомбы — и наши самолеты буквально разлетались на куски, не достигнув земли...

Вначале я хотел воевать, драться. Но, увидев все это, увидев, что наши самолеты спасти нельзя, что они обречены на гибель, — я решил, пока очередь не дошла до меня, спасти свою машину. У меня не было ни единого шанса против многочисленной эскадрильи быстрых и маневренных советских истребителей. И вот я спас себя, спас свою машину — кажется, единственный из всех наших самолетов, вылетевших с авиаматок в направлении советского побережья...»

Печальный рассказ Хамуравы достаточно подробно и исчерпывающе описывает обстоятельства гибели желтоимперского воздушного десантного отряда. Добавить к нему нечего. Могу только сказать, что пилот Хамурава, рассказывая мне об этом, дрожал всем телом, а лицо его искажали судороги: желтоимперец пребывал под страшным впечатлением боя... Нет, скорее не боя, потому что там, в воздухе, боя не было. Было спокойное и уверенное уничтожения желтоимперских самолетов...

Фугасы, радиолучи, отважные солдаты

Между тем по берегу уже продвигались танковые отряды и моторизованная артиллерия. На сей раз желтоимперцы решили обойтись без пехоты; только в арьергарде шли автомобили со специальными военными отрядами.

Видимо, опыт прежних операций убедил желтоимперцев в правильности воззрений создателя теории механизированной войны, английского генерала Фулера.

Каких взглядов придерживалось советское командование? Об этом тогда никто ничего не знал. Но развитие событий показало, что советская армия не отказывалась ни от самой современной техники, ни от храбрых солдат, ни от живой силы.

Танковые отряды под защитой морской и моторизованной артиллерии продвигались довольно быстро, опять-таки не встречая на протяжении некоторого времени почти никакого сопротивления. Но это продолжалось недолго. Положение изменилось очень быстро.

Танки шли развернутым строем на расстоянии примерно ста метров друг от друга. За ними двигались следующие ряды, чей путь всегда пролегал в промежутках между предыдущими машинами; в итоге все это создавало строгий шахматный порядок.

Вдруг два передних танка взлетели на воздух. На том месте, где они только что находились, — неожиданно поднялся широкий столб черного дыма, пронизанного огненными языками. Это были взрывы фугасов, земляных мин, преграждавших путь танкам...

Почти одновременно налетели на мины еще три танка. Задние и боковые машины пошли медленнее. Но командование отдало приказ:

— Изменить порядок и перестроиться в колонны. Танки должны продвигаться друг за другом. Вперед!

Я всегда считал, что лучшим документом является точно записанный рассказ очевидца. Поэтому я и сейчас передаю слово желтоимперскому командиру танка «НВ-400», лейтенанту Араи; находясь в арьергардном танке, он смог вовремя покинуть поле боя и уйти вместе со своим экипажем под защиту морских орудий. Я застенографировал рассказ Араи и привожу его здесь полностью:

«Мы не видели советских войск и не встречали никакого сопротивления до момента взрывов земляных мин.

Эти несколько страшных взрывов были для нас совершенной неожиданностью, ведь агентурные сведения командования не давали никаких оснований полагать, что данный район был заранее укреплен. Так что вам должно быть понятно, что взрывы, уничтожившие два танка авангарда, произвели на нас тяжелое впечатление. А когда вслед за этим налетели на мины еще три танка, — колонны остановились. Командиры отдельных танков (в том числе и я, признаю откровенно) растерялись. Продвигаться дальше только для того, чтобы оказаться взорванным — выбор не из лучших.

Именно в ту минуту радио (как вы знаете, все наши танки оборудованы радиосвязью) принесло мне, как и другим командирам танков, приказ, — перестроиться и идти друг за другом. Этот приказ решал положение. Жертвуя некоторым количеством танков, которые шли впереди и были обречены погибнуть от земляных мин, фугасов, — командование спасало остальные машины, шедшие по пути первых. Понимаете, если передний танк взрывался, угодив на мину, задние машины получали возможность свободно продвигаться по его следам: мины впереди были уже ликвидированы....

Колонны снова двинулись вперед, новым строем. Правда, еще несколько танков налетели на мины, но их место заняли другие машины — и наступление продолжалось. Помните, как во время мировой войны командование волнами бросало в атаку живую силу?.. Одну волну срезали вражеские пулеметы, — шла вторая; пулеметы косили и ее — на смену ей являлась третья, четвертая, шедшие по трупам солдат из первых волн, пятая, шестая, — пока пулеметы не замолкали, истратив все пули. Так шли и наши машины...

Мы приближались к небольшой рошце. Удивительно, как этого не заметило наше командование, так как даже я, глядя вперед сквозь узкие ориентирные прорезы в броне башни моего танка, обратил внимание на странные серебристые радиоантенны, которые высились на опушке между деревьями. То не были проволочные заграждения, пос-

кольку крепления были протянуты слишком высоко, по вершинам деревьев. Но это не были и обычные антенны, так как их было слишком много и они вместе образовывали какую-то странную конструкцию...

Танки наступали. И вдруг передний ряд остановился. Остановился, будто на пути его возникла непреодолимая преграда. Остановился и второй ряд. Я ничего не понимал: согласно приказу, наступление должно был длиться еще достаточно долго. Но я вел свою машину дальше. И так же внезапно остановилась и моя машина. Удивленный самовольным поступком водителя, я крикнул в переговорную трубку:

— Что случилось? Почему остановили танк?

— Мотор остановился сам. Не знаю, почему, — прозвучал ответ.

Я готов был толкать танк руками. Безумная злоба охватила меня. Это было уж слишком: во время боя мотор отказывался работать!.. Но почти тотчас же я вспомнил о том, что остановилась не только моя, но и все остальные машины. Это была не случайность. Я снова глянул в ориентирную прорезь. Машины стояли неподвижно. До опушки оставалось всего метров полтора. И в ту минуту я снова заметил таинственные антенны: они искрились...

Они искрились так, словно излучали электричество. Я не могу объяснить вам точнее. Прозрачные голубые искры срывались с проводов каждой антенны, летели в нашу сторону и исчезали, будто тая в воздухе. Мне показалось, что я даже расслышал сухой треск, какой издают искры, сыпавшиеся со щеток электромотора. Конечно, мне только слышалось — можно ли услышать тихий треск в реве оружейной пальбы?

Из переговорной трубки донесся голос водителя. Он кричал:

— Всею причиной магнето. Оно не работает. В моторе исчезло зажигание, свечи не действуют. Электрическая часть мотора парализована...

Я начал понимать. Искры, срывавшиеся к нам с проводов таинственных антенн, свидетельствовали о каком-то

излучении. От антенн текли к нам волны электрических лучей; они останавливали работу магнето в моторах, а следовательно, и работу самих моторов... И снова в переговорной трубке раздался голос моего водителя, еще больше смущенного и взволнованного:

— Из рощи вышли советские машины. Они движутся на нас ...

Мой водитель ошибся. Это были не танки. Лишь несколько маленьких быстроходных танкеток — и все. Но вслед за ними из-за деревьев выбежали десятки, сотни красноармейцев, вооруженных ручными гранатами, и в ту же минуту из рощицы начали стрелять по нашим танкам пушки скрытой там батареи. Быстро движущийся танк — плохая цель для пушек, особенно когда он все время умело меняет курс. Напротив, стоящий неподвижно танк, — превращает артиллерийскую стрельбу в нечто вроде учебного тира, ибо пушки тогда попадают без промаха...

Советские снаряды расстреливали передний ряд наших танков. Танковые команды попытались встретить советскую пехоту пулеметным огнем, но были уничтожены вместе с танками. Задние ряды танков не могли стрелять по красноармейцам: мешали свои же танки, стоявшие впереди. А когда красноармейцы добежали до линии первого ряда танков, вернее, линии разбитых артиллерийским огнем передних танков, — задние танки вновь ничего не могли поделать: пехота приблизилась вплотную, и пулеметные очереди проходили над ней. Понимаете, это называется «мертвой зоной». Пехотинец, который подобрался так близко к танку, может делать что угодно, танк не способен защищаться...

Из своей башни я видел, как отважные (о да, я смело употребляю это выражение, потому что они в самом деле были отважными) красноармейцы бросали под танки гранаты целыми связками, отбегали назад и падали на землю, ожидая взрыва. Конечно, даже связка ручных гранат не может повредить броню тяжелого танка. Но взрыв такой связки подбрасывал танк, переворачивал его набок и оконча-

тельно выводил из строя. Экипаж внутри оставался беспомощным... Танк можно было брать голыми руками.

Красноармейцы приближались. Мы не могли обороняться, потому что проклятые искры из таинственных антенн остановили наши моторы, они прочно удерживали нас на месте, превращая танки в неподвижные железные корыта. Что мне оставалось делать?.. Что сделал бы любой на моем месте?.. Да, я вместе со своим экипажем покинул танк. Мы выпрыгнули из люка и бросились бежать. Бежать так, словно все демоны ада гнались за нами... К счастью — красноармейцам было не до нас. Они были заняты танками средних линий и не обращали внимания на нескольких человек, бежавших от танков назад...

Не знаю, быть может, меня отдадут под суд за то, что я вместе с экипажем покинул танк. Это не исключено. Но... но теперь мне все безразлично. Остаться там все равно было бессмысленно. Мы добежали до резервных автомашин, продвигавшихся к месту боя; я доложил обо всем командиру отряда — и он, также под свою ответственность, повернул машины назад и тем спас их. Так что... я считаю, что поступил правильно, иначе погибли бы и резервные машины...»

Комары, истребившие великанов

Таковы были результаты воздушной и наземной операций во время нападения желтоимперской экспедиции на советское побережье. Выше я уже говорил о том, что атака проходила под защитой желтоимперского военного флота. Морские гиганты, хорошо зная, что СССР не обладает сильным морским флотом, нагло остановились недалеко от берега и обстреливали побережье из пушек — между тем, как самолеты с авиаматов неслись на советский берег в воздухе, а десантные корабли высаживали на побережье механизированные отряды, танки и артиллерию на автомобилях...

Как будто бы — все было в порядке. Ведь командование флота еще не знало о позорных результатах воздушной и наземной атак.

Так или иначе — дредноуты и крейсера чувствовали себя в полнейшей безопасности. Что могло им угрожать?..

Тем более неожиданной для командования желтоимперского военно-морского флота стала странная атака торпедных глиссеров. Да, да, пусть читатель не удивляется, торпедных морских глиссеров. Мне могут возразить — но ведь глиссер, эта лодка, что движется с помощью воздушного пропеллера, эта прыгающая лодка, напоминает водяные азросани и не может плавать по морю, так как первая же встречная волна опрокинет его и разобьет пропеллер.

Однако представьте себе глиссер без пропеллера. Глиссер, который передвигается с помощью водяных струй, выбрасываемых мощным насосом, установленным внутри суденышка вместо мотора. Устойчивый глиссер, делающий до ста километров в час. Ловкую, проворную лодку, которая мчится по морю, как птица, и обстреливает врага обычными торпедами Уайтхеда.

Водометные советские глиссеры появились неожиданно для командования желтоимперского флота одновременно и с севера, и с юга. Сперва никто на кораблях-великанах даже не обратил внимания на эти еле заметные точки, показавшиеся на морской поверхности. Командование было слишком захвачено обстрелом берега и развертыванием десантных операций; командование было чересчур уверено в собственной безопасности и чувствовало себя, как... ну, скажем, как в китайских водах.

На первых порах глиссеры шли вдоль берега. Они напоминали обычные моторные лодки, отличаясь от последних лишь чрезвычайной скоростью. Добавим, что глиссеры и не думали прятаться: они бесстрашно шли под советскими военно-морскими флагами. На их кормах развевались красные флаги со звездами и расходящимися от них лучами.

Вахтенные, наконец, заметили их. Заметили и советские флаги. Говорят, что адмирал Токиази, командующий

флотом, презрительно улыбнулся, когда ему доложили о странных моторных лодках:

— Хм, — сказал он, — поздравляю артиллеристов с занятным упражнением. Расстрелять этих сумасшедших туристов!

Уже через несколько минут командование убедилось, что отдать такой приказ был значительно легче, чем выполнить его. «Туристы», глиссеры под советскими флагами, двигались так быстро, так неожиданно меняли курс, описывали такие петли и виражи, что попасть в них из пушки можно было только случайно. Это было похоже на стрельбу из винтовки по увертливым комарам... Все командиры морских великанов вышли на палубы, вооруженные морскими биноклями — посмотреть на «занятное артиллерийское упражнение», как выразился адмирал Токиази. Никто и не подозревал, какой страшный враг движется на желто-имперский флот. Да и бинокли еще через несколько минут оказались ни к чему, потому что глиссеры подошли достаточно близко к кораблям.

Первую торпеду заметил вахтенный дредноута «Микадо». Указывая рукой на белый пенящийся след, который оставляла на воде торпеда, выпущенная из глиссера, он закричал:

— Торпеда! На дредноут мчится торпеда!

Но было поздно: ведь дредноут стоял на месте. Две минуты спустя гигантский корабль словно разломился надвое, выпустив изнутри облако дыма. Дредноут «Микадо» перестал существовать...

Глиссер, выпустив первую торпеду, быстро повернул в сторону и начал приближаться к следующему великану. Командование поняло, что здесь пахнет не занятным упражнением, а реальной опасностью. Оно наконец осознало, что за «туристы» появились перед кораблями. О бомбардировке побережья тотчас же забыли, все пушки — от тяжелых до мелкокалиберных — направили свои стволы на глиссеры, пытаясь разнести их в щепы. Но вместо этого глиссеры взорвали еще три корабля — дредноут и два крейсера.

Глиссеры кружили вокруг морских гигантов, как озорные дельфины. Они появлялись то спереди, то сзади; они исчезали из-под обстрела, чтобы в следующую минуту снова показаться перед самым дулом пушки, чей тяжелый снаряд разрывался далеко от глиссера. Командование флота растерялось: корабли взлетали на воздух один за другим; все это походило на легендарную гибель эскадры адмирала Шеклсберри в Финском заливе...

В конце концов адмирал Токиази отдал приказ:

— Расстреливая глиссеры, разворачиваться и выходить в море. Курс — восток.

Правда, это означало просто-напросто бегство — ведь адмирал оставлял на берегу все десантные силы. Однако — кто обвинит его? Он пытался спасти флот... Эскадра медленно разворачивалась, направляясь к океану. Разворачивались дредноуты, крейсера, разворачивались пустые авиаматки, выпустившие свои самолеты на берег, разворачивались пустые десантные корабли, высадившие свой живой груз... Бешеная стрельба по глиссерам продолжалась, хотя и не так концентрированно: глиссеры мелькали между морскими великанами — и в них нельзя было стрелять из опасения попасть в соседний корабль. И каждое появление, каждое приближение какого-либо глиссера завершалось уничтожением одного из морских гигантов желтоимперского флота.

— Пулеметы! — воскликнул наконец адмирал Токиази.
— Пулеметы!

Он был прав: только пулеметами можно было бороться с атакой быстрых маленьких глиссеров. Однако — на борту дредноутов и крейсеров пулеметов не было, а десантные корабли шли без военных частей, которые находились уже на берегу. Пулеметов не было — и глиссеры продолжали свое дело, мелькая между кораблей.

Атака закончилась так же быстро и неожиданно, как и началась. Небольшие глиссеры, надо полагать, исчерпали запас торпед: ведь каждый из них не мог нести более трех. С молниеносной быстротой глиссеры начали удаляться от остатков желтоимперской эскадры, несясь на юг и север, в

тех же направлениях, откуда появились. Адмирал Токиази мог спокойно вздохнуть. Но — что же у него осталось?..

Три четверти большой эскадры уничтожено. Пять или шесть кораблей, бежавших в океан — вот и все, что осталось под флагом адмирала Токиази. Остальные суда пошли на дно. Только обломки, качавшиеся на бурных морских волнах, напоминали о том, что всего полчаса назад здесь рассекала воды непобедимая десантная эскадра желтоимперского военного флота...

Думать о помощи или спасении сил, которые были направлены по воздуху и по земле на советское побережье, не приходилось. Лишь один самолет догнал в океане остатки эскадры и сел прямо на палубу адмиральского дредноута: это был разведчик, пилотируемый Хамуравой, единственный самолет, которому удалось спастись во время боя с советскими истребителями.

Комары победили великанов. Желтоимперская экспедиция потерпела крупнейшее поражение — настолько серьезное, что отныне возникают сомнения, сможет ли Желтая империя в дальнейшем продолжать военные действия против СССР. Землетрясение нанесло бы меньший вред желтоимперской мощи, чем эта бойня. В этом нет никаких сомнений — подобный вывод не опровергают даже официальные желтоимперские военные круги.

Джон Т. Мюррей.

Эта статья собственного корреспондента, переданная по телеграфу, заняла всю первую полосу газеты «Нью-Йорк Таймс». Вторая полоса была посвящена обсуждению поражения желтоимперской экспедиции и последствиям этого поражения для Соединенных Штатов Северной Америки. Но эти рассуждения значительно менее интересны для нас, чем статья Джона Т. Мюррея, и потому мы их не приводим.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ БАКТЕРИИ

В этот раз генерала и профессора Ренуара пригласили на заседание Совета «Заинтересованных Держав» совсем не так уважительно, как прежде. Он получил официальное письмо, где сухо говорилось:

«Приглашается для информирования Совета о состоянии механизированных сил Первой армии...»

Авторитет генерала Ренуара таял. Его подробные, детально разработанные планы все больше теряли вес; с ними уже практически перестали считаться. Согласно этой программе действий, генерал Ренуар провел две операции — воздушный налет на Ленинград и воздушную атаку на Москву. Обе операции сорвались. Если добавить к этому еще и провал наступления генерала Древова, становилось очевидно, что планам Ренуара был присущ какой-то явный органический изъян. Но какой именно?..

На прошлом заседании Совета главную роль играл маршал Кортуга, сторонник старых, испытанных методов войны. Сэр Оунли тогда сдержанно спорил, намекая на опасность мобилизации, которая сразу приведет на фронт большое количество непроверенного, сомневающегося человеческого материала, соберет большие людские массы, даст в руки рабочим и крестьянам оружие. Маршал Кортуга презрительно бросил тогда:

— Для этого у нас есть полиция, есть старые средства держать в руках так называемую массу — вплоть до полевых судов...

Сегодня маршал Кортуга мрачно молчал. Он даже ни разу не намекнул на «чрезмерное увлечение механизацией и автоматизацией войск», хотя раньше без этого не проходило ни одно заседание, ни одна дискуссия. На сей раз говорил сэр Оунли. Его высокая согнутая фигура словно придавила всех присутствующих. Сэр Оунли делал доклад. Сэр

Оунли спокойно и холодно, без всяких эмоций требовал от Совета решительных действий.

— Мы уже убедились, что большевики — весьма сильный противник. Я даже не уверен, что целесообразно было все это начинать, потому что, если мы не сможем решительно повернуть колесо истории в нашу пользу, если в ближайшее время мы не добьемся решающих успехов, нам грозит опасность революционных выступлений, — четко прозвучало каждое слово, говорил сэр Оунли. — Мы должны серьезно относиться к событиям, трезво смотреть вперед. Прошли времена, когда можно было бесконечно долго подерживать национальный, патриотический ажиотаж. Теперь не 1914 год. За время своего существования большевизм прочно привил народам Европы склонность к революционным болезням. Достаточно маленькой инфекции — и мы получим громадную эпидемию. Вот передо мной отчеты политуправления главного штаба.

Сэр Оунли достал из портфеля аккуратно сложенные листы бумаги:

— Они весьма неутешительны. За несколько дней, прошедших после общей мобилизации, мы уже имеем четыре восстания в полках. 118-й полк отказался идти на фронт и был отправлен только после того, как расстреляли десяток вожakov-коммунистов. На базовых складах в Карселе разоблачен подпольный штаб, уже подготовивший планы разрушения складов, которые должны были взлететь на воздух. 14-й артиллерийский полк поднял восстание, обезоружил офицеров и выступил в демонстративный «партизанский» поход, призывая к мятежу другие части. Наконец, восстание на дредноуте «Скотленд»...

Несмотря на всю свою выдержку, Сэр Оунли едва заметно вздохнул: ему было тяжело говорить о восстании на одном из дредноутов королевского Великосакского флота...

— ...восстание на дредноуте «Скотленд», который, подняв красный флаг, покинул базу в Самбапуре и исчез в направлении Советского Союза. Командование не имеет о нем никаких известий, но, по сообщению советского радио, «Скотленд» самовольно изменил свое название на «Интер-

национал», прибыл в один из советских портов и торжественно вступил в ряды советского военного флота.

В зале стояла мрачная тишина. Сэр Оунли был прав: его сведения действительно не были утешительными. Докладчик обвел взглядом стол, вокруг которого сидели члены Совета, и продолжал:

— Я думаю — все это лишь первые ласточки. Я уже не говорю об известном всем мятеже рабочих на военном заводе в Лютеции. Уважаемые господа наверняка знают, что нам пришлось пожертвовать этим заводом, чтобы потушить опасный революционный пожар в центре Галлии... К большому сожалению, результаты последних операций на фронте не позволяют тешить себя надеждами на лучшие перспективы в будущем. Опять-таки, я не говорю об исходе последней операции генерала Ренуара; гораздо более важны психологические последствия поражения Первой армии под командованием генерала Древора, а также разгрома желтоимперской десантной экспедиции. Я не ошибусь, если скажу, что через несколько дней, как только широким массам станут известны последствия этих операций, мы будем свидетелями новых революционных взрывов. Старая, но до сих пор справедливая истина: народ не любит поражений... Итак, я перехожу к предложениям.

Члены Совета зашевелились: к предложениям?..

— Я требую решительных действий. Иначе мы затянем петлю на собственной шее. Конечно, линии фронтов должны остаться: относительно этого — все карты в руки маршалу Кортау...

Сэр Оунли еле заметно, с легкой иронией, поклонился старому маршалу, который недовольно склонил голову.

— Также необходимо настойчиво продолжать интересные эксперименты с механически-автоматизированными операциями по плану генерала Ренуара...

Сэр Оунли вновь вежливо поклонился, теперь в сторону Мориса Ренуара.

— Но, наряду с этим, следует решительно принимать и другие меры. Эпидемия большевизма понемногу захватывает наши войска. А мы до сих пор не послали советским

солдатам никакого проявления нашей благодарности за эту эпидемию. Оставим шутки — я позволю себе обратить внимание Совета на средства бактериологической войны. О нет, пусть уважаемые господа не ужасаются. Речь вовсе не идет о каких-то страшных эпидемиях чумы, холеры или других опасных болезней. Проработка этого вопроса, подробное его изучение показало, что подобное мероприятие очень быстро обернулось бы против нас самих. Смертельная эпидемия немедленно перекинулась бы через линию фронта и охватила бы и наши войска. Поэтому речь идет о занесении в тыл Советского Союза такой болезни, как грипп. Да, да, грипп! Эта легкая болезнь чрезвычайно инфекционна. Она почти не дает смертельных случаев, человек просто на некоторое время теряет трудоспособность. У него начинается насморк, кашель, ломит все тело; больной заражает всех вокруг. Ничего страшного — только две-три недели нетрудоспособности и больше ничего. Маленький грипп, вот и все.

Не поднимая глаз, старый маршал Кортау спросил:

— А запрет бактериологической войны?..

Сэр Оунли саркастически улыбнулся:

— Уважаемый маршал Кортау намекает на запрещение бактериологической войны, вынесенное Люцернской, Миланской, Лозаннской и Вашингтонской конференциями? О, мы хорошо помним об этих запретах. Ведь мы, вместе с другими государствами, также подписывали эти исторические акты. Но... но есть две небольшие поправки. Первая: разве конференции имели в виду такие несерьезные эпидемии, как грипп? Конечно, нет. На них говорилось о страшных болезнях наподобие чумы, холеры, тифа. Так что с этой точки зрения мы не нарушаем постановлений упомянутых международных конференций. И вторая: каждое правило имеет свои исключения. Мы боремся за культуру, за цивилизацию, против ужасной угрозы большевизма. Разве большевики не употребляют непозволительные средства войны? Все эти их таинственные лучи, загадочные морские магнитные торпеды — разве они выносили это оружие

на обсуждение международных конференций? Нет! Значит, свободны выбирать средства и мы.

Сэр Оунли сделал маленькую эффектную паузу и закончил:

— Исходя из всего этого, я требую решительных методов, решительных действий, и прежде всего — одобрения бактериологической войны.

Маршал Кортау беспокойно зашевелился на своем месте. Даже спокойный и выдержанный генерал Ренуар — и тот слегка удивленно поглядывал на сэра Оунли, выдвинувшего перед Советом такой решительный план. Между тем, сэр Оунли снова поднялся и сказал:

— Я позволю себе спросить кое-что у уважаемого генерала Ренуара. Надеюсь, у него есть возможность наполнить свои знаменитые аэроторпеды вместо взрывчатых веществ другим грузом?

— Любым, сэр Оунли, — ответил Морис Ренуар.

— Итак, по моему мнению, аэроторпеды лучше всего подходят для нашей цели. Аэроторпеды с культурой гриппа летят на восток. В идеальном случае, торпеды достигают цели и взрываются над большим городом, густонаселенным и промышленным центром, распыляя над ним культуру гриппа, которая медленно оседает на город и заражает его. В других случаях, если, скажем, торпеда не долетает до места назначения, как это было в последний раз, она все равно взрывается и заражает определенную местность, откуда грипп уже самостоятельно распространится дальше. Я прошу простить меня за эти подробные справки, но я тщательно изучил вопрос с помощью профессора Виртуса, известного бактериолога, которому, собственно, и принадлежит этот план. Если Совету желательно — профессор Виртус охотно выступит с сообщением о своем плане, он по моему приглашению приехал сюда и ждет нашего решения.

Совету «Заинтересованных Держав» было желательно. Совет без каких-либо препирательств принял план бактериологической войны Оунли-Виртуса. Его исполнение Совет возложил на генерала Ренуара.

На всякий случай, как выразился сэр Оунли — «для истории», Совет принял секретную резолюцию о бактериологической войне:

«Бактериологическая война в рамках употребления культур легких болезней, таких как грипп, не является чем-то непозволительным. Такие способы войны не противоречат постановлениям международных конференций, запретивших бактериологические средства ведения войны, понимая под этим заражение войск и тыла неприятеля ужасными инфекциями, подобными чуме, холере или тифу. Заражение гриппом, напротив, значительно гуманнее всех других средств войны, поскольку в результате такого мероприятия никто не умирает, а только выбывает из строя, теряя на некоторое время работоспособность. Заражение гриппом с этой точки зрения гуманнее артиллерийской войны, газовой войны, пулеметов и гранат, которые убивают врага».

Не следует удивляться этой резолюции. Она не была чем-то небывалым и, несмотря на всю свою циничность, кардинально не отличалась от многих других постановлений международных конференций. Вспомним хотя бы категорические требования Англии на конференции по разоружению в 1933 году. Тогда Англия выдвигала такое предложение: запрещая бомбардировки с воздуха в целом, позволить ей применять это средство войны в отдаленных местностях, где жители никогда, мол, ничего не имели против того, чтобы их бомбили с воздуха, потому что в таком случае они просто убегают в лес, а бомбы разрушают их дома. Так что, с этой точки зрения, постановление Совета «Заинтересованных Держав» совсем не удивительно, оно просто еще раз доказало, чего стоят все постановления и пакты капиталистических стран.

Однако сэр Оунли был абсолютно прав, когда он угрожал Совету опасностью революционных взрывов в Европе.

Мы сказали бы даже больше: уважаемый сэр Оунли слишком мягко описывал то, что происходило в последние дни в Европе.

Правда, восстание на военном заводе в Лютеции было ликвидировано — вместе с самим заводом. Военный министр выполнил свою угрозу: эскадрилья военных самолетов сбросила тяжелые фугасные бомбы на территорию завода и разрушила главные его корпуса. Вслед за тем войска атаковали полуразрушенный завод и выбили оттуда тех рабочих, которые остались в живых после воздушной бомбардировки. Быстрый и немедленный суд приговорил всех пленных рабочих к расстрелу, как предателей государства. Массовый расстрел рабочих провели той же ночью — значительно быстрее и организованнее, чем в свое время, в 1871 году, когда разъяренная буржуазия расстреливала руками палачей генерала Галифе героических парижских коммунаров...

Но восстание на военном заводе в Лютеции уже сделало свое дело, прогремев во всех странах Европы и Америки. Оно стало героическим образцом храбрости пролетариев, что жертвовали жизнью в борьбе за международное рабочее дело, выступая против войны со своей социалистической родиной — Советским Союзом. Забастовки рабочих во всех городах капиталистической Европы, восстания солдат и моряков были ответом пролетариата на кровавую расправу буржуазии с рабочими города Лютеции. И сэр Оунли слегка ошибался, упоминая лишь о четырех восстаниях в войсках.

Он почему-то забыл о странных недоразумениях с поставками для авиационных баз, когда срочные грузы, адресованные базам восточного фронта, потерялись где-то на железных дорогах. Все попытки найти эти грузы были безрезультатны, пока грузы не отыскивались... на дне глубокого озера, сброшенные туда с рельсов целыми эшелонами. Все попытки найти преступников оказались тщетны.

По какой-то причине сэр Оунли не упомянул о загадочном исчезновении большого торгового парохода «Валькирия», который вез военные грузы из Биверпуля в Дамбург.

Пароход этот, выйдя из Биверпуля, не дошел до Дамбурга, хотя с ним, на всякий случай, шла военная великосакская миноноска. Оба корабля исчезли. Парусник «Шираза», проходивший близ Ресбурга, видел эти корабли: они, как записано в вахтенном журнале парусника, шли на восток, ко входу в Финский залив, и у каждого на корме развевался красный флаг...

Сэр Оунли также забыл про таинственный взрыв в военном ангаре городка Эжени, где на воздух взлетели шесть тяжелых бомбовозов последней конструкции, только два дня назад привезенные сюда для испытаний. Взрыв уничтожил бомбовозы, разрушил ангар и все специальные здания, стоявшие рядом с ангаром. Доклад министерству авиации заканчивался стандартно:

«Преступников найти не удалось».

Следовательно, положение было намного более угрожающим, чем обрисовал его на совещании «Заинтересованных Держав» сэр Оунли. Вполне понятно, почему мрачно молчал маршал Кортуа, который еще неделю назад презрительно отвергал любую мысль о возможных социальных конфликтах. Если план механизированной и автоматизированной войны генерала Ренуара не дал желаемых результатов, скомпрометировав блестящие теории генерала Фулера и его сторонников, то в равной мере не давал желаемого эффекта и старый позиционный метод войны большими человеческими массами, в чьей среде всегда созревали тайные революционные очаги.

Тюрьмы были переполнены. Секретная полиция мобилизовала все свои силы, арестовывая каждого рабочего, заподозренного в принадлежности к революционным организациям. Но это не помогало. Революционеры перенесли свою основную деятельность в воинские части, пользуясь тем, что в результате всеобщей мобилизации во всех частях появилось некоторое количество рабочей молодежи, среди которой уже давно и активно работали комсомольские организации. Несмотря на бешеный террор полиции, тайные подпольные типографии продолжали выпускать листовки и революционные газеты. Был еще один метод чрез-

вычайно значительного влияния на рабочие и даже мелкобуржуазные слои населения Европы: радио.

Революционные организации выбрали очень остроумное средство агитации с помощью государственных радиостанций. Как известно, все мощные радиопередатчики строятся за городом, чтобы они не мешали городским слушателям принимать другие, дальние радиостанции. Однако студии радиостанций всегда расположены в городах и связаны с передатчиками кабелями, чаще всего — подземными. Итак, революционеры подключали к таким кабелям свои карманные микрофоны и зачитывали обращения — короткие и энергичные, давали свои объявления, прерывая передачи из студии или театра и заменяя их призывами остановить войну с Советским Союзом. Полиция тщательно охраняла кабели, но они обычно тянулись на пятьдесят-семьдесят километров, и случаи «наглых революционных воззваний», как квалифицировали это полицейские рапорты, не прекращались.

Сказывалась и работа мощных советских радиостанций, как старательно ни заглушали их передатчики капиталистических государств. Ежедневные передачи советских радиостанций транслировались почти на всех европейских языках, и их каждый день слушала пролетарская Европа, несмотря на категорический запрет полиции принимать советское радио под угрозой ареста и конфискации приемника.

Для информационных штабов, для капиталистических газет это было чрезвычайно неприятным явлением, так как советское радио информировало трудящихся Европы о положении на фронте, обо всех событиях, которые замалчивали капиталистические газеты, раскрывало их ложь и вымыслы.

«Мы воюем, только защищаясь, — говорило советское радио. — Мы вынуждены воевать, защищаться с оружием в руках. Мы воюем с генералами, офицерами, с наймитами буржуазии, которая стремится захватить в свои загребушие руки богатства Советского Союза и поме-

шать победоносному строительству социалистической жизни в Стране советов. Мы не хотим войны, но мы вынуждены защищаться. Солдаты капиталистических армий, рабочие, крестьяне! Вас гонят на войну, на бойню. Поворачивайте оружие против генералов и офицеров, переходите на сторону вашего единственного социалистического отечества — Советского Союза! В Советский Союз плывут корабли, восставшие против власти капиталистов и генералов и перешедшие на сторону Страны Советов. Слушайте, что рассказывают по радио солдаты, которые перешли на сторону Советского Союза и повернули оружие против общего классового врага. Между Красной армией и солдатами капиталистических армий нет вражды: они братья, они все рабочие и крестьяне. У них один общий классовый враг — мировая буржуазия. Переходите на сторону Красной армии, которая победит в этом последнем бою с капитализмом: этот бой — наше общее дело!..»

И как же сильно действовали на слушателей эти призывы! Горячие слова доходили до самого сердца. Рабочие сжимали кулаки и сами находили революционеров-организаторов. Постепенно нарастал революционный гнев. В этом отношении сэр Оунли был прав: капиталистические правительства имели все основания ожидать революционных взрывов.

Совет «Заинтересованных Держав» принял резолюцию о переходе к решительным действиям, к бактериологической войне. Эпидемии гриппа должны сделать нетрудоспособным советский тыл, остановить нормальную работу предприятий, перекинуться на Красную армию и уничтожить ее обороноспособность и боеготовность. Тогда легко будет сделать с Красной армией все, что угодно: больные, лишенные надежного тыла части не смогут воевать... Это предусматривал дьявольский план Виртуса-Оунли. Он обещал решительный перелом, обещал безусловную победу Первой армии, предсказывал поражение Красной армии.

Но все ли предусмотрели профессор Виртус и хладнокровный сэр Оунли?..

Генерал Ренуар был крайне раздосадован пренебрежительным отношением к нему и его машинам. Он был так расстроен, что решил сообщить обо всем своим помощникам. Собрав их, как обычно, в своем кабинете, генерал Ренуар коротко рассказал о решениях Совета и о задаче, возложенной на него в плане использования аэроторпед для нужд бактериологической войны. Дик Гордон слушал, боясь пропустить хотя бы слово. Он был поражен: бактериологическая война?..

И, словно отвечая на его немой вопрос, генерал Ренуар сказал:

— Конечно, я тоже не могу назвать себя сторонником таких методов войны. Однако приказ остается приказом. И для меня, в конце концов, безразлично, какими средствами достичь победы. Если бактерии расчистят нам путь — да здравствуют бактерии! По моему мнению, на войне решено все. Цель — победить. А победителей, как известно, не судят. Мы должны победить большевиков, и для этого все средства хороши!..

МОРИС РЕНУАР ПРАЗДНУЕТ ПОБЕДУ

Впервые в жизни Дик Гордон чувствовал себя неуверенно. Конечно, он не был сентиментальным человеком. Война — это прежде всего война и ничто иное. Человек с оружием в руках должен оставить дома все свои чувства и строго выполнять приказы, направленные на уничтожение врага. Это — азбучная истина, которую знал каждый солдат, каждый офицер. Но...

Но само понятие «бактериологическая война» оставляло какой-то неприятный осадок. Человек в белом халате переставал быть врачом. Бактериология переставала быть наукой, призванной помогать человечеству. Врач начинал активно уничтожать людей: он поворачивал против людей свое научное оружие, которым до сих пор их спасал.

Джонни Уолтерс сразу же честно и откровенно сказал Дику:

— Еще немного и я, кажется, стану большевиком. Я не хочу помогать в уничтожении людей при помощи болезней. И, вообще, Дики, я уже ничего не понимаю. Мне странно вспоминать о причинах всего происходящего. Да, мы решили потребовать компенсацию за убийство тех иностранных туристов. Ладно. Я понимал это. Но теперь все забыто. Ведь никто и не вспоминает о тех злосчастных туристах, они никому не нужны, они никому не интересны. Получается, что война продолжается по другим причинам. Мы убиваем их, еще больше убивают наших, — но ради чего?.. Ренуар говорит: мы должны победить большевиков. Как по мне, они совсем не такие уж плохие люди. Сколько я ни слушаю ночью передачи их радиостанций...

— А зачем ты их слушаешь? — перебил его Гордон.

Джонни удивленно посмотрел на него:

— Ведь я хочу иметь исчерпывающую информацию... и, потом, Дики, что за полицейские вопросы?.. Конечно, я шу-

чу, хотя сейчас совсем не время для шуток. А советские передачи довольно интересны. Раньше я не знал о большевиках и о Советском Союзе столько, сколько знаю теперь. И, знаешь, как-то странно получается. За что мы воюем?..

Такие разговоры происходили не раз. И Дик Гордон делал из них определенные выводы: если уж Джонни Уолтерс слушал советское радио и оно так на него действовало, то как же это радио влияло на слушавших его солдат и рабочих?.. Дик Гордон старательно гнал от себя эти мысли, с головой погружаясь в работу. А дел и впрямь было выше головы.

Вместе с профессором-генералом Ренуаром и Альбертом Райволой он разрабатывал новый механизм, который вместо взрыва в нужную минуту раскрывал аэроторпеду и разбивал помещенные внутри большие контейнеры из хрупкого стекла. Не спускаясь на землю, аэроторпеда на заданной небольшой высоте раскрывалась и выпускала из себя густую жидкость — культуру бактерий, которая медленно оседала вниз, распыляясь во время падения и превращаясь в промозглый туман — конденсированную инфекцию. Туман укрывал землю, деревья, дома, траву, туман проходил сквозь окна в комнаты — и приносил с собой болезнь, заражая всех без исключения.

Так было, если торпеда достигала цели. Но стоило ее остановить, и тот же механизм автоматически взрывал небольшую бомбу, которая разрывала торпеду на куски, как только она касалась земли. Если бы в торпеду попал вражеский снаряд — все равно, она так же распылила бы культуру гриппа в воздухе и та медленно осела бы на землю таким же инфекционным туманом.

Механизм сконструировали довольно быстро. Заводы, производившие торпеды, сразу приступили к производству и очередные партии торпед начали приходить на базу, оборудованные по-новому. Одновременно на базы начали прибывать и вагоны с таинственным грузом, под усиленной военной охраной. Сама охрана не знала, что это был за груз: ей было поручено лишь охранять его, как охраняют по уставу военный флаг.

Вагоны загоняли во внутренние помещения базы, где их ждали люди из института профессора Виртуса. Эти люди наблюдали за вскрытием вагонов, проверяли их содержимое. У них всегда были наготове странные устройства, чем-то напоминавшие огнетушители. Люди Виртуса внимательно следили за тем, как доставали из вагонов крепкие дубовые ящики — с пломбами и печатями. Проверяли — не замечается ли под ящиком подозрительная сырость. Такое произошло дважды — и все рабочие сразу получили приказ покинуть помещения. В подобных случаях люди из института профессора Виртуса приступали к энергичной работе. Они включали свои устройства и обливали шипящими струями пены, бившими из них, не только подозрительный ящик, но и все остальные, весь вагон, все помещение. Через несколько минут пена испарялась и, когда рабочие снова заходили в помещение для дальнейшей разгрузки вагона, они ощущали лишь странный сладковатый запах, немного напоминавший какую-то дезинфекцию.

Эти люди дежурили всюду, где проходила работа с таинственным грузом. Извлеченные из вагонов ящики перевозились на автотележках в ангар, где стояли готовые пустые аэроторпеды. И за каждой такой тележкой шел человек с похожим на огнетушитель устройством. Опытные мастера вскрывали загадочные ящики возле аэроторпед и доставали изнутри стеклянные кубики, наполненные желтоватой густой жидкостью. Мастера под присмотром людей из института профессора Виртуса осторожно помещали эти стеклянные кубики в специальные гнезда аэроторпед и закрывали отдельными крышками. Только после этого люди из института возвращались, чтобы взять под свой контроль следующий ящик.

Дик Гордон сопровождал генерала Ренуара во время инспекции всех этих операций. Главный уполномоченный института профессора Виртуса вполголоса давал генералу объяснения. Он говорил:

— Мы вынуждены все время быть начеку. Мои люди с дезинфекционными устройствами постоянно дежурят на разгрузке вагонов и зарядке аэроторпед. Видите, господин

генерал, кубики с культурой специально сделаны из очень хрупкого стекла, как вы и просили, чтобы обеспечить распыление культуры в воздухе. Однако это влечет за собой дополнительную опасность: кубики, хотя и тщательно упакованные, могут разбиться в дороге. Ящики опломбированы, но эта культура может просочиться сквозь доски. Вы понимаете, что в нашу задачу отнюдь не входит посеять заразу здесь.

— Надеюсь, что так, — мрачно ответил генерал Ренуар.

— Поэтому мы внимательно за всем следим и в случае необходимости немедленно освобождаем помещение от людей и дезинфицируем его. Профессор Виртус изготовил радикальный дезинфекционный раствор, который гарантирует полное уничтожение всех бактерий. Вы чувствуете этот сладковатый запах? Это и есть запах нашей дезинфекции. Мы дежурируем также и у аэроторпед во время их зарядки культурой. Это необходимо, хотя бы потому, что во время массового изготовления нашей культуры мы не можем гарантировать ее чистоту. Вполне возможно, что в наших стеклянных кубиках вместе с гриппом оказались и какие-то другие бактерии.

— Например?

— Трудно сказать. Возможны разные варианты. Однако наш дезинфекционный раствор убивает все бактерии, следовательно, для нас опасности нет. Профессор Виртус как-то сказал, что ничего страшного не случится, если мы вместе с гриппом пошлем аэроторпедами в тыл врага еще какую-то небольшую болячку, она, дескать, нам не мешает...

И уполномоченный весело улыбнулся забавной шутке профессора Виртуса. Улыбнулся и генерал Ренуар. Но Дик никак не мог заставить себя улыбаться. Все это производило на него гнетущее впечатление...

Телеграммы из штаба требовали от генерала Ренуара как можно скорее начинать операцию с аэроторпедами, которые должны были доставить болезнь в тыл Советского Союза. Ведь положение на фронте не сулило пока ничего утешительного. Советские силы все крепили. Никто уже не

помышлял о наступлении на позиции Красной армии; наоборот, советские войска несколько раз сами переходили в наступление и совершали заметные прорывы фронта Первой армии. С этой точки зрения маршал Кортуа был прав — война приобрела позиционный характер. Только в одном он ошибался: активна была не Первая армия, а Красная армия Советского Союза. Это не мешало маршалу Кортуа вести дневник, записывая все новое и интересное, что происходило на фронте. Вот отрывки из этого дневника:

«12 июля. На северном участке большевики развернули внезапную атаку на наши позиции. При поддержке артиллерии советские отряды двинулись в наступление и захватили первую линию окопов. Пехота шла под защитой тяжелых танков. Интересно отметить своеобразную расстановку боевых сил: танки лишь расчистили путь пехоте, которая, заняв первую линию окопов, остановилась и пропустила вперед кавалерию, поддерживаемую легкими быстроходными танкетками.

13 июля. Воздушная атака советских бомбовозов не дала заметных результатов. Новые зенитные пушки, автоматически соединенные с прожекторами, уничтожили более половины самолетов. Эскадрильи удалось лишь взорвать центральный склад снарядов. Кстати, откуда у большевиков такие точные сведения о размещении наших главных складов... Надо обратить на это внимание политического управления армии.

14 июля. Прорыв нашего фронта на северном участке все еще не ликвидирован. Большевики очень хорошо закрепились на флангах. Боюсь, что это место при дальнейшем развертывании кавалерийского наступления станет опасным. Кавалерия большевиков доказывает всю ошибочность разговоров о том, что время конницы в целом истекло и что она не может показать себя в условиях танковой войны. Советские кавалерийские части возглавляют атаки.

Правда, они всегда наступают при поддержке быстроходных танков и танкеток...

15 июля. Со всех участков поступают рапорты о большом ущербе, наносимом советскими снайперами, которые держат под обстрелом целые секторы наших окопов и пулеметных гнезд, парализуя их. Еще одно доказательство того, что винтовка не утратила своего значения в современной войне. Находясь в умелых руках — винтовка еще очень многое может сделать...»

Мы привели здесь несколько отрывков из дневника старого маршала Кортуга, чтобы показать, как замедлились события на всем фронте. Казалось, что война перешла в состояние, очень напоминавшее сидение по окопам во время великой войны 1914-1918 годов. Большие человеческие массы сошлись друг с другом, заняли хорошо защищенные позиции и словно бы не могли перейти к решительным действиям.

Однако было и нечто такое, что решительно отличало теперешнее положение от минувшей войны. Прежде всего — огромный рост технических сил. Да и события нарастали с двух сторон линии фронта разными темпами и разными путями. Если в первые дни боев советские войска кое-где отступали и временами освобождали путь для наступления Первой армии, если Первая армия в те дни стремительно продвигалась вперед, демонстрируя новые достижения техники уничтожения, то теперь ситуация изменилась.

Первая армия стояла неподвижно, даже не пробуя переходить в наступление. Казалось, что она успела потерять часть своих сил, что она неспособна перейти к решительным действиям, что она, наконец, все слабеет — главным образом за счет ослабления тыла, где разворачивались революционные события. И, напротив, Красная армия как будто ежедневно черпала новую силу и мощь из своего безбрежного тыла. Она крепла, она все чаще и чаще переходила в наступление, она атаковала, прорывала фронт, слов-

но ее части сами рвались в бой и их приходилось сдерживать.

Понятно, почему штаб ежедневно по телеграфу подгонял генерала Ренуара. Командование возлагало все надежды на бактериологические аэроторпеды, которые должны были посеять панику в глубоком тылу Советского Союза и деморализировать части Красной армии. Были и другие причины, заставлявшие командование фронта спешить с бактериологическим наступлением.

Совершенно секретные донесения командующих участков фронта сообщали о ненадежности частей, присланных для пополнения фронтовой армии. Такие части прибывали из тыла, уже зараженные революционной пропагандой. Никакие средства борьбы не помогали, никакие секретные агенты неспособны были указать подпольные центры революционной агитации. Несколько полков в полном составе перешли на сторону Красной армии, заранее условившись с противником о времени перехода.

Как выяснилось позднее, эти части поддерживали определенные связи с Красной армией, посылали во вражеские окопы своих представителей договариваться о дальнейшей судьбе части. И самым страшным было то, что солдаты таких частей за линией фронта не превращались в пленных; их не разоружали, не отправляли в концентрационные лагеря для военнопленных. Совсем нет! Части, перешедшие к красным, не складывали оружие, а просто поворачивали его в другую сторону и вместе с Красной армией начинали наступление против своих бывших окопов. Это полностью деморализовало войска.

Тщетны были все попытки сохранить в тайне такие случаи. Советские войска оповещали о них части Первой армии листовками, которые целыми облаками сбрасывали советские самолеты. Советское радио рассказывало о переходах частей Первой армии на свою сторону всей Европе, транслируя выступления самих бывших солдат. Обращаясь к родным, знакомым и друзьям, оставшимся в капиталистических странах, те рассказывали о своем поступке, призывали всех последовать их примеру и тем самым помочь

борьбе с войной против Советского Союза, помочь революции.

Нечего и говорить, как действовали такие радиовыступления. Охранки всех капиталистических стран сбивались с ног, без конца арестовывая рабочих, пойманных во время приема советского радио. В тюрьмах уже не было свободных мест. Даже в мелкобуржуазных кругах распространялись слухи о развале в Первой армии, о бесспорной победе большевиков. Был только один способ поднять дух армии и тыла — решительный удар по Советскому Союзу, убедительная блестящая победа хотя бы местного значения. Но именно это не удавалось сделать командованию...

Генерал Ренуар и сам хорошо понимал крайнюю необходимость форсировать бактериологическое наступление. Он лично руководил последними приготовлениями, разработал подробный план воздушной атаки, которая должна была проводиться ночью. Генерал Ренуар на этот раз решил отправить в тыл Советского Союза одни аэроторпеды, без каких-либо самолетов сопровождения.

«Не стоит рисковать живой силой там, где мы поручаем дело бактериям», — сказал он решительно. И так же решительно придерживался своей программы действий.

Все подготовительные работы проводились в строжайшей тайне. Генерал Ренуар стал очень подозрительным. Однажды он сказал Альберту Райволе:

— Я теперь не верю никому. Понимаете, Райвола, происходит слишком много странных вещей. Эти грузы для авиабаз, которые исчезли, а затем были найдены на дне озера; эти таинственные взрывы в Эженском ангаре; наконец, странная осведомленность советских пилотов относительно расположения наших центральных складов... Я не верю в случайности, для этого я слишком много повидал на своем веку. Мне кажется, что наша тайная полиция недостаточно хорошо работает. И вообще, впечатление такое, будто мы теперь живем где-то на вулкане, все время грозящем взрывом...

Нечто подобное сказал он однажды и Дику Гордону. И Гордон невольно вспомнил свой разговор на фронте с Джон-

ни Уолтерсом, разговор по поводу письма от Тома Даунли, где тот писал о так называемых «хвостах» механизированной армии и о ненадежности этих хвостов. Не был ли прав Том Даунли с его теорией, которая доказывала ложность взглядов и утверждений генерала Фулера и его сторонников?..

Один лишь человек из окружения генерала Ренуара не знал сейчас никаких сомнений и смутных мыслей о какой-то скрытой опасности: это был лейтенант Гагарин. Последняя операция, злополучное воздушное нападение, когда аэроторпеды были уничтожены загадочными радиоволнами, окончательно излечила Гагарина от всех его колебаний и настроений. Собственноручно, не доверяя механикам, Гагарин проверял моторы аэроторпед, перенеся на них всю свою прежнюю любовь к истребителям. Генерал Ренуар имел все основания быть абсолютно довольным безупречным поведением лейтенанта Гагарина. И это было заметно: именно с Гагариным охотнее всего беседовал генерал Ренуар, частенько вызывая его к себе.

А когда наступил час, которого все так долго ждали, время вылета первого отряда бактериологических торпед, генерал Ренуар поручил наблюдение за их полетом именно лейтенанту Гагарину, хотя происходило все это в его собственном кабинете.

На огромном столе помещалась большая прозрачная рельефная карта западной части СССР. Красная линия показывала воздушный путь аэроторпед от базы, где возле карты сидели генерал Ренуар и стоял лейтенант Гагарин, до самой Москвы. Круглое световое пятно горело в самом начале красной линии, световое пятно, состоящее из сотни мельчайших световых точек. Пятно обозначало отряд бактериологических аэроторпед.

Генерал Ренуар слегка волновался. Он впервые следил за операцией из своего кабинета. Генерал внимательно смотрел на стрелку часов, которая медленно приближалась к одиннадцати. До одиннадцати часов вечера оставалось еще три минуты... две... одна...

— Внимание, Гагарин, внимание!

Хоть и ждавшие этого момента, генерал и лейтенант вздрогнули от мелодичного звука маленького звонка: сигнал старта торпед! Световое пятно на карте мигнуло и едва заметно шевельнулось. Оно немного растянулось, приобрело форму правильного овала.

— Есть, господин генерал, — доложил громкоговорятель на столе голосом его любимого механика Миети.

Морис Ренуар не отводил взгляда от светового пятна, лихорадочно ожидая его движения. Часы медленно отсчитывали секунды: раз-два, раз-два...

— Господин генерал, движется! — не выдержал Гагарин.

Да, пятно медленно двигалось на восток. Бешеная скорость отряда аэроторпед, делавших в час по крайней мере триста километров, казалась в масштабе карты — поступью черепахи. Световое пятно двигалось на восток, к СССР, строго держась направления, указанного красной линией.

Необыкновенно остроумные и сложные сигнальные приборы передавали информацию о любом движении каждой аэроторпеды сюда, на эту прозрачную рельефную карту. Торпеды неслись где-то в воздухе. Они ежеминутно удалялись от базы, от аэродрома, откуда только что стартовали. Но на карте сохранялся их след в виде мельчайших световых точек, которые сливались для наблюдателя в одно сплошное световое пятно, все время едва заметно продвигавшееся на восток, обозначая движение аэроторпед в воздухе по направлению к Москве.

Это было последнее изобретение профессора Ренуара, проработанное в деталях его любимым помощником Гагариным. Благодаря этому изобретению можно было все время следить за движением торпед, не выходя из кабинета, и даже более того: остановка любой торпеды немедленно отмечалась на карте. Если торпеда падала на землю, ее световая точка превращалась в большую и красную, отделившись от всех других точек, продолжавших свое движение.

Шло время, но Ренуар и Гагарин ничего не замечали, склонившись над картой и следя за полетом аэроторпед. Отряд приближался к границе: самое опасное место! Хотя

вряд ли в шуме артиллерийских выстрелов, в бешеном грохоте линии фронта кто-то различит негромкий гул моторов аэроторпед, что пролетают над фронтом на высоте более двух тысяч метров. Но тем не менее...

И снова первым нарушил напряженную тишину Гагарин:

— Прошли! Прошли!

Действительно, световое пятно продвинулось восточнее линии фронта, ни одна точка не остановилась, не окрасилась в красный цвет; значит, ни единая торпеда не вышла из строя. Это было уже похоже на настоящий успех, какого даже не ожидал генерал Ренуар, готовый потерять на этом участке пути по крайней мере половину торпед...

Время потекло дальше. Все так же склонялись головы над картой. Только сигаретный дым все плотнее застилал комнату: генерал Ренуар курил сигарету за сигаретой, жадно втягивая грудью ароматный дым.

В районе Смоленска шесть точек отделились от общего пятна и остановились, окрасившись в красный цвет. Чуть дальше отделилось еще с десяток точек. Лейтенант Гагарин, вооруженный увеличительным стеклом, внимательно подсчитывал выбывшие из строя торпеды. По какой причине выбывали они — этого никто сказать не мог. Уничтожали ли их загадочные радиоволны, останавливавшие моторы, разрушали ли голубые лучи электропрожекторов или же в них просто попали снаряды зенитных пушек?.. Ответа не было. Однако генерал Ренуар аккуратно отмечал на карте места, где вспыхивали тревожные красные точки: то были центры инфекции, центры, откуда через несколько дней во все стороны начнет распространяться зараза, болезнь...

Торпеды летели дальше. Темная июльская ночь укрывала их тьмой, они летели над Советским Союзом, невидимые, как таинственные ночные птицы. Еще в двух местах, уже совсем близко от Москвы, отделились от общего пятна два десятка красных точек. Снова генерал Ренуар отметил места центров заражения. И, в конце концов...

Приблизившись к Москве, световое пятно закрыло ее черный круг. Полминуты, минута... И вдруг все пятно ос-

тановилось. Центр его окрасился в красный цвет, потом покраснели края... Все! Красное угрожающее пятно из мельчайших точек осталось на карте, а сквозь него снизу просвечивал условный круг, обозначавший советскую столицу.

Генерал Ренуар встал, с грохотом оттолкнув стул. В ту же секунду репродуктор доложил:

— Операция завершена, господин генерал.

Глаза генерала блеснули. Он гордо выпрямился. Гагари-ну хотелось петь; он забыл, что еле держался на ногах от усталости. Генерал Ренуар шагнул к нему:

— Гагарин, — произнес он, — вы первый, кроме меня и Миети, узнали о сегодняшней победе. Поздравляю вас, мой помощник! Сегодня мы положили на весы решающую ги-рю. И вот, я вижу: чаша весов склоняется, она приносит нам большую, такую нужную нам победу... Гагарин, поздравляю вас!

И генерал Ренуар крепко пожал руку своего помощни-ка.

Я ЖДУ ТЕБЯ, ДЖОННИ!..

«Эпидемии в СССР! Центр Советского Союза охвачен эпидемией гриппа! Из-за массового заболевания рабочих в Москве останавливаются заводы! Перебои в работе советского железнодорожного транспорта! Эпидемия распространяется, охватывая весь центральный район страны! Эпидемии в СССР, покупайте газеты, покупайте газеты!»

Не было ни одного человека, который немедленно не купил бы газеты, пораженный криками уличных продавцов. Новости действительно ошеломяли: эпидемии в СССР?.. Центр страны большевиков охвачен инфекционными болезнями?..

А по улицам уже бежали новые газетчики, с новыми выпусками, экстренными изданиями газет:

«Эпидемия в СССР распространяется! Возникают все новые центры инфекции! Гриппом охвачен, кроме Москвы, еще и Смоленск! Покупайте вечерние экстренные выпуски газеты, покупайте!..»

Человек подозрительной наружности, в желтой шляпе, с длинными усами, которые производили впечатление приклеенных, собрал вокруг себя толпу и произносил пылкую речь, напоминавшую выступление дешевого адвоката, только что получившего за нее авансом определенное вознаграждение:

— Сам господь бог карает большевиков. Теперь им ничто не поможет. Граждане, помолимся господу, да пошлет он благословение нашей храброй армии, которая истребит варваров-большевиков под самый корень. Святое провидение наслало на коммунистов болезнь, чтобы помочь нам уничтожить большевистскую заразу. Граждане, мы должны всеми силами помочь нашей армии! Граждане!..

Дик Гордон, проходивший по улице, на ходу прислушался к этой речи и еще быстрее зашагал дальше. Это бы-

ло мерзко. Само упоминание о средствах бактериологической войны вызвало у него неприятное чувство. Стоило ему закрыть глаза и подумать об этом, сразу вспоминалась отвратительная фигура человека в белом халате, который, усмехаясь, вливал яд в рот связанной, опутанной веревками женщины. Почему у Гордона возникала в уме именно эта картина — он и сам не знал. Однако она преследовала его, как навязчивый кошмар.

Купив газету и торопливо просмотрев ее, Гордон поднялся в свою квартиру. Здесь он снял фуражку и сел в кресло, устало вытянув ноги. С минуты на минуту должен был прийти Джонни Уолтерс. Он позвонил Дику по телефону и предупредил его:

— У меня чрезвычайная информация от Тома Даунли.

— Какая? — спросил Гордон.

— Не могу сказать. Ты идешь домой? Ладно, я зайду к тебе. Жди.

А пока что Дик Гордон еще раз лениво просматривал вечернюю газету. Она целиком, от первой до последней страницы, кричала о грядущей победе над Советским Союзом. Ушлые репортеры высчитывали, сколько дней нужно, чтобы эпидемия охватила всю центральную часть СССР и остановила все производство. По их утверждениям получалось, что стоит только подождать четыре-пять дней и советские позиции можно будет захватить голыми руками.

Газеты ни словом не упоминали о причине возникновения эпидемии гриппа в СССР. Оно и понятно: зачем писать о бактериологической войне? Разве не красивее, не благодарнее приписывать случившееся провидению или длани самого господа бога?..

Дик Гордон раздраженно швырнул газету на пол. И тотчас же у него мелькнула мысль: что это с ним творится? Почему, собственно, он не радуется? Ведь эпидемия в СССР действительно открывает большие возможности для военных операций.

Дик поднял глаза к потолку и задумался. Что-то с ним творилось. В его сознании медленно происходил какой-то перелом. Какой именно — этого он не понимал. На сей раз

Дик Гордон не мог спокойно и хладнокровно анализировать свое поведение и настроение, как делал всегда.

Его размышления прервал Джонни Уолтерс, неожиданно вбежавший в комнату. Он был очень взволнован:

— Ты не догадался, Дики? А?

— Нет. А что случилось?

— Я получил письмо от Тома Даунли. Ты знаешь, что он пишет?

— Откуда же мне знать? Ведь письмо читал ты, а не я.

— Так вот, слушай. В Первой армии больше нет офицера Тома Даунли!

— Ты хочешь сказать, что Том убит?..

— Вовсе нет, он жив и даже весел. Ты бы никогда не догадался. Слушай: Том Даунли вместе со всей частью, с батальоном связи штаба участка...

Джонни сделал торжественную паузу и закончил:

— Перешел на сторону Советского Союза, перешел в Красную армию! Ты можешь себе представить?..

Дик смотрел на Джонни широко раскрытыми глазами.

— Такого не может быть, Джонни, это какая-то ошибка...

— Никакой ошибки! Слушай, вот письмо.

Джонни развернул листок бумаги:

— Ну, начало неинтересно, оно имеет личный характер. Вот, здесь:

«...и пусть тебя не удивляет все то, что ты сейчас прочитаешь. Сперва несколько предпосылок. Надеюсь, ты меня хорошо знаешь. Ведь так? Знаешь, что я никогда не был не только коммунистом, но даже социал-демократом. Правда, эти последние всегда казались мне чем-то не заслуживающим внимания серьезного человека. Так вот! Моя карьера, как офицера нашей «доблестной Первой армии» и т.д. — закончена. Сегодня ночью мы все, весь батальон связи штаба нашего участка, переходим к большевикам. Ты не веришь своим

глазам? Понимаю. Но читай дальше, и ты все поймешь».

Джонни поднял глаза на Дика:

— Это он хорошо сказал: «поймешь».

— Читай дальше, — глухо проговорил Дик.

«...Ты, наверное, помнишь мое письмо, в котором я писал про различные теории войны. Про так называемые “хвосты” генерала Фулера и проч. Так вот, дело значительно глубже, чем кажется. Дело в том, за кем будущее. За нами, за Первой армией, генералом Фулером, Ренуаром, Древором и другими; за капитализмом, осаждающим молодой Советский Союз, или, напротив, будущее за коммунистами? Я долго обдумывал это и окончательно решил: будущее за коммунистами, молодым классом пролетариев, а не за престарелым капитализмом, чьи последние дни мы наблюдаем сейчас. И знаешь, кто именно помог окончательно решить эту важную для меня проблему?.. Пленный советский снайпер, которого я недавно допрашивал. Если бы ты увидел и услышал этого человека, ты бы и сам убедился. Представь себе солдата, который храбро смотрит вперед, ничего не боится, не жалеет своей жизни и уверен, что, независимо от его судьбы, его дело победит. Думаешь, он был коммунистом? В том-то и дело, что нет. Обычный красноармеец. И вот тогда я решил: победа за ними. Никакими машинами, никакими аэроторпедами и прыгающими танками мы не победим Советский Союз, потому что он обладает такой силой, о которой мы даже мечтать не можем. Эта сила — великое сознание молодого класса, уверенного в своей мощи, уверенного в том, что будущее принадлежит именно ему».

Джонни остановился, словно обдумывая что-то.

— Читай дальше, — вновь глухо откликнулся Гордон.

«...Возьмем мелочь, вроде последствий успехов или неудач на фронте. Как реагирует на это наш тыл и тыл советский? У нас, как только с фронта приходят плохие известия, немедленно начинается разложение. У них — сведения о неудачах вызывают новую волну боевого воодушевления, объединяющего армию и тыл единой волей к победе. Об этом можно было бы много говорить, но нет времени, да я и не уверен, дойдет ли до тебя это письмо. Итак, мы переходим на сторону Красной армии. Мы идем не в плен, об этом окончательно условились наши уполномоченные, которые вели секретные переговоры. Мы идем для того, чтобы встать в ряды Красной армии, против старого мира, против войны. Да, да, Джонни, против войны! Не против тебя, не против солдат Первой армии, а против войны, против тех, кто ее начал, кто ею руководит. Скажу тебе даже больше: я уверен, что таким же путем пойдешь и ты. Ибо это путь всякого честного человека, умеющего смотреть в будущее. Я жду тебя, Джонни. Жаль, не могу продолжать письмо — нет времени. Мы уходим. Будь здоров и думай, Джонни. Думай и помни: я жду тебя!

Твой Том Даунли».

Джонни сложил листки, спрятал их в карман и вопросительно взглянул на Дика:

— Ну, что скажешь?

Дик молчал, его лицо помрачнело.

— Ну, Дики?

С большим трудом Дик Гордон медленно ответил:

— Это — измена, Джонни... Измена чести военного человека...

Джонни махнул рукой:

— А мне безразлично, измена это или нет. Кого он предал? Народ? Нет, потому что мы воюем не за народ; я вообще не знаю, за кого мы воюем. Державу? Я не знаю, за

какое государство мы воюем. Воинскую честь? Э, Дики, последние лохмотья старой, так называемой «воинской чести» мы выбросили как ненужный хлам вместе с первым вылетом этих гнусных бактериологических торпед. Кого же, в таком случае, предал Том Даунли? Тех, кто финансирует все это дело? Тех, кто ждет от него прибыли? Я лично не имею ничего против такого предательства. Вот что. Знаю, я неспособен к активным действиям. Ты говоришь, что я — пацифист. Но... меня хватит на то, что я задумал.

В комнате стало тихо. Дик молчал. Он не находил ответа. Наконец он сказал:

— Ты пойдешь вслед за ним?..

— Не знаю. Я еще не решил окончательно. Однако...

Резкий стук в дверь не дал ему закончить. Голос из-за двери выкрикнул:

— Телеграмма лейтенанту Гордону!

Дик в недоумении открыл дверь: откуда, от кого? Но вместо почтальона в комнату вошел высокий мужчина в полицейской форме. За ним у двери стояло еще несколько полицейских. Вошедший остановился посреди комнаты и спросил:

— Кто из вас сублейтенант Джон Уолтерс?

— Это я, — ответил Джонни, ничего не понимая.

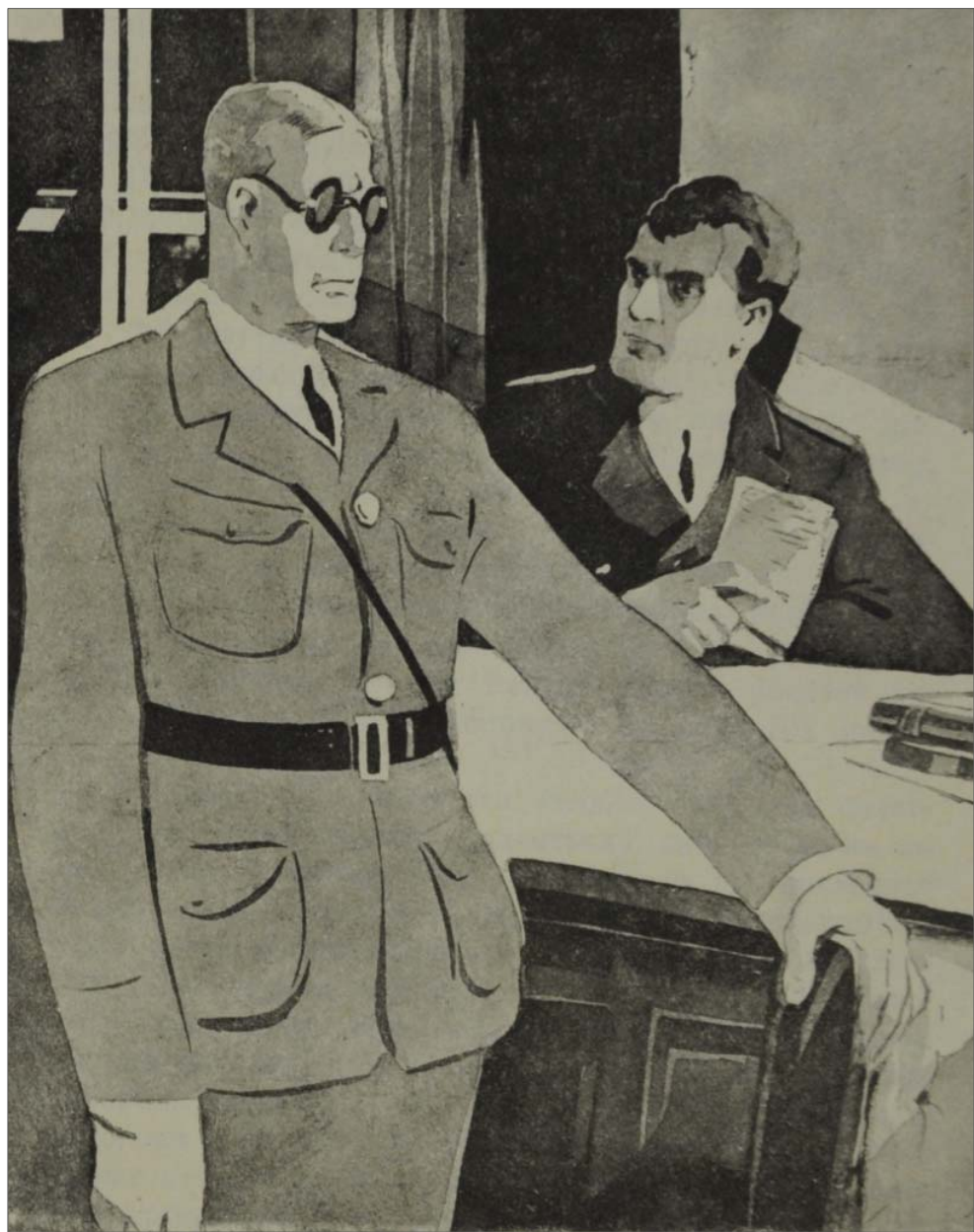
Агент сделал знак полисменам. Они подошли к Джонни и окружили его.

— Вы арестованы, Джонни Уолтерс, — сказал высокий человек. — Арестованы, как государственный преступник. Обыскать его!

Ловкие руки полисменов полезли в карманы Джонни.

— Я не понимаю, — начал было Гордон, — в моей квартире...

— Простите, лейтенант, — вежливо и спокойно перебил его полицейский агент. — Вот приказ арестовать Джона Уолтерса. Извините, что мне пришлось сказать про телеграмму. Это — обычное средство, чтобы никого заранее не беспокоить.

Полисмены положили на стол все, что нашли у Джонни. Полицейский агент быстро все просмотрел и радостно схватил листы, которые Джонни зачитывал Дику:

— Вот! Как вы получили это письмо?

Джонни молчал с выражением отвращения на лице.

— Не желаете отвечать? Ладно. Прошу следовать за мной. Надеюсь, нам не придется применить силу?..

Полицейские повели Джонни. На пороге он обернулся и сказал:

— Пока, Дики! Дело не кончено — и наш разговор тоже...

Полицейский агент вежливо козырнул Дику — очевидно, относительно Гордона он получил другие инструкции — и вышел вслед за Джонни. Дик остался один. Он ничего не понимал. Все случилось так неожиданно, что казалось сном. Джонни арестован?.. За что?..

И вдруг Дик вспомнил фразу из письма Тома Даунли:

«...Я не уверен, дойдет ли до тебя это письмо...»

Выходит, — письмо кто-то читал? Кто-то знал о нем, ведь агент сразу схватил его?.. Дик глубоко вздохнул: дело оборачивалось совсем плохо. Джонни грозила серьезная опасность. Надо спасать его. К кому пойти, чьей помощи искать? И вдруг Гордон решил: ему поможет генерал Ренуар. Да, именно генерал Ренуар. К нему, скорее!..

Морис Ренуар сидел в удобном кресле и внимательно слушал радио. Было время послеобеденного отдыха. Правда, в последние дни генерал Ренуар немного изменил свои привычки и перестал после обеда слушать любимую музыку. Каждый день, пообедав, он переключал приемник на волну Москвы и слушал советские передачи. Генерал Ренуар хотел иметь исчерпывающие и всесторонние сведения о состоянии военных действий. Его, очевидно, не удовлетворяли официальные сводки штаба Первой армии.

Генерал слушал радио, когда адъютант, неслышно войдя в кабинет, доложил, что лейтенант Гордон просит раз-

решения его видеть. Морис Ренуар сделал рукой знак, означавший «просите» — и продолжал слушать дальше.

Вошел Гордон. Генерал Ренуар молча показал рукой на кресло и жестом предложил слушать. Дик услышал:

«...империалисты, пытаясь спасти положение и деморализовать советский тыл, пошли на новое вопиющее преступление. Нарушая все постановления международных конференций, они перешли к бактериологической войне. Они тайно направили на Москву отряд аэроторпед с культурами инфекционных болезней. Нечего и говорить о дикости подобных средств борьбы. Нечего удивляться, что империалисты нарушили свои собственные торжественные акты, запрещающие бактериологическую войну. Ведь известно, что такие запреты и обещания они дают только для того, чтобы лучше скрыть свои истинные намерения. Но об этом новом преступлении должны узнать пролетарии всего мира. Пусть знают империалисты, что это им не поможет, как не помогли все их предыдущие атаки. Советский Союз вынужден обороняться — и новое преступление империалистов вызовет новую волну энтузиазма трудящихся СССР, который разобьет стаю международных шакалов с помощью пролетариев капиталистических стран...»

Генерал Ренуар улыбнулся — и закурил новую сигарету.

«...Красная армия вынуждена перейти к решительным действиям. Империалисты должны убедиться, что они будут побеждены их же оружием, техникой, которой управляет рука пролетария. Трудящиеся капиталистических стран! Беритесь за оружие, поднимайтесь против власти “культурных” дикарей, дело вашего освобождения — дело ваших собственных рук...»

Движением руки генерал Ренуар оборвал звуки из репродуктора.

— Дальше неинтересно, — сказал Ренуар. — Что скажете, Гордон?

— Полиция арестовала моего помощника Джона Уолтерса, господин генерал.

— За что?

— Я не знаю. Он получил письмо от нашего школьного товарища Тома Даунли, где тот написал, что переходит на сторону советских войск. Но при чем здесь Уолтерс? Я пришел, господин генерал, просить вас принять меры к освобождению Уолтерса.

— Освободить?.. Хм, говорите — письмо?..

Генерал Ренуар достал из ящика стола небольшую бумагу и просмотрел ее.

— Да, — наконец сказал он, — да. Теперь понимаю. Я лишь мельком просмотрел это письмо — мне было некогда. Да. Полиция известила меня. Да, Уолтерса арестовали. Вы говорите, что он не виноват? Вы можете взять на себя личную ответственность за него и его поведение?

— Да.

— Хорошо.

Генерал нажал кнопку звонка. Не успел он убрать палец с кнопки, как в комнату быстро вошел адъютант:

— Простите, господин генерал, депеша из штаба.

Морис Ренуар взял узенький листок бумаги и громко прочитал:

«Ночью совершено воздушное рейдовое нападение на центры Швабии тчк советские самолеты разрушили бомбами важнейшие промышленные объекты тчк все указывает на самолеты типа ракетных тчк из-за их огромной скорости невозможно принять меры обороны тчк немедленно организуйте защиту центров эскадрильями истребителей и автожиров мобилизовав все силы тчк рейд советских самолетов продолжается».

Генерал заметно побледнел. На висках у него заходили желваки — верный признак волнения. Он бросил депешу на стол и крикнул адъютанту:

— Немедленно прямую связь со штабом!

— Уже готово, господин генерал. Штаб только что вызвал вас по прямому проводу. Аппаратная ждет вашего сигнала, — ответил адъютант.

— Включите микрофон и репродуктор.

Генерал подошел к столу и тяжело опустился в кресло. Репродуктор проговорил:

— Алло, генерал Ренуар! Вы получили нашу депешу?

— Да. Прошу подробнее информировать меня.

— По нашим данным, скорость советских самолетов составляет более тысячи километров в час. Судя по всему, их маршрут пролегает широким полукругом над юго-восточными районами Швабии. Безусловно, это самолеты с ракетными двигателями — ничто другое не может придать им такую скорость. Кроме того, у них, очевидно, есть и обычные двигатели, потому что во время бомбежки они значительно уменьшают скорость — до стандартной для современных бомбовозов. Разрушены военные заводы в Дрезнау, Ойсбурге и Файбурге. Только что пришла депеша о появлении самолетов над Шпильгартом. Это говорит о том, что они повернули обратно на восток. Есть основания ожидать дальнейшего развертывания этого рейда.

Гордон видел, как генерал Ренуар сжимал кулаки. Он еле сдерживал себя. В конце концов он ответил:

— Неужели нигде не была организована контратака?

— Это было невозможно. Советские самолеты появились неожиданно. Наши специалисты считают, что весь путь они проделывают в стратосфере и снижаются лишь в районе объектов нападения. Такая молниеносная скорость до сих пор нигде не наблюдалась. Вот почему штаб обращается к вам. Должен сообщить еще и о том, что из-за этого рейда советских самолетов в южной Швабии начались социальные революционные волнения. Информационные пункты сообщают, что по улицам Дрезнау, Ойсбурга, Файбурга и Герлина движутся огромные демонстрации рабо-

чих с лозунгами против войны с Советским Союзом и требованиями немедленно принять меры против войны, которая прежде всего наносит ущерб самой Швабии...

— Ладно. Достаточно. Все ясно. Прошу регулярно информировать меня о дальнейшем продвижении самолетов. Принимаю меры.

Генерал Ренуар взял себя в руки. Он быстро что-то записывал в блокнот. Гордон, глядя на него, вспомнил последние фразы советской радиопередачи о том, что Красная армия вынуждена перейти к решительным действиям. Да, эти слова явно подтверждаются... Ракетные самолеты, летящие в стратосфере, на высоте более пятнадцати километров... Это было ужасной угрозой. Самолет летит на недостижимой высоте, на которой его даже нельзя заметить. И только в районе объектов нападения он снижается, молниеносно бомбардирует свою цель, так же быстро взносится вверх, исчезает в небе — и мчится дальше, к следующей цели...

Морис Ренуар закончил делать записи. Он нажал кнопку на пульте коммутатора громкоговорящего телефона, установленного на столе. Громкоговоритель сразу ответил знакомым голосом механика Миети:

— Аппаратная слушает, господин генерал.

— Слушайте, Миети. Все имеющиеся у нас аэроторпеды с бактериологической начинкой должны немедленно стартовать по трем направлениям: Ленинград, Москва, Харьков. Вы отвечаете за то, чтобы этот старт состоялся не позже, чем через час.

— Есть, господин генерал.

Палец генерала Ренуара нажал следующую кнопку. Репродуктор ответил глуховатым голосом Гагарина:

— Слушаю, господин генерал.

— Гагарин, вы, во главе объединенных шестой, седьмой, девятой и одиннадцатой эскадрилий истребителей немедленно вылетаете в район Бресвица и Глейсау. Судя по всему, рейд советских ракетных самолетов закончится именно там — бомбардировкой этих двух городов. Любым способом вы должны остановить этот рейд и уничтожить

советские самолеты. Но имейте в виду — они ракетные. Помните нашу вчерашнюю беседу о тактике стратосферного самолета? Она вам поможет. Не пускайте их вверх — там они недостижимы, отрезайте их от неба, тогда вы их легко разобьете, так как на малых высотах они достаточно неповоротливы. Понятно?

— Есть, господин генерал.

Следующая кнопка включила связь с Альбертом Райволой. Еще спокойнее, почти обычным, размеренным голосом генерал Ренуар приказал:

— Я поручаю вам, Райвола, новую операцию. Всем имеющимся у вас автожирам совместно с истребителями Гагарина немедленно вылететь в район Бресвица и Глейсау и занять позицию на высоте до четырех тысяч метров. Вы будете ждать появления советских ракетных самолетов. Они должны бомбить эти два города. Итак, Гагарин совершит контратаку советских самолетов своими объединенными силами истребителей. Задача ваших автожиров — отрезать советским самолетам путь наверх. Понимаете? Гагарин их встречает, а вы ударите по ним с тыла, сверху. Любой ценой — операция должна уничтожить этот ракетный отряд. Он окажется между двух огней. Однако не забывайте, что главный удар наносят истребители. Вы должны блокировать, отрезать им путь наверх.

— Есть, господин генерал.

Теперь генерал Ренуар закурил сигарету. Он еще раз просмотрел свои записи и только тогда вспомнил про Дика Гордона.

— Я очень сожалею, Гордон, что для вас во время этой операции нет подходящей работы. Ведь вы, с вашими танками, к большому сожалению — чисто земное создание...

Гордон улыбнулся:

— Нет, генерал, я все же делаю небольшие попытки оторваться от земли. Ведь мои танки прыгают.

Ренуар засмеялся. Ему понравилась шутка Гордона. Он быстро написал что-то на листке бумаги, приложил свою личную печать и протянул написанное Гордону:

— Но помните, отпускаю Уолтерса под вашу ответственность. Полиция отдаст его вам. Однако же, я не уверен, что она выпустит его из-под надзора. Не забывайте этого. Вторично я буду бессилён помочь. Вы свободны, Гордон.

Выйдя из кабинета, Дик с любопытством глянул на записку, которую дал ему генерал. Там значилось:

«Управлению политической полиции.

Прошу освободить арестованного Джона Уолтерса, необходимого мне для выполнения моих задач. Вечером пришлите ко мне начальника восьмого отдела.

Генерал *Ренуар*».

Всесильному человеку достаточно было нацарапать записку, чтобы полиция освободила арестованного. Через полчаса Дик вместе с Джонни ехал в полицейском автомобиле. Джонни радостно смотрел в окно и говорил:

— Дики, Дики, плохие времена настали. Я ещё ничего не знаю, но... но в чём-то Том был прав... Эх, интересно было бы с ним поговорить!..

Действительно, Джонни Уолтерс был своеобразным человеком, которого не мог исправить даже арест...

ИМЕНЕМ СОВЕТА МАТРОССКИХ ДЕПУТАТОВ

В тот же вечер телеграф принес удивительные и страшные известия с Северного моря. Известия, огорчившие все центральное командование, в частности — командование непобедимого Великосакского флота. Мы приведем здесь не краткие телеграфные сообщения, а используем подробный доклад адмирала Лайка Велзона, командующего объединенного великосакского флота Атлантического океана, который должен был проводить большую блокаду в Северном море, закрывая все выходы из Балтийского моря между 63 и 65° северной широты. Адмирал Лайк Велзон направил этот развернутый доклад морскому министру, и он остался в архивах министерства, где его теперь можно легко найти, чтобы дополнить наше повествование более подробной информацией об указанных событиях — информацией, приложенной к основному докладу.

Как мы уже сказали, эскадра адмирала Велзона блокировала выходы из Балтийского моря. После злополучной операции адмирала Шеклсберри, великосакская эскадра больше не заходила в Балтийское море, неся, главным образом, патрульную службу и перерезая морские пути Советского Союза. Как всем было известно, СССР не располагал крупным военным флотом, который мог бы решиться на открытое сражение с великосакскими гигантами под командованием адмирала Велзона. СССР не имел даже подводных лодок — этого страшного оружия морской войны. Сомнений здесь не было: служба информации морского министерства его величества сакского короля работала достаточно хорошо.

Итак, блокирующие операции эскадры в Северном море отличались скорее учебным характером. Корабли занимали свои позиции, лениво покачиваясь на волнах. Единственные из моряков, кому выпадала некоторая нагрузка —

это дежурные наблюдатели, внимательно осматривавшие горизонт, напрасно пытаюсь заметить что-то подозрительное. Делалось это, пожалуй, просто для того, чтобы выполнить приказ. Каждому, от самого адмирала до последнего матроса, было ясно, что ни один советский корабль не появится здесь, не пойдет сюда искать свою гибель.

После событий на дредноуте «Скотленд», команда которого восстала и под красным флагом увела свой корабль к портам Советского Союза, командование очень внимательно следило за настроениями моряков. Но дредноут «Скотленд» числился в составе Тихоокеанской эскадры, где, как известно, дисциплина была не такой строгой, как в Атлантической эскадре, славившейся железным порядком. И все же адмирал Велзон возлагал большие надежды на свою политическую службу, регулярно представлявшую ему сведения о каждой команде.

Так или иначе, эскадра четко совершала все маневры, направленные на то, чтобы не пропустить без досмотра ни одного корабля, шедшего с запада на восток и с востока на запад. В то утро крейсер «Плимут» задержал подозрительное испанское судно; но предъявленные его капитаном документы показали, что судно плывет в Дамбург по торговым делам. По всем признакам, тем и должны были исчерпаться события этого дня.

Эскадра вытянулась в длинную линию с юга на север, вдоль 8-го градуса восточной долготы от Гринвичского меридиана. Адмирал Велзон только что закончил разговор с Ньюхаррисом, где загружала уголь часть его эскадры, которая должна была заменить четыре корабля с ненадежными, по сведениям политической службы, командами. Адмирал Велзон выяснил все, что его интересовало и, довольный, вернулся в свою каюту на флагманском дредноуте «Лондондери».

В это время наблюдатель на крейсере «Линкольн», утомленный уже подходившим к концу длинным дежурством, выругался сквозь зубы и перестал осматривать горизонт.

— Черт его знает, кого мы здесь ждем,— пробормотал он и, нарушая строгие приказы, со злостью плюнул вниз.

Свежий ветерок отнес плевков от мачты, с которой он глядел на восточный горизонт, к западному борту корабля.

Наблюдатель лениво проследил за его падением, посмотрел, как белое пятнышко исчезло за бортом и вздрогнул. Ему показалось, что далеко в море он увидел перископ подводной лодки. Перископ блеснул и скрылся под водой.

Вахтенный протер глаза: откуда тут могла взяться подводная лодка?.. По уставу, он был обязан сообщить об этом дежурному офицеру; однако, он был уверен, что над ним только посмеются. И наблюдатель промолчал, принявшись снова всматриваться в море на востоке и лишь изредка с любопытством поглядывая на запад: может, еще что-нибудь почудится...

Вероятно, именно из-за этого дальнейшие события развивались столь стремительно. Внезапно, в полной тишине, раздался оглушительный взрыв. Гигантский смерч поднялся над водой, закрыв место, где только что стоял крейсер «Линкольн». Это было так неожиданно, что все живое на крейсерах и дредноутах замерло, остолбенело, ошарашенное взрывом. Водяной смерч, зависнув в воздухе на несколько секунд, медленно опал, расходясь в стороны. Крейсер «Линкольн» был разломан надвое; его корма и нос поднялись высоко над водой, наклоненные друг к другу мачты сошлись над высокой волной, выросшей посредине. После этого обе половины крейсера стали погружаться так быстро, словно их увлекала вниз чья-то гигантская рука. Команда не успела спустить ни одной шлюпки: вращаясь вокруг общей оси, обломки крейсера исчезли под зеленой поверхностью воды, оставив после себя большой водоворот, покрытый седой пеной.

Мелькнула чья-то голова, показались чьи-то руки, но мощный водоворот поглотил все...

Никто не успел и рта раскрыть, чтобы что-нибудь сказать, как новый взрыв потряс воздух: еще один смерч накрыл крейсер «Девентри», стоящий на расстоянии в полтора километра от погибшего «Линкольна». Повторилось такое же ужасное зрелище — с той лишь разницей, что «Девентри» не разломился на две части: взрывом ему отор-

вало корму. Крейсер накренился, глубоко нырнул носом в волны и медленно перевернулся: сначала набок, а потом и вовсе килем вверх. Словно скользя по невидимой горке, он по косой линии ушел под воду...

Все. Невероятная, непереносимая тишина упала на корабли эскадры адмирала Велзона. Только тяжело бились о борта большие волны, порожденные водоворотом...

Адмирал Велзон растерялся. Он дважды набирал воздух в грудь, чтобы отдать какой-нибудь решительный приказ, и останавливался: что приказать, что делать?.. Наконец, он начал:

— Радио по эскадре...

И не закончил: к нему стремительно бежал дежурный радиотелеграфист, державший в руке узенький листок бумаги. Нарушая все статьи положения о службе на флагманском корабле, радист бросился прямо к адмиралу и подал ему бумажку:

— Телеграмма с подводной лодки «Скаут», — с трудом переводя дух, доложил он.

Адмирал поднес листок к глазам и прочитал несколько слов. Рука его дрогнула: нет, не может быть, это какой-то кошмар!.. Но автоматический аппарат четко напечатал на бумаге слова невероятной депеши:

«Флагманский дредноут “Лондондери”, адмиралу Велзону. Предлагаем вам немедленно сдаться, подняв, от имени всей эскадры, белый флаг на вашей главной мачте. В противном случае корабли вашей эскадры взлетят на воздух, как это произошло с “Линкольном” и “Девентри”. Торпедные аппараты направлены на корабли эскадры. Даем на размышление двадцать минут. В течение этого времени вы не имеете права двигаться — любое судно, которое тронется с места, будет немедленно уничтожено. Совет матросских депутатов флотилии подводных лодок бывшей Атлантической эскадры его величества короля Великобритании».

Это можно было бы принять за дикую шутку сумасшедшего, если бы рядом не виднелись на воде обломки погибших кораблей. Адмирал опустил руку с листком вниз. Он посмотрел вокруг. Взгляды всех офицеров, всех матросов были направлены на него, — вопросительные, непонимающие взгляды. Радист застыл на месте, ожидая распоряжений. В конце концов адмирал Велзон гордо выпрямился: честолюбивая кровь многих поколений сакских лордов подсказала ему решение.

— Приказ по радио для всей эскадры, — спокойно и холодно произнес он, — всей эскадре: на нас совершила нападение шайка бандитов, захватившая несколько подводных лодок нашей эскадры. Они грозят взорвать любой корабль, который сдвинется с места. Они требуют сдать в течение двадцати минут преступному Совету депутатов. Матросы славного великосакского флота! Сакские моряки! Кровь Нельсона, кровь старой великой Саксии зовет вас сокрушить бандитскую шайку. Огонь по подлодкам! К победе! За короля, за Саксию!

Слова адмирала прозвучали в полной тишине. Стенографиовавший приказ радист бросился в радиорубку. Адмирал, не спеша, гордо поднялся на капитанский мостик «Лондондери». Он ждал действий своей эскадры, начала артиллерийского обстрела подводных лодок: выполняя его приказ, в бронированные артиллерийские башни «Лондондери» уже было отправлено соответствующее распоряжение. Прошли долгие, томительные секунды — башни не повернулись, стволы гигантских пушек оставались неподвижными...

Адмирал оглянулся: к нему быстро шел капитан «Лондондери» Майкл Джерард. Его лицо было бледным, левая щека заметно подергивалась. Капитан приложил руку к фуражке и, с трудом произнося слова, доложил:

— Команда отказывается выполнять приказ. Артиллеристы заперлись в башнях.

Адмирал Велзон почувствовал, как горячая кровь ударила ему в голову. С яростью он приказал:

— Пулеметы! Огонь по бунтарям!

— Морская пехота захватила крьюйт-камеру и требует, чтобы офицеры сдали оружие. Часть офицеров заперта в кают-компаниях.

— Приказ моим морякам! Огонь по пехоте! — вновь так же гневно распорядился адмирал.

Вместо ответа капитан Майкл Джерард молча указал адмиралу рукой вниз, на палубу. Снизу на них смотрели холодные стволы пулеметов и морских карабинов. Отряд морской пехоты, смешавшись с матросами, осадил капитанский мостик, загоня наверх офицеров дредноута. Адмирал вцепился обеими руками в поручни мостика. Он увидел, как из толпы матросов вышел высокий мужчина с нашивками боцмана. Моряк сделал несколько шагов к мостику и громко, отчетливо проговорил:

— Хватит раздумывать, господин адмирал. Либо вы сдаетесь нам, либо мы открываем огонь из пулеметов. Жизнь ваших офицеров в ваших руках. Минута на ответ.

Его слова еще звучали в воздухе, когда адмирал схватился за карман, где лежал его браунинг. Но дрожащая рука капитана остановила его. Капитан Джерард тихо проговорил:

— Адмирал, мы бессильны...

Адмирал Велзон еще раз оглянулся вокруг. Он увидел, как побледневшие офицеры, не дожидаясь его приказа, доставали оружие, готовые положить его на палубу. Зоркие взгляды снизу следили за каждым их движением. Адмирал подвинулся ближе к перилам. Он драматическим жестом выхватил из ножен свой кортик. Сталь блеснула в лучах солнца. Резким движением адмирал Велзон сломал оружие о перила и бросил за борт. Затем он четко сказал:

— Прошу обеспечить всему офицерскому составу свободное возвращение домой, — и быстрым движением поднес к виску браунинг. Раздался выстрел, но пуля пролетела мимо. Молоденький мичман Ленсинг толкнул руку адмирала и выхватил браунинг, бросив его вниз...

Снизу поднимались матросы — с холодными враждебными лицами. Приказав поднять руки вверх, они обыскивали офицеров, отбирая оружие и уводя пленных вниз, в

кают-компанию. С палубы раздались громкие радостные возгласы:

— Да здравствует революция! Да здравствует Совет матросских депутатов!

На верхушку главной мачты быстро поднимался красный флаг.

...Адмирал шел по палубе, низко опустив голову. Но перед ступенями, ведущими в кают-компанию, он поднял глаза и с тайной надеждой посмотрел в сторону: откуда-то доносились выстрелы из ружей, сухо затрещал пулемет. Недалеко, метрах в ста пятидесяти, стоял крейсер «Айрленд»: выстрелы слышались оттуда. Адмирал увидел, как на его мачте также стал подниматься красный флаг, увидел, как с капитанского мостика упали, размахивая руками, две фигуры в офицерской форме. Низенький матрос с карабином, шедший рядом с адмиралом, весело сказал:

— Ишь, как полетели! Пусть не пробуют сопротивляться нашей власти...

Адмирал снова склонил голову — и уже не поднимал ее.

...Через пятнадцать минут из воды появились мачты подводных лодок. Мокрые, как дельфины, закачались на волнах их спины, раскрылись люки: оттуда выпрыгнули фигуры матросов и приветливо замахали руками. Их встретили радостные приветственные крики с дредноутов и крейсеров, встретили красные флаги на мачтах. Высокий моряк с боцманскими нашивками, тот самый, что говорил с адмиралом Велзоном, крикнул в мегафон:

— Эй вы, бандиты чертовы! Сгодятся вам наши новые флаги? Не потребуете ли обязательно белого флага, а?.. Почему-то нам больше нравится красный цвет, только боимся, не утопите ли вы нас за то, что мы не сдаемся?..

Дружный хохот заглушил его слова. Мачты подводных лодок украсились красными флагами. Радио «Лондондери» передавало:

«Всем кораблям эскадры. Немедленно присылайте по десять делегатов на “Лондондери” на заседание Со-

вета эскадры для выборов Исполнительного комитета. Немедленно присылайте делегатов».

Вечером от эскадры отделился небольшой миноносец «Трафальгар» и быстро пошел на запад. Им командовал капитан Джерард. В кочегарке, у машин, у руля стояли одни офицеры; на миноносце не было ни одного матроса. Также на миноносце не было ни одного минного аппарата, с орудий были сняты замки, со складов выгружены все снаряды. В капитанской каюте лежал, неподвижно уставившись в потолок, адмирал Велзон.

Миноносец «Трафальгар» шел к берегам старой Саксии, унося туда то, что осталось от Атлантической эскадры его величества короля Великосаксии. Совет матросских депутатов эскадры решил учесть просьбу адмирала и отправить в Саксию всех офицеров, отдав им разоруженный миноносец.

В синих вечерних сумерках уходили на восток тяжелые силуэты дредноутов и крейсеров. Эскадра под красными флагами плыла к берегам еще далекого Советского Союза — создавать большой военный флот СССР. Дежурный член Исполнительного комитета Совета матросских депутатов эскадры сидел в каюте адмирала Велзона и в последний раз проверял воззвание эскадры ко всем матросам и солдатам. Через полчаса радиоприемники всех кораблей в океане, приемники всех городов Европы, приемные станции телеграфных агентств с удивлением принимали неслышанную депешу; там, не веря своим глазам, дрожащими руками записывали слова, посылаемые мощным радиопередатчиком дредноута «Лондондери»:

"Всем, всем, всем! Всем матросам кораблей, которые плывут или стоят в гаванях, всем солдатам, находящимся на фронтах или ждущим отправления, всем пролетариям, всем трудящимся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Слушайте воззвание Исполнительного комитета Совета матросских депутатов Атлантического

революционного флота. Сегодня в 2 часа дня власть и командование эскадрой перешли в руки Совета матросских депутатов. Эскадра обсудила программу действий и решила идти к берегам Советского Союза, к своему социалистическому отечеству. Все офицеры эскадры обезоружены и отправлены в Саксию, где они смогут рассказать подробности революции на флоте. Революционная эскадра постановила в дальнейшем называться именем “III Интернационала”. От имени всех матросов, Исполнительный комитет призывает всех моряков, всех солдат немедленно повернуть оружие против офицеров, брать власть в свои руки, избирать Советы матросских и солдатских депутатов. Призываем к революции, товарищи! За власть Советов во всех странах Европы! Да здравствует великий Советский Союз, к которому присоединятся все национальные советские республики Европы и мира! Да здравствует всемирная революция!

Исполнительный комитет совета матросских депутатов Атлантического революционного флота им. III Интернационала.

В телеграфных агентствах бегали встревоженные люди, не зная, что делать. Приемные станции газет передали содержание воззвания в редакции, но ловкие и решительные до сего времени редакторы боялись взять на себя ответственность, помещая в газетах неслыханное воззвание. В Лондре собрались на экстренное совещание министры. Сам сакский король, его величество сакский король, лежал у себя во дворце на кровати с компрессами на голове: его величество мучила жестокая мигрень. В центральном штабе командования боевыми действиями против Советского Союза царило граничащее с паникой замешательство.

А радиоволны безразлично несли в эфире все новые и новые сообщения:

«Советские ракетные самолеты, завершив бомбардировку Дрезнау, Ойсбурга, Файбурга и Шпильгарта, на большой высоте вернулись в Советский Союз. Все попытки перехватить их не дали результатов, потому что самолеты возвращались на стратосферной высоте, не снижаясь. Военные заводы в указанных городах разрушены».

«Социальная революция в Швабии. Уже извещалось о крупных демонстрациях рабочих, которые проходили сегодня днем на улицах крупнейших городов Швабии. Рабочие вооруженные отряды оборонялись от нападения полиции, пытавшейся разогнать демонстрации. На помощь полиции выступили ударные фашистские отряды национал-социалистов. Но подошли новые отряды рабочих, к ним присоединились воинские части. Стички перешли в настоящие уличные бои. Улицы и площади Герлина, Дрезнау и Шпильгарта перекрыты баррикадами. Объявлено военное положение по всей Швабии. Фашисты организуют мобилизацию национал-социалистических отрядов. Рабочие захватили авиационные базы и сформировали первый отряд бомбовозов, перед которым стоит задача вылететь на Герлин — штурмовать правительственные здания. Фашистское правительство объявило, что Швабия выходит из войны, потому что не может принимать на себя основные удары сухопутных и воздушных сил Советского Союза. Это является замаскированной уступкой требованиям рабочих, которые выдвинули лозунг “Долой войну с Советским Союзом”. Однако социальные бои не утихают. Рабочие недовольны постановлением фашистского правительства и требуют его отставки и передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

В эфир летели телеграммы, по Европе проносились отзвуки социальной революции, в Швабии шли уличные бои на баррикадах. Чья очередь наступала после Швабии?..

...Далеко на востоке, за линией фронта вставала гигантская фигура загадочного и непобедимого коммунизма, готовившаяся сделать решительный и непреодолимый шаг к охваченной паникой капиталистической Европе, которая лихорадочно вслушивалась в угрожающий треск автоматических радиоприемных аппаратов и с ужасом читала страшные депеши с севера, востока и юга...

ЖЕЛТАЯ ИМПЕРИЯ ВЫХОДИТ В ТИРАЖ

Генерал Ренуар был вне себя от ярости.

Он неожиданно потерял всю свою сдержанность, кричал, ругался и стучал кулаком по столу:

— Вы не мои помощники, а люди, не умеющие работать! Вы должны были уничтожить советские самолеты любой ценой. Я отдал вам категорический приказ. Позор! Мы до сих пор не сделали ничего, что оправдало бы наше существование. Что? Бактериологические торпеды? Ко всем чертям! Это было побочное задание, мы за него даже не отвечали. За эту операцию отвечал профессор Виртус. Я отказываюсь дальше работать с вами...

Помощники мрачно молчали. Ведь каждому было понятно, что их не в чем упрекнуть. Каждый понимал, что обычные истребители и автожиры, рассчитанные на нормальный полет, неспособны перехватить ракетные самолеты, несущиеся с небывалой скоростью в стратосфере на высоте пятнадцати километров над землей. Прекрасно знал это и сам генерал Ренуар. А кричал он, очевидно, потому, что у него были на то другие причины. Конечно, никто не пробовал доказать генералу, что поражение аэроторпед во время первой и второй операций не зависело от умения его помощников, так как обеими операциями руководил лично генерал Ренуар.

Немного успокоившись, генерал взялся за рапорты и информационные сводки. И почти сразу же убедился, что и операция с бактериологическими торпедами дала не вполне удовлетворительные результаты. Сводки сообщали, что значительная часть аэроторпед, запущенных в последний раз, была уничтожена советской артиллерией, просто расстреляна в воздухе. Аэроторпеды даже не пересекли линию фронта. А поскольку их уничтожили в воздухе над позициями Первой армии, культура бактерий промозглым ту-

маном опустилась на территорию, на которой находилась Первая армия. Случилось то, что порой происходило во время газовых атак, когда ветер внезапно поворачивал и дул назад, на позиции тех, кто проводил атаку. Газ, подгоняемый ветром, возвращался назад и отравлял собственные позиции атакующих.

Тревожные сводки говорили о начале серьезной эпидемии в частях Первой армии. Врачи констатировали не только обычный грипп, но и многочисленные случаи других инфекционных болезней.

— Ну, это меня не касается, — пробормотал генерал Ренуар, прочитав телеграмму. — Я могу отвечать только за грипп. Ведь в аэроторпедах была только эта культура...

Внезапно он замолчал. Генерал вспомнил, как он наблюдал за процессом зарядки торпед стеклянными кубиками с культурой бактерий и как уполномоченный института профессора Виртуса рассказал ему о возможности того, что аэроторпеды вместе с вирусом гриппа могут принести врагу и другие болезни. Как он выразился, этот уполномоченный...

«При массовом изготовлении культуры нет гарантии, что она будет чистой и в нее не попадут другие бактерии».

И потому вполне возможно, что другие болезни в частях Первой армии были вызваны подобной загрязненной культурой... Генерал Ренуар яростно выругался: все, решительно все было против него!

Сегодняшние газеты принесли тревожные сообщения о новом рейде советских ракетных самолетов. Были ли это те же самолеты или другие — оставалось неизвестным. Утром советские ракетные самолеты появились над островами Желтой империи. Повторялось то, что уже было известно Европе по опыту швабских военных заводов.

Советские самолеты появлялись буквально из прозрачного голубого неба, неведомо — откуда, неизвестно — в каком количестве. Видимо, у них были очень точные карты, которые позволяли пилотам не тратить время на поиск нужных объектов.

По рассказам очевидцев, переданным по телеграфу и напечатанным в газетах, все произошло с ужасающей быстротой.

Чистое, прозрачное небо. Ни единого намека на возможную опасность или даже угрозу. Да и откуда взяться опасности?.. В море стоят дозорные корабли, которые должны немедленно сообщить по радио на остров о приближении морских или воздушных сил. Береговая охрана должна встретить такого врага огнем новейших зенитных орудий, наводимых на цель автоматически, по звуку самолета, специальными приборами. По самолету одновременно стреляют двенадцать пушек, беря его в огненное кольцо и уничтожая одним залпом. Ведь Желтая империя достаточно хорошо использовала все преимущества своего островного положения и была отлично защищена от нападения.

Гибель желтоимперского флота, спору нет, сильно пошатнула мощь островной империи. Но не весь же флот был отправлен к советскому побережью — в составе флота Желтой империи оставалось еще много кораблей. Правда, теперь эти корабли больше не отправляются в опасные экспедиции — только и всего.

Итак, чистое, прозрачное голубое небо — такое, какое бывает только в Желтой империи и еще, возможно, в Италии. Но в Италии нет таких горных вершин, покрытых снегом и словно вырезанных из бумаги. В гаванях спокойно стоят военные корабли, работают заводы, идет обычная жизнь — может, идет лишь немного быстрее, чем обычно, потому что желтоимперские военные заводы усиленными темпами производят все необходимое для развертывания военных действий, направленных на окончательный захват Камчатки. Об этом говорилось и в официальном сообщении правительства:

«Присоединение Камчатского полуострова является жизненной необходимостью для Желтой империи, так как без этого невозможно дальнейшее развитие благосостояния империи. Известно, что Камчатка издавна была совершенно отдельной страной, с которой ее

официальный хозяин — СССР имел весьма проблематичные отношения. Напротив, жизненные интересы Желтой империи с давних пор связаны с Камчаткой. Ныне камчатский народ требует независимости, он страдает под игом большевиков. Представители камчатского народа обратились к желтоимперскому правительству, защитнику всех угнетенных наций, с просьбой помочь им освободиться от большевистской неволи и образовать самостоятельное государство — Камчатау-Го. Братский камчатский народ знаком с историей развития и повышения благосостояния в новообразованном независимом государстве Хунхузоу-Го. Желтая империя не может ответить отказом на эту просьбу. Ближайшей целью военной экспедиции Желтой империи является помощь камчатскому народу в его стремлении создать независимое государство Камчатау-Го и назначение в новое правительство Камчатау-Го желтоимперских военных и экономических советников».

Итак, чистое и прозрачное небо. Ласковое солнце, ласковые планы доброго желтоимперского правительства по созданию Камчатау-Го. Развернута работа заводов, производящих оружие и военное снаряжение во имя скорейшего появления Камчатау-Го. Сплошная гармония — как на лакированной желтоимперской коробочке.

И вот дикая, непонятная неожиданность разрушает все планы. Где-то в глубине голубого прозрачного неба возникают черные точки. Эти точки растут, они падают вниз со скоростью метеоров. Они падают все ниже и ниже, их много, больше, чем можно было бы насчитать при такой сумасшедшей скорости падения.

Но возле самой земли черные силуэты, выросшие из загадочных точек, выравниваются. Падение прекратилось — над островом, над побережьем, над гаванями летят ужасные стальные птицы, разыскивая свои цели. Нет, они даже не ищут цели. Они минуют мирные села и города, с угро-

жающим рокотом мчатся, рассыпаясь в разные стороны, к военным заводам этой части острова, к военным гаваням, к секретным военным складам и базам. Они мчатся с такой уверенностью, словно самолетами управляют опытные желтоимперские пилоты, хорошо знающие расположение каждого военного предприятия.

Никто не успевает опомниться, зенитные батареи не успевают начать обстрел, когда в грохоте взрывов начинают пылать корпуса военных заводов, а водяные смерчи вздымаются на тихой глади портов. Еще несколько секунд — и самолеты круто возносятся вверх, исчезают в голубом небе, оставив после себя облака дыма и красное пламя пожаров. Земля словно салютует самолетам, исчезающим в прозрачной небесной глубине: им салютуют взрывы снарядов на военных складах, охваченных пожарами, им салютуют запоздалыми выстрелами пушки зенитных батарей... но увы, уже поздно, ни один снаряд не догонит самолет, потому что их уже нет, они исчезли, растворились в прозрачной лазури неба...

Побережье пылает, оно окутано дымовым одеялом, и все еще продолжают громовые взрывы: пожар все глубже и шире охватывает склады, огонь доходит до глубочайших подвалов, выброшенные вверх силой взрывов обломки взлетают в воздух на километры.

И тут начинается самое невероятное, такое, что превращает все в жуткий кошмар, подобного которому не знала мировая история. Раздраженная, потревоженная взрывами земля отвечает на них короткими конвульсивными сотрясениями; земля словно стенает, оскорбленная деяниями людей. Сотрясения распространяются дальше и дальше, они волнами пробегают по острову — и от этих подземных ударов рушатся высокие здания, падают фабричные трубы, огромная волна поднимается из океана и движется на берег, поднимая на себе корабли, неся их на скалы и разбивая вдребезги, а затем выбрасывая обломки на побережье. Волна выкатывается на берег, она движется по побережью в глубь острова — гигантская водяная стена, которая смывает все на своем пути, рушит, топит, чтобы че-

рез несколько минут отхлынуть назад и увлечь за собой в океан все, что схватила на суше...

Конечно, это было просто невероятным стечением обстоятельств. Разумеется, никакие взрывы не могли стать причиной землетрясения, операция загадочных самолетов просто совпала с началом землетрясения, явления достаточно привычного для Желтой империи, расположенной на вулканических островах. Но никакие объяснения, никакие уговоры не могли уменьшить катастрофических последствий этого совпадения.

Экстренные выпуски газет, опережая друг друга, захлебываясь, кричали о катастрофе в Желтой империи, подсчитывали убытки, констатировали, что Желтая империя утратила всю свою военную мощь, по крайней мере, на несколько ближайших лет. Главный же вывод был таким:

— Советский Союз избавился от необходимости думать о защите своих восточных рубежей и отныне может сконцентрировать все свои силы на западном фронте. Европа имеет все основания ожидать форсированного наступления Красной армии. Призрак коммунизма надвигается на Европу, большевики готовятся поглотить ее...

А грипп, посеянный в тылу Советского Союза бактериологическим аэроторпедами?.. А неизбежные последствия распространения эпидемии в глубоком тылу — разложение армии, потеря армией боеспособности?.. Неужели все это не поможет, не затормозит активных действий Красной армии?..

Газеты задавали все эти вопросы — и отвечали на них очень туманно, невнятно. Да, эпидемии распространяются, в Москве и в центральной части СССР остановилось несколько крупных заводов, но... но Советский Союз слишком велик, он имеет неограниченный резерв живой силы, он, как сказочный герой, черпает свою мощь из самой земли. Все наблюдения на фронте не дают оснований полагать, что Красная армия теряет свою боеспособность. Напротив...

Напротив, приходилось немедленно отправлять на фронт новые силы, чтобы укрепить Первую армию, где целые части уже были заражены гриппом. Военная цензу-

ра беспощадно вычеркивала из солдатских писем все опасные места; однако — тыл уже многое знал. Было известно, что части Первой армии отступили, что Красная армия ведет общее наступление, что советская кавалерия, при поддержке отрядов бронемашин и воздушных эскадрилий, совершила новый крупный прорыв фронта и теперь проводит стремительный рейд по ближайшим тылам, разрушая пути сообщения. Слухи ширились, росли, как бывает всегда, когда официальная информация что-то недоговаривает, оставляя почву для разговоров шепотом.

Наиболее чутко реагировала биржа. Акции желтоимперских предприятий, желтоимперские ценные бумаги никто не покупал; продавцы уже перестали надеяться, что их кто-либо приобретет. Швабские ценные бумаги шли за десятую часть обычной стоимости. Биржа в Герлине закрылась; биржи в других европейских столицах работали раз в три дня, механически фиксируя официальные курсы ценных бумаг, полученные от министерств финансов. В конце концов биржа утратила свою роль и свой вес. Подобно крысам, бегущим с обреченного на гибель корабля, первыми бежали из охваченной паникой Европы биржевые короли, продав все свои ценные бумаги и приобретя американские акции или же золото и бриллианты.

Родился новый вид спекуляции — билетами на пароходы. В очередь на океанские суда, отправлявшиеся из Европы в Америку, записывались на десятки дней вперед. Ловкие агенты торговали билетами, продавая их в пятьдесят-шестьдесят раз дороже цены. Если несколько дней назад это было еще очень дорого, то теперь, когда Европа узнала о восстании великосакской эскадры, перешедшей на сторону СССР, узнала об ужасных событиях в Желтой империи, развязывавших руки Советскому Союзу для активных действий на западном фронте, — цены на океанские билеты взлетели еще выше. Европа, капиталистическая Европа — убегала, прихватывая с собой все ценности, которые можно было уместить в чемоданах...

А вдогонку ей летели новые телеграммы, новые страшные известия:

«Эпидемия гриппа охватывает лимитрофные государства. Целые районы превращаются в пустыни, где некому ухаживать за больными».

«Эпидемия гриппа в частях Первой армии медленно, но неудержимо сменяется эпидемией дизентерии с большим количеством смертельных исходов. Лазареты переполнены, больных везут в тыл целыми составами. В больших городах под лазареты мобилизуются дворцы и здания общественных учреждений. Министерство здравоохранения спешно проводит ряд мероприятий, направленных на то, чтобы задержать эпидемию и не допустить ее распространения в тылу...»

Профессор Виртус, вызванный на экстренное заседание Совета «Заинтересованных Держав», делал информационный доклад о результатах применения бактериологических торпед. Сэр Оунли и маршал Кортua вновь поменялись местами: теперь сэр Оунли мрачно смотрел в стол, а маршал Кортua нападал. Генерал Ренуар сидел на своем месте и хотел только одного: чтобы никто ни о чем его не спрашивал... Профессор Виртус говорил с запальчивостью ученого, насильно оторванного от работы в лаборатории:

— Когда ко мне обратились представители Совета Заинтересованных Держав и предложили немедленно дать информацию о возможности бактериологического нападения на СССР, я сразу откровенно ответил, что это слишком опасное оружие. Сэр Оунли предлагал развернуть нападение остро-инфекционными культурами, вызывающими ужасные болезни, такими, как чума или тиф...

Профессор Виртус резко махнул рукой:

— Однако я категорически отказался. Потому что, если бы сэр Оунли осуществил свои планы, чума продвигалась бы теперь в глубь наших стран. Но я не мог ничего сделать: представители Совета в лице сэра Оунли решительно требовали план бактериологического нападения. Тогда я предложил культуру гриппа, предупредив, что и эта культура в

условиях массового производства не может быть гарантированно чистой, в нее всегда могут попасть культуры бактерий других болезней. Представитель Совета заявил мне, что тем лучше, ибо, по его словам, мы сделаем неожиданный подарок СССР в виде других болезней...

Генерал Ренуар взглянул на сэра Оунли: так вот, значит, кому принадлежали слова, которые он слышал в качестве шутки профессора Виртуса!..

— Я сделал все, чтобы обеспечить безопасность во время зарядки торпед. Мне известно, что во время работ не было ни одного случая заражения. Однако — все остальное было вне моей компетенции. Все эти случаи массовых заболеваний в частях Первой армии, в лимитрофных государствах и так далее — результат, который нельзя было предотвратить. Более того, эпидемия дизентерии также является следствием слишком форсированного производства культуры гриппа, которое проводил мой институт под давлением представителей Совета Заинтересованных Держав... Больше я ничего не могу вам сказать. Я ученый, а не военный человек. Я всегда был против того, чтобы моя работа использовалась в военных целях. Я закончил.

Собственно, добавить к словам профессора Виртуса было нечего. Маршал Кортюа снова выступил с речью, требуя развертывания военных действий позиционного характера, сэр Оунли попытался доказать, что он вообще был против бактериологической войны и его просто не так поняли на том заседании Совета, что постановило начать бактериологическое наступление. Дальнейшие дебаты были лишены интереса — и генерал Ренуар был рад, когда заседание закрылось, постановив отправить на фронт всех руководителей отдельных отраслей технического обеспечения армии — в том числе и его самого.

Той же ночью генерал Ренуар вместе со своими помощниками в специальном вагоне мчался на восток, к линии фронта — принять на себя непосредственное руководство военными операциями. Его помощники также получили подробные инструкции. В купе Альберта Райволы и Сергея Гагарина было темно, как и в купе генерала Ренуара. В ку-

пе Дика Гордона и Джонни Уолтерса светилась маленькая лампочка. Джонни Уолтерс сидел на диване, где лежал Дик, и горячо говорил шепотом:

— Мой дорогой Дики, я решил окончательно. Я не могу больше. Я хочу выкарабкаться из этого безумия. Дики, вспомни то злосчастное письмо Тома Даунли — разве наш старый товарищ не оказался абсолютно прав?.. Ты говоришь — измена? Но я уже спрашивал тебя: кого он предал, кого я предаю?.. У тебя нет ответа на мой вопрос. Дики, ты знаешь, я не могу сделать это без тебя. Я не могу бросить тебя. Умоляю тебя: хватит ненужной игры в благородство! Для кого она, эта игра?..

Джонни схватил Дика за руку:

— Я уверен, что все движется к логическому концу. Тут уже ничем не помочь. Но если мы будем и дальше помогать в осуществлении планов нашего генерала Ренуара и иже с ним — мы только станем причиной лишнего кровопролития. Понимаешь ты или нет? Чем скорее закончится все это, тем лучше. Дики, отвечай! Дики, от твоего ответа зависит и моя судьба, ведь сам я не смогу осуществить свои планы, ты же знаешь мой характер...

Голос Джонни дрожал, он сильно волновался, вкладывая в свои слова всю душу, пытаясь убедить Дика. Но Гордон молчал, задумчиво глядя на лампочку.

Поезд мчался на восток. Это был экспресс. Он не останавливался на мелких станциях; плавно покачиваясь, он мчался стрелой, ежеминутно приближаясь к еще далекой линии фронта.

— Дики, — умолял Джонни, — Дики!..

Дик Гордон упрямо молчал, покачиваясь на мягком диване.

— Дики!..

Наконец Гордон таким же шепотом ответил, подняв голову и наклонив ее к Уолтерсу:

— Погоди немного, Джонни. Я обещаю ответить тебе, но дай мне еще немного времени. Мне надо еще чуть-чуть подумать. Завтра я дам окончательный ответ. Хорошо?

И две крепкие руки встретились в дружеском пожатии.

ЛЕДЯНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

На четырнадцать километров отступили части Первой армии, на четырнадцать километров на запад. Здесь Первая армия перешла через реку Жлейку и закрепилась на ее западном берегу, уничтожив за собой все средства переправы — мосты, паромы и тому подобное. Красная армия также вынуждена была остановиться: путь ей преграждала Жлейка.

Окопы расположились по обоим берегам реки. Она была не широка, но артиллерийские батареи Первой армии хорошо пристрелялись к ней — и отвечали ураганным огнем на малейшую попытку навести понтонные мосты для переправы. Более того, западный берег реки был выше восточного. Еще до начала военных действий этот берег был превращен в мощную крепость. Забетонированный, с тайными ходами и пулеметными гнездами, — западный берег смотрел на реку холодными стволами пушек и пулеметов, готовыми в любую минуту залить реку на всю ее ширину свинцовым и стальным дождем.

Красная армия предприняла несколько попыток форсировать реку, но ничего не вышло. Пулеметный и орудийный огонь с другого берега косил людей, не позволяя им даже приблизиться к воде. Советская артиллерия пробовала обстреливать забетонированный берег, чтобы уничтожить батареи и пулеметные гнезда. Однако они были отлично замаскированы и попадание снарядов могло быть только случайным. Ничего не дала и авиаразведка: с самолета и вовсе нельзя было обнаружить замаскированные объекты.

Участок фронта замер. Первая армия довольствовалась тем, что оставалась на своих позициях, где ей не грозило нападение. Красная армия, очевидно, не имела возможности развернуть активные действия. Состояние фронта на этом участке можно было охарактеризовать как всецело

позиционное, без малейших перспектив решительного наступления как с запада, так и с востока.

Так прошло несколько дней. Советские окопы были расположены на расстоянии километра от берега: подойти ближе не позволял огонь вражеских батарей и пулеметов. Командование этого участка Первой армии было довольно: советские части не двигались с места. Их наконец-то удалось парализовать. В последние дни советские траншеи не подавали почти никаких признаков жизни. Ленивая перестрелка шла весь день, но ни одна из сторон не считала целесообразным зря тратить снаряды и патроны.

Однако полковник Ницберг, командир участка, обладал большим военным опытом и не забывал о настоятельной необходимости всегда быть на чеку. По опыту прошлой войны он хорошо знал, что такие периоды затишья в конце концов всегда сменяются активными действиями. Одна из сторон (если не обе одновременно) обязательно использует такой период для подготовки, стягивания сил и организации удара.

Полковник собрал офицеров и еще раз проинструктировал их.

— Бесспорно, — сказал он, — наши позиции достаточно укреплены. Река, которую мы держим под обстрелом, — надежная защита. Однако советские траншеи стали что-то уж чересчур тихими. Я категорически требую от вас, господа, постоянного внимания. Вы должны следить за каждым шагом врага. Наш участок является исключительно важным для всего района. Если бы нам пришлось отступить — это повлекло бы за собой общее отступление всего фронта. Мы — ключ к фронту, прошу помнить это. Есть основания полагать, что советские части в ближайшее время вновь попытаются переправиться через реку. Мы должны отвечать жесточайшим огнем на всякую их попытку приблизиться к реке.

Зоркие наблюдатели, сменяя друг друга, следили за каждым движением в советских траншеях. Но ничего особенного они не замечали. Из траншей велась только ленивая, словно по обязанности, стрельба. Местность между совет-

скими траншеями и берегом реки оставалась пустынной: низкие кусты, трава, песок — вот и все. Наблюдатели гарантировали, что не только человека, даже зайца заметили бы на этой ровной плоскости.

Наблюдатели гарантировали безопасность: в последнее время ни один человек из советских траншей даже не пытался подобраться к реке. Правда, следить за противоположным берегом ночью было значительно труднее. Но прожекторы, освещавшие своими дрожащими лучами берег, позволяли разглядеть всю территорию. Пространство между советскими траншеями и берегом оставалось мертвым. В последние дни пропали даже суслики, за передвижениями которых любили следить наблюдатели. Суслики исчезли — видимо, испуганные стрельбой.

И еще кое-что ежедневно отмечали наблюдатели в своих журналах: река заметно мелела. Она не становилась уже, но уровень воды понемногу спадал и восточный берег становился чуть более высоким. Он вырос ненамного, всего, может быть, на полметра, но наблюдатели аккуратно отметили и это. Конечно, происходящее ничем не угрожало позициям Первой армии: река здесь была довольно глубока и переправляться через нее вброд все равно было бы безумием.

Однажды утром наблюдатели заметили другое интересное явление: на восточном берегу реки образовались два источника. Они находились над самой водой, и из них стекали в реку узкие струи чистой, прозрачной, пенистой воды. Но вот что странно: оба источника, безусловно, были горячими — от них поднимался пар, вода в реке под ними мутнела и словно закипала сама. Наблюдатели записали эту новость в журнал, а дежурный офицер доложил о ней полковнику Ницбергу, как об очень любопытном природном феномене.

Полковник поглядел в бинокль: действительно, на том берегу виднелись два источника, которых раньше никто не замечал.

— И пар поднимается, — с интересом произнес полковник Ницберг. — Должно быть — минеральные источники.

Никогда не слышал, что в этой местности имеются минеральные источники, да еще и горячие!..

Но ему, как командиру участка, в сущности было все равно. Источники — пускай будут источники. И полковник Ницберг занялся другими делами.

Однако через полчаса к нему прибежал встревоженный дежурный офицер:

— Господин полковник, — доложил он, — эти источники не горячие, а наоборот — очень холодные...

Полковник внимательно посмотрел на него:

— Друг мой, сколько коньяка вы сегодня выпили? — саркастически спросил он. — Какое мне дело до того, горячие эти источники или холодные?

Но офицер продолжал:

— Господин полковник, они слишком холодные. Около них образуется лед.

Полковник широко улыбнулся:

— Подайте рапорт о болезни. Бывает, друг мой. Сегодня такая жара, а вы еще коньяк добавили. Вот вам и мерещатся всякие нелепицы. Как это в Африке называется — мираж, вроде бы?

— Господин полковник, я не шучу, я не пьян и жара тут не при чем. Я вполне отвечаю за свои слова. От источников поднимается пар, а вокруг на реке образуется ледяная пленка. Пожалуйста, посмотрите сами...

— Только для того, чтобы посадить вас на гауптвахту за неуместные шутки?.. Ладно, пойдемте. Покажите мне ваш лед в эту жару!..

Полковник Ницберг прошел к наблюдательному пункту, посмотрел в бинокль — и остолбенел: офицер говорил правду. Улыбка сбежала с его лица, полковник удивленно протер глаза. Да, происходило что-то невероятное...

Собственными глазами полковник Ницберг видел две узкие струйки воды из источников, медленно стекавшие вниз, к реке. Над струйками поднимался легкий пар, как над потоками горячей воды. Такой же пар, но только гуще и белее, стоял над речной водой в том месте, где в нее впадали

ручейки. Все это было похоже на обыкновенные горячие минеральные источники. Однако...

Однако от струй, насколько позволял видеть густой пар, расходилась по речной воде блестящая тоненькая корочка льда. Корка блестела под жгучими лучами солнца, но не таяла. А может, и таяла, но образовывалась снова. Главное — она была здесь, перед глазами, эта ледяная пленка, она возникала из горячих на вид струй источников, одетых паром... Удивительно, бессмысленно, невозможно, — но факт. Полковник еще раз, как в детстве, ущипнул себя за руку: не сон ли это, не снятся ли ему и источники, и пар, и лед в жару... Нет, он не спал, он даже чуть вскрикнул от боли. Да, все это явь. Но — что же все это означает?

Может — это какая-то хитрость большевиков? Полковник тревожно посмотрел на восточный берег: нет, там все было так же пусто, как и раньше. Те же кусты, трава, песок... Ни единого живого существа; далеко, примерно в километре, видны советские траншеи. Что же это означает?..

Полковник ничего не смог придумать. Он снова посмотрел на источники: пар и лед, лед и пар...

— Ну-ка, всыпьте по этим струям из пулеметов, — сказал он.

Приказ был передан по телефону в ближайшее пулеметное гнездо. Через полминуты вода под источниками забурлила, заклокотала. Пули разбили тоненькую ледяную пленку, раскидали ее блестящими осколками в воздухе, подбросили вверх веселые фонтанчики воды. Пулеметная лента закончилась. Полковник вновь поглядел в бинокль: ручейки бежали по-прежнему спокойно, над ними поднимался пар — и на поверхности воды снова возникала тонкая ледяная пленка...

— Ни черта не понимаю...

Полковник злобно сплюнул и пошел назад. Его догнал дежурный офицер и спросил:

— Может, послать рапорт в штаб?

— Посылайте рапорт в штаб, к черту, к дьяволу, куда хотите, — в ярости ответил полковник Ницберг, — я ни черта не понимаю. Я не привык оказываться в сказке!...

Дежурный офицер все же отослал рапорт. И только поэтому мы имеем возможность так подробно рассказать о начале событий на реке Жлейке — рапорт дежурного офицера остался в штабе и был впоследствии найден во время разборки архивов боевых действий. Это — единственный документ, написанный очевидцем первого появления таинственных струй «холодного кипятка».

Есть основания полагать, что такие же случаи произошли и в некоторых других местах того же участка фронта. Загадочные источники возникли в нескольких местах одновременно — и везде они вызвали удивление и ничего более. Никто не мог догадаться об их истинной роли.

День шел к концу — и все оставалось таким же, каким было утром. Пулеметчики еще несколько раз обстреляли загадочную ледяную пленку; несколько раз снова взлетали вверх блестящие осколки льда и вода вокруг струй вновь затягивалась все такой же тоненькой коркой льда. Наблюдатели, заступившие на ночное дежурство, получили строгий приказ — как можно пристальное следить за советским, восточным берегом.

Полковник Ницберг рассуждал так:

— Что это за ручейки — я не знаю. Однако излишняя осторожность никогда не повредит. Может, это какой-то большевистский фокус?..

Около двенадцати ночи полковник решил еще раз взглянуть на загадочные источники. На наблюдательном пункте его встретил дежурный:

— Только что хотел звонить вам, господин полковник. Происходит что-то сверхъестественное. Струи превратились в потоки, они просто бушуют. А главное — река вокруг них покрывается льдом...

Перемена была заметна с первого взгляда. Тихие струйки превратились в бурные потоки; вода, словно кипяток, беспрестанно дымилась. Над рекой стлалась туча белого пара. А на воде, словно вытесненный из глубины, все время нарастал прозрачный лед. Это была уже не тоненькая пленка: толстый слой льда, освещенный голубоватыми лучами прожекторов, покрывал почти всю реку. Лед в июле?.. Лед,

что в июльскую ночь постепенно сковывает реку от берега до берега?..

Факт оставался фактом. Полковник Ницберг смотрел на эту странную картину, ничего не понимая. Но вдруг у него мелькнула мысль:

— Ведь такой слой льда легко выдержит людей... Большевики могут переправиться через реку!..

Он бросился к телефону:

— Шквальный огонь по льду! Непрерывно разбивать лед!..

Но не успел он договорить, как из-за реки ударили тяжелые выстрелы советских пушек. С бешеным ревом гремели взрывы снарядов, разрывавшихся над бетонированными траншеями Первой армии. Советская тяжелая артиллерия начала обстрел. За минувшие несколько дней советские артиллеристы умело прощупали позиции Первой армии и теперь их снаряды ложились без промаха, разрушая окопы, траншеи, пулеметные гнезда и наблюдательные пункты.

— Огонь!.. Огонь!.. — вновь крикнул полковник, уже забыв о таинственных льдинах: далеко на противоположном берегу, там, где должны были находиться советские окопы, он увидел грузные силуэты танков, медленно спускавшиеся к реке.

— Огонь по противнику!..

— Есть огонь, — ответил глухой голос в трубке. Все звуки утонули в реве артиллерийской стрельбы: батареи Первой армии в свою очередь начали обстреливать советские позиции и танки, неудержимо двигавшиеся к воде. Однако полковник смотрел теперь не на танки: его внимание приковало к себе небывалое зрелище.

Словно из-под земли, на берегу реки, рядом с загадочными источниками — появились красноармейцы. С ручными пулеметами, гранатами, винтовками — они бросились прямо на лед, успевший уже сковать всю реку. А на их месте вырастали все новые и новые группы, которые также бросались на лед и быстро бежали через реку, направляясь к позициям Первой армии. Откуда они взялись?.. Понять

это было невозможно — но на льду уже чернела неисчислимая масса солдат, продвигавшихся к вражескому берегу.

Полковник смотрел, забыв обо всем. Он забыл даже отдать какой-либо приказ — так потрясло его невероятное появление красноармейцев прямо из-под земли. Наконец полковник пришел в себя.

— Огонь по врагу! — крикнул он в телефон.

Тяжелый снаряд разорвался на восточном берегу, подняв огромную черную тучу земли и обломков. Через несколько секунд, когда дым рассеялся, — полковник увидел еще более удивительную картину. На другом берегу оказалось два слоя земли. На первом, верхнем, росли кусты, трава, виднелся желтый песок. Но он представлял собой как бы второй этаж почвы и лежал на больших щитах, укрепленных на прочных подпорках над настоящей поверхностью земли. Теперь, после взрыва снаряда, разрушившего кое-где эту крышу, стала видна вторая, настоящая земля; по этой настоящей земле и продвигались к реке отряды красноармейцев. Ее поверхность была скрыта сплошной искусственной крышей, на которой было художественно воспроизведено все то, что находилось на настоящей земле: кусты, трава, песок, труп убитого коня...

Теперь полковник Ницберг понял: по ночам советские войска незаметно, щит за щитом устанавливали над поверхностью земли на своем берегу, между рекой и окопами, вторую, искусственную поверхность. Вторая поверхность находилась на высоте трех метров над первой, образуя над ней подобие потолка. Продвигаясь между настоящей и искусственной поверхностями, советские войска подошли к реке, сконцентрировали силы, подготовили решающее наступление, что разворачивалось сейчас на загадочном льду, без мостов, без понтонов, без лодок...

Полковник сжал кулаки: его провели, как ребенка! Ведь он хорошо помнил аналогичный случай во время мировой войны, когда немецкие войска под прикрытием искусственной поверхности земли таким же способом подошлись к

английским окопам и молниеносным ударом выбили англичан из их траншей...

Тяжелый грохот пушек с ближнего берега немного утих: видимо, советская артиллерия, пристрелявшись, заставила замолчать батареи Первой армии. И полковник Ницберг услышал крики красноармейцев, штурмовавших окопы Первой армии:

— Ура!.. Ура!.. Ура!..

Короткие взрывы ручных гранат, стрекотание пулеметов, долгие захлебывающиеся возгласы «ура» — все сплеталось в одну дикую, невыносимую мелодию боя. Полковник скорее увидел, чем услышал, звонок телефона, который задрожал от ударов молоточка: кто-то вызывал. Полковник взял трубку. Взволнованный глухой голос кричал в трубке:

— Господин полковник, господин полковник! Первую линию наших окопов захватили советские солдаты... Наступление продолжается, они продвигаются дальше, ко второй линии... наши солдаты бегут... у меня нечем защищаться. Артиллерия замолчала ...

В телефонной трубке что-то затрещало — и все стихло. Полковник держал трубку в руке, когда дверь наблюдательного пункта внезапно распахнулась. На пороге показались несколько красноармейцев. Первый сжимал в поднятом кулаке ручную гранату, готовый бросить ее. За ним мелькнул ствол ручного пулемета и несколько винтовок. Красноармейцы на миг замерли, но первый почти сразу воскликнул:

— А ну, сейчас же руки вверх!..

Полковник понял эти слова, сказанные на чужом языке. Он увидел, как быстро поднял руки вверх дежурный наблюдатель; и тогда полковник, бросив трубку на землю, будто она обжигала ему пальцы, поднял обе руки вверх и застыл в этой позе. Стеклянными глазами он смотрел на красноармейца, который что-то сказал своим спутникам. Двое красноармейцев вышли вперед, приблизились к полковнику Ницбергу и завладели его револьвером. Еще один красноармеец отобрал револьвер у наблюдателя.

Вероятно, на лице полковника слишком явственно отразился страх, потому что старший красноармеец махнул рукой и сказал:

— Вот, испугался!.. А ведь это — их офицер, а?..

И снова полковник понял. Он закивал головой, повторяя:

— Офицер!.. Офицер!..

— Хорошо, хорошо, мы видим, — ответил красноармеец. Он опять что-то сказал товарищам. Двое из них сели на стулья напротив полковника и наблюдателя, держа винтовки наготове. Старший вышел из наблюдательного пункта, чтобы минуту спустя вернуться с другим красноармейцем, обратившимся к полковнику на чистом немецком языке:

— Вы командир?

— Да. Командир этого участка, — ответил полковник Ницберг.

— Хорошо. Пройдете со мной в штаб. Только — предупреждаю, даже не пробуйте бежать. Мои товарищи стреляют, как настоящие снайперы.

И уже выходя из наблюдательного пункта, полковник осмелился спросить у своего спутника о терзавшей его загадке — загадке, разгадать которую он был бессилен:

— Что это, позвольте спросить, что за горячая вода лилась в реку и создавала лед?.. Не понимаю... пар и лед...

Красноармеец с усмешкой посмотрел на него:

— Могу сказать. Жидкая углекислота. Она, видите ли, совсем не горячая, а наоборот, очень холодная, оттого и шел пар... а лед возникал потому, что она замораживала реку, создавая для нас ледяной мост...

— Жидкая углекислота... — растерянно повторил полковник Ницберг.

— Да, жидкая углекислота. Ее лили в реку по скрытым трубам, и не только здесь, а во многих других местах. Именно она и позволила нам застать вас врасплох...

Полковник больше ни о чем не спрашивал. Он шел, глядя себе под ноги. Перестрелка уже утихла, только откуда-то издали доносились отдельные выстрелы и резкие взры-

вы ручных гранат: красноармейцы преследовали части Первой армии, что в панике бежали прочь, открывая для широкого прорыва важнейший участок фронта...

КАМРАДЫ! ТОВАРИЩИ!

«Товарищи-солдаты! За что нас убивают?.. Ради чего нас заставляют подставлять грудь под пули и превращаться в пушечное мясо?.. Посмотрите вокруг: сколько наших товарищей погибло, сколько было разорвано на куски взрывами, сколько умерло от болезней?.. Нам говорят, что мы защищаем культуру и цивилизацию от большевиков. Но это ложь! Сейчас на нас наживаются капиталисты, чьи фабрики выпускают военное снаряжение и получают от правительств щедрую плату. Если наши тела проложат им путь к победе над Советским Союзом, они вновь получают большие барыши, заполучив природные богатства СССР и новые рынки. Вот для чего нас гонят на войну, вот зачем разрывают на куски снарядами, вот почему подставляют под пули советских войск, защищающих свою страну от нашего нападения... Долой войну, мы не хотим быть пушечным мясом! Да здравствует революция!..»

Прокламации и листовки подобного содержания переходили из рук в руки. Подпольная агитационная работа среди солдат Первой армии приобрела такой масштаб, что с ней уже невозможно было успешно бороться. Маршал Кортуа, презрительно говоривший в свое время — «У нас есть для этого различные средства — от полиции до полевых судов», — очевидно, ошибался. Правда, тайная полиция работала, не покладая рук, полевые суды выносили смертные приговоры всем, заподозренным в разлагающей революционной работе. Но... случаи побегов из тюрем стали массовым явлением, и более того: военным судам порой доводилось устанавливать, что они судят людей, в свое

время уже приговоренных к смертной казни и даже, по официальным сведениям, расстрелянных.

Вот отрывок из официального протокола заседания полевого суда 129-го стрелкового полка. Мы сократили все второстепенные подробности, оставив только самое важное.

Пр о к у р о р. Ваше имя — Стефан Фихтнер?

П о д с у д и м ы й. Да.

Пр о к у р о р. Мне кажется, однако, что мы уже имели с вами дело. Вы бывали под судом?

П о д с у д и м ы й. Да. Я был осужден вашим судом месяц назад.

Пр о к у р о р. За что?

П о д с у д и м ы й. За распространение революционных листовок.

Пр о к у р о р. Да, припоминаю. Стефан Фихтнер был приговорен к смертной казни. Вас помиловали?

П о д с у д и м ы й. Да.

Пр о к у р о р. Кто?

П о д с у д и м ы й (молчит).

Пр о к у р о р. Это ложь, никакого помилования не было. Вы бежали из-под стражи и спаслись от расстрела. Кто помог вам бежать?

П о д с у д и м ы й (молчит).

Пр о к у р о р. Дело совершенно ясное. Подсудимый Стефан Фихтнер бежал, будучи осужден на смертную казнь. Я требую от суда нового смертного приговора.

П р е д с е д а т е л ь с у д а. Подсудимый, что вы можете сказать в своем последнем слове?

П о д с у д и м ы й. То, что я не боюсь вас. Сегодня вы судите меня, но я уверен, что завтра мои товарищи будут судить вас. Вы можете меня расстрелять, но мое место займут сотни других. Я не признаю ваш суд — вот и все.

К этому следует лишь добавить, что, согласно официальным отчетам — на отряд, сопровождавший подсудимого Стефана Фихтнера к месту исполнения смертного приговора, было совершено нападение: группа вооруженных солдат

окружила отряд и во время завязавшейся перестрелки вырвала Фихтнера из рук конвоиров, убив многих из них. Стефан Фихтнер снова бежал и вновь поймать его не удалось.

Это дело наделало много шума. Неизвестно какими путями сведения о нем попали в американские газеты и стали сенсацией. Однако про Фихтнера вскоре забыли. Телеграф ежедневно приносил все новые и новые известия — из армии в тыл и из тыла в армию. И здесь, и там положение было тяжелым.

Целые части переходили на сторону советской армии — с оружием, с пулеметами, танками и пушками. Военное командование молчаливо отметило тот факт, что однажды на советскую сторону перелетела целая эскадрилья военных самолетов — а день спустя эта же эскадрилья участвовала в операциях против Первой армии... Фронт стремительно передвигался на запад, откатываясь под неустанными ударами Красной армии. Это отступление кое-где сдерживали только ударные фашистские отряды, составлявшие ядро Первой армии до объявления всеобщей мобилизации. Однако подобных отрядов было довольно мало.

Командованию приходилось распределять такие отряды вдоль всего фронта, чтобы иметь хотя бы небольшие опорные пункты, которые могли повлиять на соседние общевойсковые части. Но и это не помогало: несколько раз повторялись столкновения, первое из которых произошло между 119-м и 167-м полками и 18-м специальным отрядом, размещенным между упомянутыми полками.

18-й специальный отряд, входивший в основное ядро Первой армии, был переведен сюда с целью разделить два полка и укрепить ответственный участок фронта. Солдаты 119-го и 167-го полков встретили фашистский отряд мрачным молчанием. Вооруженные до зубов солдаты специального отряда также посматривали на своих соседей отнюдь не дружелюбно.

Два дня на позициях было спокойно. Полки выполняли свою задачу, сидя в окопах. На холме между ними окопались солдаты специального отряда. Кроме того, как уве-

ряли солдаты второй линии, фашисты заняли третью линию позади окопов двух полков. Но зачем?..

— А затем, чтобы открыть по нам пулеметный огонь, если мы начнем отступать, — уверенно говорили в окопах.

Утро третьего дня показало, что эти разговоры были не вовсе беспочвенными. В то утро советские части начали наступление. После артиллерийской подготовки на окопы Первой армии двинулись тяжелые танки; вслед за ними шла советская пехота. Танки также открыли огонь по окопам 119-го и 167-го полков. Измученные, деморализованные, уставшие солдаты не выдержали этого натиска и начали отступать. Но в ту же минуту навстречу им ударили пулеметы с тыла.

Солдаты оказались между двух огней. Со стороны советских позиций ползли танки, обстреливая позиции первой линии из пушек и пулеметов. С третьей линии собственных позиций солдат поливали огнем пулеметы специального отряда.

Это дикое положение продлилось всего с минуту. Правда, в течение этой минуты почти половина всего состава полков была уничтожена — преимущественно огнем своих же пулеметов. Выжившие оказались в безопасности — по крайней мере, они были защищены от пулеметов специального отряда, так как их прикрывали теперь горы трупов.

С советской стороны приближались танки. Это опять-таки грозило уцелевшим солдатам гибелью. Но именно тогда сказалось воздействие агитационных листовок наподобие тех, о которых мы говорили выше. Несколько групп пулеметчиков развернули пулеметы и начали обстреливать окопы специального отряда, сочтя его злейшим врагом. В то же время другие солдаты, подняв руки вверх, сигнализировали приближающимся танкам о капитуляции. И вновь солдаты Первой армии получили возможность убедиться, что Красная армия не воюет против отдельных солдат, не считает их врагами.

Танки прекратили стрелять по окопам, где стояли солдаты с поднятыми вверх руками, и перенесли огонь выше — через их головы, на третью линию, на позиции специаль-

ного отряда. Пехота, шедшая вслед за танками, также не обращала внимания на сдавшихся солдат; пехотинцы закреплялись в окопах и разворачивали наступление, просто оставляя пленных в тылу и порой даже не отбирая у них оружие.

Но к пленным уже подходили хорошо знакомые им люди, их товарищи, которые несколько дней назад перешли на сторону Красной армии. Сперва их не узнавали:

— Неужели ты, Иоганн?

— Я. Здорово, Джозеф!

— Ты воюешь в рядах советской армии?

— И очень счастлив. Бери винтовку, пойдем со мной, вместе с Красной армией... Пойдем на тех, кто расстреливал вас!..

Первоначальное удивление сменяется приступом гнева и ярости, направленным на тех, что еще сидели в хорошо укрепленных окопах, на фашистов, присланных сюда выполнять роль палачей. Солдаты, позабыв о том, что всего пол часа назад были официальными врагами советских войск, идут теперь рядом с красноармейцами — развивать наступление, выбивать фашистов с их позиций. И красноармейцы относятся к ним, как к товарищам; очевидно, они уже привыкли к таким сценам...

Но и внутри фашистских специальных отрядов далеко не все было в порядке. До поры до времени командованию удавалось сохранять дисциплину и держать бойцов в узде. Но только до поры до времени. Ведь и люди, носившие на рукавах свастику, крест с загнутыми концами, были не одинаковы. Некоторые до самого конца оставались твердокаменными фашистами и фанатично ненавидели все, что было связано с коммунизмом и рабочими. Однако были среди них и другие.

Это были те, что втянулись в фашизм под влиянием случайных обстоятельств. Те, что все яснее представляли себе общую картину большой схватки, бурно переходившей в гражданскую, классовую войну.

С этой точки зрения вполне типичным можно считать событие, случившееся в 114-м фашистском отряде. Отряд, как

и прочие, расположился на третьей линии позиций Первой армии, держа пехотные полки под прицелом пулеметов и не позволяя этим полкам отступить.

Именно в тот момент, когда сдерживаемые отрядом полки все же повернули штыки против фашистов и сквозь ливень пуль ринулись штурмом на третью линию, которую занимал ненавистный фашистский отряд, — в самом отряде неожиданно начались беспорядки. Словно по команде три пулеметчика повернули стволы пулеметов назад. Рядом с ними будто из-под земли выросли фигуры солдат.

С мрачными лицами они смотрели на командиров.

— Что случилось? Что с вами? — удивленно спросил офицер.

— Они сошли с ума, — пробормотал его помощник.

Но вместо ответа заговорили винтовки, посылая в офицеров пули. И уже после раздался возглас:

— Довольно. К черту свастику! Хватит обманывать!

Так кричали восставшие бойцы фашистского отряда. Это стало сигналом. Через несколько минут позиции отряда превратились в поле боя между отдельными группами бывших бойцов. На ходу срывая свастики с рукавов, — повстанцы бросились на тех, кто поддерживал фашистских командиров. И если прежние стычки были жестокими, то эта схватка была в полном смысле слова борьбой не на жизнь, а на смерть. Здесь не было места для разговоров и агитации. Пулями и штыками, кулаками и зубами доказывала каждая из сторон свою правоту. Здесь не брали в плен, здесь убивали — безжалостно, яростно и непримиримо...

И когда солдаты восставших полков приблизились к позициям, которые лишь полчаса назад занимал специальный 114-й фашистский отряд, — они не встретили здесь ожидаемого сопротивления. Флаг отряда, изорванный и растерзанный, валялся на земле. Вокруг него в предсмертных конвульсиях корчились люди со свастиками на рукавах.

Пулеметы бывшего фашистского отряда отвернули стволы от обычной цели — пехотных полков Первой армии. Стволы их были направлены вверх. И из одного ствола тор-

чала небольшая палочка с красным платком: первый революционный флаг бывшего фашистского отряда...

Люди, на чьих руках еще виднелись нитки и следы содранных свастика, встретили восставших солдат Первой армии не оружием, а радостными возгласами. Ведь это были их братья, которые так же, как они, повернули штыки против классовых врагов, против офицеров, против командования...

Вполне понятно, что в таких условиях командованию не могли помочь даже специальные фашистские отряды.

Становилось и вовсе неясно, кто ведет наступление с советской стороны: Красная армия или поддержанные ею части бывшей Первой армии. И это окончательно разлагало остальные части: они видели перед собой не просто врагов, а бывших товарищей, призывавших солдат последовать их примеру и повернуть штыки против командиров...

Фронт стремительно двигался на запад, и не успевало командование закрепиться на новых позициях, как снова наседала Красная армия и заставляла отступать дальше.

А из тыла к командованию доходили совсем неутешительные вести. Правда, командование все время пыталось скрыть эти известия, не дать им дойти до солдат, но — это было безнадежным занятием. Листовки и прокламации делали свое дело, сообщая солдатам новости:

«В Швабии пылает пожар социальной революции. В крупных центрах власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Центральное национальное правительство фашистов было вынуждено бежать на юг. Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Швабии призывает всех солдат — и прежде всего граждан Швабии — остановить военные действия против Советского Союза и принять участие в гражданской войне против остатков фашистских и офицерских, юнкерских отрядов, которые пытаются сопротивляться установлению советской власти в Швабии».

«На улицах больших городов Остерии идут бои между рабочими и отрядами фашистов. Социал-демократы призывают рабочих остановить кровопролитие и вспомнить о противнике, наступающем на страну — о большевиках. В ответ на это рабочие отряды объявили социал-демократов врагами и выдвинули лозунг: — “На помощь СССР, за гражданскую войну, за власть Советов в Остерии”».

Паника гигантской волной катилась по Европе. Газеты требовали от правительств решительных мер борьбы с революцией, поднимавшей голову во многих странах. Газеты требовали объявить в европейских столицах военное положение и ввести в них войска для «успокоения» рабочих. Во многих городах военное положение уже было объявлено. Но это мало чему помогало и приводило лишь к дальнейшему бурному развитию революционных событий: так, в некоторых местах размещенные в пределах городской черты военные части отказывались выступать против рабочих и братались с рабочими отрядами.

Биржи окончательно закрылись. В больших городах начались перебои с поставками: в Лютеции, в Брабанте, в Венбурге — не хватало хлеба и продуктов. Сельскохозяйственные рабочие бастовали уже вторую неделю. Против них были выдвинуты войсковые отряды. Забастовщики, в свою очередь, также перешли к активным действиям. Они объединялись вокруг забастовочных комитетов под управлением коммунистической партии и сражались с войсками. Уже звучали лозунги:

«Да здравствуют Советы рабочих и крестьянских депутатов!»

«Долой помещиков! Земля принадлежит трудящимся!»

Фермеры не хотели везти продукты в города, а большие фирмы, которые до сих пор держали в своих руках монополию на снабжение городов продуктами, не могли продолжать свою деятельность из-за всеобщей забастовки рабо-

чих. Всеобщая забастовка охватила несколько стран вследствие дикой расправы с рабочими военного завода в Лютеции; забастовка эта проходила под лозунгами:

- «Долой войну с Советским Союзом!»
- «Отомстим за мучеников Лютеции!»
- «Да здравствует социальная революция!»

Но самое напряженное положение сложилось в Швабии, которая стала плацдармом социальных боев. Было ясно, что Швабия перестала что-либо значить в плане войны с Советским Союзом. Совет Заинтересованных Держав с сожалением вынужден был исключить Швабию из своих расчетов. Однако возникала новая опасность — установление советской власти в Швабии и ее объединение с Советским Союзом в борьбе с Советом Заинтересованных Держав. Эта возможность грозила разрушить все планы Совета, и без того едва ли не полностью сложенные широким наступлением Красной армии. Советская власть в Швабии означила бы начало вступления центральной Европы в состав нового Советского Союза и приближение коммунизма, в качестве грозной реальной силы, вплотную к западной Европе.

Швабия пылала. В ней не осталось сторонних, нейтральных сил; вся страна разделилась на два лагеря — революционный и контрреволюционный.

И ярче всего именно в Швабии замечен был развал старой и некогда крепкой швабской социал-демократической партии.

С самого начала всеобщей мобилизации многие рабочие, старые члены социал-демократической партии, отошли от партии, вернув свои партийные билеты. Ведь позорная роль социал-демократических «вождей», которые откровенно помогали правительству и поддерживали его, наглядно доказывала всю лживость их политики.

А теперь, когда события развернулись так грозно, когда почти вся Швабия, целая страна, пылала в пожаре гражданской войны, — социал-демократическая партия окончательно развалилась; ей перестали доверять даже самые неосознательные рабочие. Как могли они верить людям, что в

пламени кровавой классовой войны вновь и вновь пытались расписаться в верности фашистскому правительству?..

В начале революционных событий базой контрреволюции некоторое время оставалась южная часть страны. Но так было лишь вначале, поскольку жестокие уличные бои и кровавая партизанская война перекинулись и на юг. Фашистское правительство возлагало большие надежды на рейхсвер, регулярную наемную армию: вместе с фашистскими штурмовыми отрядами она должна была раздавить первые революционные всходы.

Но многие солдаты рейхсвера отказывались воевать с рабочими, с вооруженными рабочими отрядами. Рейхсвер также раскололся, разделившись на революционные полки и те, что по-прежнему повиновались приказам генералов и выступали против рабочих. Между такими полками вспыхивали кровопролитнейшие бои, сводившие на нет ту роль, которую уготовило для рейхсвера в целом фашистское правительство. Рейхсвер был занят своими делами, гражданской войной в своих рядах.

Тревожные вести разлетались по всей Европе, потому что скрывать подобные события было уже невозможно.

У командования оставался лишь один путь: отступая, собирать силы и пытаться влиять на армию и население воззваниями, кричащими о приближении «дикой орды большевиков». Но не помогало и это: мощные советские передатчики транслировали по радио выступления солдат и офицеров, перешедших в Красную армию и теперь вместе с ней наступавших на старую капиталистическую Европу.

Сакские части Первой армии, например, с большим интересом выслушали выступление Тома Даунли. Это случилось весьма неожиданно для командования целого участка фронта и для самих солдат. Командование твердо знало, что солдаты не могут услышать радиопередачи советских станций, поскольку в частях не было радиоприемников, за исключением тех, что принимали передачи официальных радиостанций. Да и кто из солдат стал бы возиться с радиоприемником, сидя в окопах под артиллерийским и пулеметным обстрелом, под угрозой атаки советских войск?..

На этом участке окопы враждующих сторон располагались ближе друг к другу, чем где-либо. Мертвая зона составляла здесь всего метров пятьдесят и была полностью затянута колючей проволокой. И вот как-то днем, около трех — стрельба с советской стороны почти совсем утихла. В ответ на это прекратили огонь и части Первой армии. Наступила небольшая передышка, какая зачастую сменяет период жестокого обстрела и служит для подготовки к новым операциям.

Солдаты в окопах частей Первой армии отдыхали, лежа на земле, в тени, разговаривали и спорили, чья сейчас очередь спать. Только часовые следили за советскими траншеями. Было тихо — так тихо, как может быть на фронте, когда доносится лишь далекий рев стрельбы и одиночные выстрелы людей, не желающих отдохнуть от войны.

И вдруг над окопами Первой армии зазвучал голос какого-то великана — иначе не скажешь, потому что каждый звук этого голоса был слышен во всех уголках траншей:

— Камрады! Товарищи!..

Солдаты удивленно переглянулись: что такое?.. Кто кричит? Некоторые выглянули из окопов — виднелось лишь пустынное поле. А голос продолжал на чистом английском языке:

— Слушайте, товарищи, сакские солдаты! Выслушайте меня, вашего товарища, который перешел на сторону Красной армии и говорит с вами из ее окопов. Думаю, некоторые из вас еще помнят меня. Я — Том Даунли, бывший ваш офицер, а теперь — красноармеец, солдат армии пролетариата, защищающий наше общее отечество — Советский Союз.

В окопах стало совсем тихо. Ни одного выстрела, ни единого слова...

— У меня в руках винтовка, я пойду с ней в атаку. На кого? На вас, солдаты? Нет, я не хочу с вами воевать, так же, как не хотите этого вы. Мы — братья. Мы — пролетарии. У вас ничего нет, нет ничего и у меня. Но я крепко держу свою винтовку, чтобы защищать новую жизнь, жизнь без эксплуататоров. Ради чего гонят в бой вас? Кто ответит мне?

Вы молчите, солдаты. Ладно, я отвечу сам. Некоторые из вас до сих пор верят, что война, это преступное нападение на Советский Союз, было начата из-за смерти тех пятерых туристов, погибших на Черном море. Мол, надо заставить Советский Союз выплатить компенсацию за гибель «невинных туристов». Но — так ли это на самом деле?..

Голос сделал паузу.

— Вовсе не так. Теперь выяснилось, почему эти туристы так поспешно бежали из Советского Союза. Они были шпионами, они везли с собой припрятанные фотографии советских предприятий и железных дорог. Вот почему они не остановились даже тогда, когда пограничники сделали предупредительные выстрелы: им все равно угрожала гибель. Итак — вы сражаетесь за подлых шпионов, солдаты?.. Нет. Этого было бы недостаточно. Это лишь повод для войны. Вас гонят в бой, чтобы и дальше наживались капиталисты и фабриканты, к которым вы снова придете просить работы, если останетесь живы. А я буду сражаться, чтобы уничтожить власть этих фабрикантов и капиталистов, чтобы установить власть пролетариата — такую же, какая победно существует в Советском Союзе...

Кое-кто из солдат начинал уже понимать, что голос доносился из огромного громкоговорителя, размещенного на советской стороне. На артиллерийской батарее зазвонил телефон. Связист сперва не обращал на него внимания, но затем неохотно поднял трубку:

— Батарея слушает.

— Немедленно открыть огонь по советским траншеям! Немедленно!

— Хорошо, — ответил связист — и продолжал слушать голос радиовеликана.

— Товарищи солдаты, выходите из окопов, идите к нам, присоединяйтесь к нашим интернациональным красным отрядам, — продолжал греметь Том Даунли, — и пусть командиры спасаются сами, если хотят и дальше воевать с нами. Выходите из окопов, мы ждем вас, мы принимаем вас к себе!..

Некоторые солдаты снова выглянули из окопов: с советской стороны никто и не подумал выстрелить. Напротив — вот над ближайшей советской траншеей медленно поднялся большой плакат, на котором было написано:

— Welcome! — Будьте дорогими гостями!

Под лозунгом-плакатом показались веселые лица красноармейцев: они улыбались и, не страшась опасности, не боясь выстрелов, которые могли прозвучать, приветливо махали руками:

— К нам! К нам!

Минуту спустя — из окопов Первой армии хлынула лавина солдат. Они бежали к советским траншеям, взволнованно выкрикивая:

— Ура! Свой!.. Свой!.. Да здравствует советский солдат!..

В толпе солдат бежал и связист, забывший о приказе командования открыть огонь по советским траншеям. У брошенной пушки тревожно и настойчиво звонил телефон: кто-то вызывал батарею, требуя обстрела не только советских окопов, но и перебежчиков. Кто-то в штабе командования бешено стучал кулаком по столу и ругался, выслушивая телефонный рапорт о неожиданных событиях. Кто-то приказывал пулеметным огнем остановить переход солдат на советскую сторону. Но было уже поздно: первая линия окопов Первой армии опустела, траншеи обезлюдели — и в них были хорошо слышны радостные возгласы, веселый смех и песни, доносившиеся с советских позиций в пятидесяти метрах поодаль:

— Камрады!..

— Товарищи!..

ПУТЬ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

И снова нити командования центральной части фронта оказались в руках генерала Мориса Ренуара. Еще в дороге генерал получил от Совета Заинтересованных Держав новый приказ, который предоставлял ему расширенные полномочия и фактически делал его командующим центрального района.

Прочитав приказ, генерал Ренуар скептически улыбнулся: Совет вновь обращался к нему, вновь выражал ему доверие. Причины были ясны: Совет в растерянности хватался за любое средство, способное улучшить положение на фронте. Можно ли теперь что-нибудь сделать?.. Ведь Первая армия безнадежно отступала, остановить наступление советских войск живой силой вряд ли удалось бы даже Наполеону, если бы он вдруг здесь появился. Механические силы... сейчас генерал Ренуар не был уверен и в них. Но — все-таки нужно было что-то делать.

Новый план генерала Ренуара был довольно прост — и он вкратце изложил его на совещании командующих участков. Генерал Ренуар сказал:

— Наши операции будут основываться на таких элементах, как танки — обычные и прыгающие; самолеты — в первую очередь истребители, которые с помощью бомбовозов должны остановить наступление советских войск; и наконец — на новой атаке аэроторпед, направленной на уничтожение основных тыловых баз СССР. Мы должны остановить наступление красных во чтобы то ни стало, ценой любых жертв. Я требую укрепления дисциплины фронтовых частей самыми суровыми мерами — вплоть до расстрела на месте преступников, ведущих подрывную работу. Факт братания и перехода великосакского полка на сторону советских войск — позорный случай, какой мог произойти только в атмосфере скверного руководства бывшего

командования. За это следует расстрелять командующего участка, допустившего такой позорный случай. Прошу принять к сведению, что укреплять дисциплину я буду не только в частях, но и среди командования, лично отвечающего за состояние своих подразделений.

Командиры частей, командиры участков выслушали этот приказ молча. Что они могли ответить? Все они были уверены, что генерал Ренуар не хуже их знает положение на фронте; следовательно, он понимал, что никакими средствами нельзя поднять дух армии, нельзя поднять дисциплину в стремительно разлагающихся частях. Но раз уж генерал Ренуар так говорил, значит, он имел в виду что-то другое, неизвестное командирам.

Однако генерал не стал подробней объяснять свои планы. Он лишь предупредил, что завтра его штаб начинает использовать механизированные силы. После совещания его помощники получили подробные приказы — каждый в своей области. Атака аэроторпед начинается немедленно; Миети должен был сразу же запустить торпеды по маршрутам, переданным ему еще днем. Операции самолетов и танков начнутся утром вдоль всей линии фронта.

Генерал Ренуар выглядел мрачнее и суровее, чем когда-либо. Его брови, сойдясь на переносице, не расходились; он цедил слова сквозь сжатые, сцепленные зубы. Под чисто выбритой кожей скул все время ходили желваки мышц — признак раздражительности и нервного напряжения генерала... Положение было достаточно серьезным — и неведомо, верил ли сам генерал Ренуар в успешное осуществление своих планов...

Не знал этого и Дик Гордон. После разговора с Ренуаром он почти час неустанно мерил шагами свою комнату в штабе, расхаживая из угла в угол. Он ходил, заложив руки за спину и напевая себе под нос какую-то грустную песенку; а это, в свою очередь, означало напряженную работу мысли Дика Гордона. Джонни Уолтерс, который не хотел мешать своему приятелю, сперва читал газеты; но Джонни был не в состоянии долго сдерживать себя. Он поднял го-

лову, долго и внимательно следил глазами за стройной фигурой Дика — и в конце концов осторожно спросил:

— Дики, ты, наверное, думаешь про завтрашнее утро, а?

Гордон посмотрел куда-то сквозь Джонни; казалось, он ничего не видел, не замечал. Но вот он остановился, словно впервые заметив Джонни:

— Ты что-то сказал?

— Я спросил, что ты думаешь про завтрашнее утро?

— Ничего хорошего, — ответил Дик и снова начал мерять шагами комнату.

— Но... но что именно? — не унимался Джонни.

— Думаю, что может повториться история со старым генералом Древором, которого нам пришлось спасать...

Джонни вскочил со стула:

— Дики, это же замечательно! Ты знаешь, я сам только что об этом думал. Мне кажется, что это... что все это — попытки воскресить мертвого. Конечно, завтра начнется крупная операция с участием наших танков, сражение всеми нашими силами. Но я вновь не могу найти ответ — для чего все это? Помнишь наш разговор в вагоне? Ты обещал ответить мне, когда мы приедем. Дики, теперь мы здесь. Время идет. Я жду, Дики!

— Ответ? На какой вопрос?

— Ты притворяешься, будто забыл? Неправда! Я уверен, ты помнишь. Дики, хватит играть в прятки. Я решил твердо — и хочу знать, как ты к этому относишься. Напоминаю тебе, что своим молчанием ты задерживаешь меня и ставишь под угрозу успешное выполнение моего плана. Понимаешь?

Голос Джонни приобрел необычную твердость. Казалось, говорил не рассеянный и экспансивный Джонни Уолтерс, а какой-то другой человек — вдумчивый, серьезный и настойчивый. Дик Гордон заметил это — и удивленно остановился перед Джонни:

— Джонни, что-то ты слишком серьезно настроен. Думаю, еще рано решать такие вопросы. Время еще есть.

Он и не ожидал, что в ответ Джонни взорвется пламенной речью, словно вулкан:

— А, так ты считаешь, что я слишком серьезен? Еще рано решать? Время еще есть? Ладно! Вот мой ответ! Ты говоришь ерунду, Ричард Гордон — и мне стыдно тебя слушать. Да, да, не смотри на меня так угрожающе, не испугаешь. Ты говоришь, как трус, который прячется в своей собственной тени и думает, что скрылся с чужих глаз. Нет, не скрылся — я вижу тебя, вижу насквозь. Ты боишься того, о чем я тебе говорил тогда, в поезде. Ага, боишься! И из-за того, что боишься, — ты прячешься в кусты, говоришь о чести, о том, что, мол, еще рано...

— Но, Джонни...

— Никаких «но»! Ты говоришь — «слишком рано»? А ты не подумал о том, что если бы мы сделали это раньше — на фронтах пролилось бы куда меньше крови? Что каждый полк, который следует примеру Тома Даунли, своим поступком приближает дело к концу? А? Может, ты веришь, что мы разобьем большевиков?..

— Джонни, я не позволю...

— А мне, в конце концов, наплевать, позволишь ты или нет! Я должен сказать то, что думаю. Мне больно за тебя, Ричард Гордон. Ты — человек, которого я всегда уважал, ты — трус! Я уверен, что ты не можешь думать иначе, что мои мысли — это и твои мысли. Но я откровенно высказываю их, а ты прячешься. Зачем?..

Вдруг голос Джонни изменился. Он забыл о своем раздражении, он снова говорил с Диком, как с лучшим другом:

— Дики, зачем ты мучаешь меня? Зачем эта игра? Я не могу больше, мне тяжело. Надо кончать! Сколько тысяч человек сидят в окопах? Сколько убитых — и скольких еще убьют? Зачем? Ради чего? Скажем, завтрашняя операция закончится успешно. Хорошо. Но — это будет временная перемена, которая никак не повлияет на окончательный результат. Разве не так?.. Значит, мы неизвестно для чего будем и дальше служить делу уничтожения людей — ведь следующие бои будут еще кровопролитнее. Ну, Дики, скажи наконец, что же ты думаешь?

Дик Гордон колебался. Его лицо то светлело, то темнело. Руки за спиной нервно сжимались в кулаки. Но вот он подошел к Джонни совсем близко и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Так ты говоришь, что я трус? Что я прячусь?

Что-то трепетало и искрилось в его зрачках. Зеленоватые-серые, они неожиданно для Джонни потемнели; веки были прищурены, голос звучал глухо и угрожающе. Джонни невольно сделал шаг назад:

— Да, я говорю, что...

— Нет, теперь ты послушай. Я буду говорить. Да, я действительно ошибся. Времени у нас очень мало. Подожди!

Быстрым шагом он подошел к телефону и снял трубку:

— Алло! Дежурного по гаражу. Да. Говорит лейтенант Гордон. Да. Подайте авто к штабу. Да, для меня. Нет, шопера не нужно, я поведу сам. Да. Немедленно. Все.

Гордон снова повернулся к Уолтерсу:

— Пойдем, Джонни! Там поговорим.

— Но куда мы едем?

— Там увидишь. А впрочем, чтобы ты не беспокоился, — мы едем на позиции, на нашу базу. Надо же готовиться к утренней операции?

Джонни пожал плечами: Дик Гордон вел себя как-то странно. Однако он накинул шинель и вышел вместе с Диком.

Перед дверью уже стоял автомобиль. Шофер вылез из машины, козырнул Дику и, не говоря ни слова, отошел в сторону. Дик Гордон сел за руль, Джонни легко запрыгнул на сиденье рядом с ним. Машина мягко двинулась, покачиваясь на поворотах. Автомобильные фары бросали вперед яркие лучи белого света, выхватывая из темноты то куски дороги, то обочину шоссе, то телеграфные столбы на повороте. Джонни с наслаждением потягивался под порывами свежего ночного ветра. Автомобиль мчался на восток.

Дик молчал, уверенно управляя машиной, набравшей уже большую скорость: спидометр показывал 120 километров в час. И, когда удары ветра превратились в дикий вой озлобленного, раздраженного скоростью воздуха, Дик,

не поворачивая головы к Джонни, начал говорить, притормаживая на поворотах и внимательно вглядываясь вперед:

— Нет, Джонни, я не трус. Вовсе нет. Правда, мне трудно освоиться с мыслью, что... что я попаду в лагерь советских войск. Я не знаю, как меня там встретят. Но ты верно сказал, что... что твои мысли — это и мои мысли. Это так. Только я намного сдержаннее тебя — ты сам хорошо это знаешь. Когда... когда ты уже говоришь, я еще обдумываю. Вот, мы мчимся к нашей базе, к моим танкам. И я все еще думаю. Я не знаю...

Лучи фар выхватили из темноты фигуру часового, стоявшего посреди дороги, далеко за поворотом. Дик нажал на педаль тормоза. Машина пошла медленнее и остановилась возле поднявшего руку часового. Дик выглянул из машины. Он показал караульному синюю бумажку — пропуск, поднеся ее к свету фары. Часовой кивнул головой и отошел. Машина двинулась дальше.

Но Дик снова замолчал. Дорога поворачивала то вправо, то влево; она изгибалась, словно змея. Еще несколько минут, и Дик остановил автомобиль возле приземистого здания с большими воротами. Двигатель смолк. И тут оба услышали далекий рев артиллерийских залпов — это грохотал фронт.

Дик вошел в здание. Его встретил офицер с молодым, усталым лицом:

— Разрешите доложить, господин командир, на базе все в порядке.

— Ясно, — ответил Дик. — Отдайте приказ вывести танк С-613. Да, да, мой танк. Я проведу небольшую разведку вместе с сублейтенантом Уолтерсом.

— Есть!

Дик снова вышел из здания. Джонни тихо спросил:

— Какая разведка, Дики? Что ты говоришь?

— Тебе не все равно? Молчи! — так же тихо ответил Дик.

С приглушенным лязганьем, тяжело поворачиваясь на резиновых гусеницах, из-за угла низенького строения показался приземистый танк. Его странный силуэт лишь уга-

дывался в темноте. Дик Гордон отдал последний приказ офицеру:

— Я должен вернуться через час-полтора. Сигнал начинать операцию подам лично. Имейте в виду.

— Есть!

Дик сел на место водителя, Джонни встал на место командира танка, в башню. Но Дик решительно сказал:

— Слезай, Джонни. Садись рядом со мной, здесь веселее.

Он открыл бронированный щиток, защищавший водителя от пуль, и двинулся вперед.

Танк С-613, самая последняя модель прыгающего танка конструкции Дика Гордона, развивал скорость, мало уступающую скорости автомобиля. Его резиновые гусеницы мягко ложились на дорогу, подбрасывая танк на вырытых снарядами ухабах. Дик и Джонни молчали. Они приближались к позициям. Что-то звякнуло о броню — шальная пуля. Еще раз... еще...

Дик подал знак Джонни. Тот нажал рычаг — и перед ними опустился бронещиток с узкими прорезями. Дик сбавил скорость, вглядываясь в смотровые щели: они приближались к третьей линии окопов. Дороги уже не было. Танк, тяжело покачиваясь, сползал с бугорка, выбирая дорогу между глубокими воронками от разорвавшихся снарядов. Звон пуль стал чаще, но это не могло повредить танку, одетому в прочные доспехи.

Третья линия окопов... вторая линия... Дик уверенно вел танк в почти полной темноте, по-кошачьи вглядываясь вперед.

На первой линии окопов отдельные удары пуль слились в сплошной звон. Казалось, целый полк выбрал танк своей целью и упорно стреляет в него из винтовок. Танк медленно полз вперед.

Вскоре танк оказался в мертвой зоне, между двумя линиями окопов. Со скрежетом он ломал своим тяжелым корпусом проволочные заграждения, продвигаясь все дальше и дальше. Резкий удар заставил Джонни вздрогнуть: в танк попал небольшой снаряд. Он ударил под углом и поэтому срикошетил в сторону, лишь поцарапав броню.

Вдруг в глаза Дика ударил ослепительный свет. Зажмурившись, он отшатнулся назад.

— Проектор! — воскликнул он. — Нас нашел прожектор!

Он с трудом заставил себя снова взглянуть вперед. Сквозь узкие прорезы было видно, что танк приближается к советским окопам. И тогда Джонни, словно сквозь вату, услышал новый приказ Дика, всю странность которого он понял лишь позднее. Но он сразу бросился выполнять его: привычная дисциплина не позволяла терять ни минуты. Дик крикнул:

— Поднять пушки стволами вверх.

Джонни нажал на рычаги. Со скрипом, о котором Джонни только догадывался, потому что его не было слышно из-за грохота выстрелов, пушки поднялись к небу и застыли в таком положении. Со стороны это было удивительное зрелище: тяжелый танк медленно полз вперед, бессильно поднимая пушки вверх и напоминая человека, поднявшего руки...

— Дики, мы сдаемся? — прокричал Джонни.

Вместо ответа Дик Гордон левой рукой выхватил из кармана белый носовой платок и протянул его Джонни, взмахом руки показывая вверх, на бронированную башню. Джонни понял его без объяснений. С ловкостью обезьяны он пролез в башню, открыл верхний люк, прицепил платок к тонкому пулеметному шомполу и высунул шомпол с платком из башни. Он закрыл люк — шомпол остался наверху. Сердце Джонни колотилось с бешеной силой: они выбросили белый флаг... поверят ли советские окопы этому символу мира...

Лучи прожекторов освещали танк, его поднятые к небу пушки, белый платок на башне. Но, очевидно, в советских окопах им не поверили — обстрел продолжался. Впрочем, это было понятно: уже несколько раз танки специальных отрядов Первой армии подходили к советским окопам под защитой белого флага и в последнюю минуту, когда доверчивые красноармейцы прекращали огонь, танки разворачивались и пулеметным огнем косили целые части, разру-

шали выстрелами из пушек окопы. Теперь, как видно, красноармейцы уже не верили белому флагу...

Еще один тяжелый удар потряс танк: снаряд попал в башню. Он не пробил ее, взорвавшись снаружи. Но танк отбросило в сторону, и Гордон едва сумел выправить его.

В этот момент Джонни, припавший к узенькой ориентирной щели в башне, увидел, как из советского окопа медленно показался короткий и толстый ствол миномета. Направленный прямо на танк ствол постепенно поднимался из окопа. Миномет готовился к выстрелу, грозившему танку гибелью: тяжелая фугасная мина, попав в танк, пробила бы его броню, рассчитанную на пули и мелкокалиберные снаряды. Она пробила бы броню и уничтожила бы сам танк...

Все это промелькнуло в голове Джонни в течение какой-то доли секунды. Он отчаянно крикнул в переговорную трубу, соединявшую башню с водителем:

— Дики! Впереди миномет! Миномет!..

Но Гордон и сам заметил грозящую им опасность. До миномета, уже застывшего неподвижно, оставалось метров десять. Еще миг — и раздастся выстрел, конец...

Изо всей силы Дик нажал на рычаги. Танк взвыл, резко рванулся вперед и, почти сразу оторвавшись от земли, прыгнул в воздух. Дик нажимал на рычаги; Джонни, вцепившись руками в поручни, смотрел вперед. Танк описывал большой плавный полукруг, проносясь над минометом, который уже оделся белым облаком дыма. Джонни видел, как внизу, под танком, промелькнула черная сигара мины, направленная как раз в то место, где секунду назад находился танк...

Тяжкий удар о землю — и снова знакомое покачивание на колдобинах. Танк приземлился и вновь пополз вперед уже по ту сторону советских окопов. Дик повернул рычаг вниз. Танк остановился. Стало удивительно тихо, так тихо, что Джонни слышал чьи-то голоса. Казалось, они говорили на английском, — а может, Джонни только почудилось?..

Дик сидел неподвижно и ждал. Джонни не выдержал: ведь они шли под белым флагом.

Он отбросил верхний люк. Что-то резко ударило его по голове, резкая боль пронзила тело. Все дальнейшее Джонни мог лишь слышать. Он ничего не видел, контуженный осколком снаряда, попавшим в стенку башни. Но он не потерял сознания. Джонни услышал, как к танку подошли какие-то люди, как они осторожно позвали тех, что были в танке — его и Дика:

— Эй вы, кто там? Вылезай! Вздумаете шутки шутить и вам конец...

Заскрежетало железо. Наверно, это Дик открывал передний бронещит. Чей-то голос на чистом английском языке произнес:

— И чего ты сидишь там, внутри... Ну, вылезай, покажись... Товарищ, ну-ка, посвети на него...

Несколько секунд длилась тишина — и вдруг Джонни услышал знакомый радостный голос. Кто это?.. Дик? Нет, кто-то другой... Но кто именно — Джонни не мог вспомнить.

— Ричард Гордон? Дик? Вот так неожиданность! Ну, вылезай скорее, я хочу тебя расцеловать! Товарищи, это же Дик Гордон собственной персоной, знаменитый изобретатель. Дики, здравствуй! Ах, как хорошо, что ты перешел к нам и что мы тебя не убили миной... А Джонни где? Неужели остался там?..

Джонни очень хотелось крикнуть, что он не остался «там», наоборот, он здесь, он слышит, он хочет сказать это... Но говорить он был не в силах. Голос Дика Гордона, взволнованный и прерывающийся, ответил:

— Здравствуй, Том... здравствуй!..

Так, значит, это Том Даунли встретил их здесь?.. Вот кто разговаривает с Диком!

Голос Дика продолжал:

— Джонни здесь... он в башне... с ним, видимо, что-то случилось...

Кто-то полез на башню. Чьи-то крепкие руки подхватили Джонни и вытащили его из танка через боковой люк. Холодный воздух взъерошил волосы Джонни. Сознание куда-то проваливалось, и вместе с ним проваливались го-

лоса, которые становились все тише; по крайней мере — так казалось Джонни, еще успевшему услышать взволнованный голос Тома Даунли:

— Джонни, миленький мой, что с тобой?..

Второй голос, успокаивая, ответил:

— Нет, все в порядке. У него легкая контузия. Через полчаса очнется, тогда и поговорите.

Но этого Джонни уже не слышал. Все покрылось мягкой ватой, и в ней утонули голоса. Однако Джонни почувствовал, как радостная улыбка тронула уголки его губ — радостная, счастливая улыбка человека, который добился осуществления своей мечты и теперь может бездумно и спокойно отдохнуть...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ АРМИИ

Генерал Морис Ренуар ничего не знал о бегстве Дика Гордона и Джонни Уолтерса, да и не до того ему было сейчас. С середины ночи генерала Ренуара захватили другие неожиданные события, которые разворачивались с невероятной быстротой.

Никто в штабе этой ночью не ложился спать, все отделы готовились к сложным утренним операциям. Беспрестанно звонил телефон, военная штабная радиостанция неутомимо пересылала и принимала радиопеши, приказы и рапорты. Телефонная линия, соединявшая штаб с центральным командованием Совета, была перегружена донесениями и информационными сводками.

В конце концов генерал Ренуар велел выключить телефон, чтобы избавиться от назойливых звонков, не дававших ему сосредоточиться на работе. С этой минуты все телефонные звонки поступали в комнату адъютанта, вызывавшего генерала только в случае крайней необходимости.

Стенные часы громко пробили три раза — утро сменяло ночь. Но за широкими окнами кабинета генерала Ренуара было еще совсем темно. Морис Ренуар дописал последние слова большого донесения Совету Заинтересованных Держав, в котором требовал немедленной поставки новой партии тяжелых танков и самолетов для усиления уже существующих частей.

«Единственное оружие, на которое в сложившихся условиях можно положиться — это машина, — писал генерал Ренуар, — она может действовать и против врага, и против разложенных внутренней агитацией частей, силой поддерживая в них строгую дисциплину...»

Он отложил перо: можно было передохнуть несколько минут. Усталыми глазами генерал еще раз взглянул на часы: близилось утро. Он поднял руки и встал из-за стола, мед-

ленно потягиваясь: все тело ныло, крайне утомленное работой. В ту же минуту резко задребезжал звонок телефона. Генерал нахмурился: опять!..

Раздраженно взял трубку:

— Слушаю. Что нужно?

Встревоженный голос прокричал из трубки:

— Генерал Ренуар! Мне нужен генерал Ренуар!..

— Это я. Что нужно?

— Господин генерал, говорит начальник центральной радиостанции. Срочно нужна ваша помощь. Мы не можем работать. Вокруг...

Голос оборвался. В трубке что-то затрещало, зашуршало — и смолкло. Генерал злобно нажал на рычаг аппарата:

— Ч-черт! Что случилось? Центральная? Кто это? Алло, центральная! Алло!

Телефон молчал. Генерал нажал кнопку звонка и не отпускал ее, пока не вбежал адъютант, застывший на пороге живым воплощением вопросительного знака.

— Что случилось с центральной радиостанцией? У меня почему-то замолчал телефон.

Адъютант беспомощно развел руками:

— Я знаю только, что начальник станции настойчиво требовал предоставить ему возможность переговорить лично с вами, господин генерал... Так что мне пришлось, волею-неволей, включить телефон...

— Немедленно распорядитесь, чтобы мне починили аппарат. А пока пошлите ординарца на станцию — узнать, что произошло. Позвоните и вы туда. Что там случилось «вокруг»?..

Адъютант вышел из кабинета, но вернулся через минуту:

— Разрешите доложить, господин генерал, телефонные аппараты не работают во всем штабе...

— Что? Вы бредите?

Адъютант развел руками:

— Видимо, что-то случилось на телефонной станции..

Генерал Ренуар стукнул кулаком по столу:

— Под вашу ответственность: немедленно все починить! Принять все меры! Пришлите ко мне начальника связи...

Генерал не закончил: он увидел, что остолбеневший адъютант смотрит в окно за его спиной. Морис Ренуар быстро оглянулся: в бледном сером свете рассвета было видно, как по площади, на которую выходили окна кабинета, бежали солдаты. Откуда-то донеслись еще далекие звуки винтовочных выстрелов. Неожиданно звякнуло стекло в окне: шальная пуля пробила его и ударилась о стену...

Генерал Ренуар замер от неожиданности: что это? Что происходит? Неужели нападение? Но откуда?..

Он не успел произнести ни слова. В кабинет вбежал начальник связи. Он бросился к генералу и истошно закричал:

— Измена! Военные части, окружающие район штаба, охвачены восстанием! Бунтовщики под предводительством коммунистов захватили радиостанцию и телефонный узел. Штаб отрезан от прочих частей...

Вслед за ним в комнату вбежал бледный лейтенант Гагарин. Он остановился у двери и отрапортовал:

— В штаб успел прорваться ординарец с авиабазы. Он докладывает, что база захвачена повстанцами. Крупные отряды движутся к штабу...

Выстрелы из винтовок зазвучали ближе. В ответ возле самого штаба затрещал пулемет. Начальник связи бросился к окну:

— По моему приказу специальный отряд обороны занял позиции перед штабом...

За окном светало. Генерал Ренуар видел, как из сходящихся к площади улиц выбегали вооруженные солдаты, все время оставаясь под прикрытием домов. Они бежали, останавливались, припадали к земле, целились из винтовок, стреляли и бежали дальше. Выстрелы сливались в непрерывный грохот. Пулеметы резко трещали — и было видно, как после каждой очереди падали выбегавшие из улиц солдаты.

— Пулеметы установлены у ворот штаба и в окнах первого этажа дома, — докладывал начальник связи, — кроме

того, окна первого этажа заняты снайперами с бронированными щитами.

Несколько пуль вдребезги разнесли оконное стекло. Генерал быстро отошел к боковой стене:

— Да, — медленно сказал он. — Значит, начинается последний акт этой комедии... Хорошо, примем участие и в нем!..

Снова распахнулись двери: шестеро солдат со значками снайперов на груди вошли в комнату. Вместе с ними вошел Райвола. Он также держал в руках винтовку.

— Позвольте использовать ваши окна, — обратился он к генералу Ренуару и, не дожидаясь ответа, сделал знак солдатам, которые тут же подбежали к окнам, поставили на подоконники бронированные щиты с прорезями для оружия и наблюдения и начали заряжать винтовки. Райвола сделал то же. Его всегда спокойное лицо на сей раз выглядело не таким уверенным, глаза опасливо озирались вокруг. Генерал проследил за его взглядом: в комнате было всего несколько человек, из них трое — он сам, Гагарин и начальник связи — не участвовали в обороне.

Подчеркнуто спокойным движением генерал Ренуар вытащил из кобуры свой маузер, проверил магазин и с легкой иронией сказал начальнику связи и Гагарину:

— Позвольте напомнить вам, господа, что сейчас каждый должен помочь в обороне. К оружию, господа, к оружию!..

В комнате раздались первые выстрелы: снайперы начали свою работу. Они спокойно выбирали жертву, целились и стреляли; и каждый их выстрел приводил к тому, что кто-то из солдат, осаждавших большое здание штаба, падал замертво. Генерал Ренуар внимательно следил за их действиями, удовлетворенно кивая головой. Однако повстанцы уже обратили внимание на опасные, угрожавшие им окна. Ливень пуль ворвался в комнату, с потолка и стен крупными кусками посыпалась штукатурка. Через полминуты пули ударили веером, оставляя на стене напротив окон серые пятна сбитой известки: восставшие солдаты начали обстреливать окна второго этажа из пулеметов...

Болезненный крик раздался в комнате: один из снайперов отшатнулся назад, схватившись рукой за голову. Между пальцами показалась кровь. Он упал на спину и больше не двигался. Никто не обратил на это внимания, кроме генерала Ренуара, который молча оттащил неподвижное тело в сторону и пополз на место убитого, к его щиту. Генерал спокойно просунул ствол маузера в щель бронированного щита и прицелился.

В этот момент он почувствовал, что к его плечу прикоснулась чья-то рука. Генерал оглянулся: это был Райвола.

— Господин генерал, я не могу вам этого позволить. Позиция у окна слишком опасна. Мы не имеем права рисковать вашей жизнью...

Генерал равнодушно, даже слишком равнодушно махнул рукой:

— Бросьте эти разговоры, мой друг! Сейчас здесь нет генерала. Я такой же солдат, как и те, кто сражается рядом со мной против этих...

Он не закончил фразу. Но его мысль была ясна по презрительному жесту руки, указывавшей на окно. Пули снова веером ударили в стену. Но в ответ снайперы дали залп из винтовок, выбрав целью пулемет повстанцев. Пять пуль одновременно попали в пулеметчиков, которые имели неосторожность не спрятаться за бронированные щиты. Трое пулеметчиков упали. Пулемет замолчал. Никто из мятежников не осмеливался приблизиться к нему, зная, что смельчака ждет пуля снайперской винтовки.

Лейтенант Райвола, используя передышку, осторожно переполз к боковой стене, возле которой находился ящик с патронами. Стоя на коленях, он открыл ящик и начал доставать оттуда жестяные коробки с патронами. Первая коробка, вторая, третья... И снова ударили пулеметы: повстанцы установили где-то еще несколько и начали обстрел всех окон. В комнате повисла серая пыль от разбитой штукатурки; смешиваясь с пороховым дымом, она не давала дышать, мешала что-либо разглядеть, хотя на улице уже совсем рассвело. На крышах домов играли первые лучи утреннего солнца.

Еще несколько раз ударили пули, круша стены и мебель в кабинете. Пули отскакивали от стен, рикошетили и проносились по комнате в разных направлениях. Внезапно этот дождь пуль прекратился — и генерал Ренуар услышал, как позади него тяжело рухнуло на пол человеческое тело. Он оглянулся — и почувствовал, как кровь отхлынула от лица и задрожали руки...

Лейтенант Альберт Райвола лежал на боку возле ящика с патронами. Казалось, его глаза смотрели куда-то мимо генерала, а на всегда спокойном лице застыла конвульсивная гримаса — неподвижная маска смерти. Из его виска медленно текла вниз тоненькая струйка крови...

— Убит... убит Райвола... — прошептал генерал Ренуар побелевшими губами. И вновь вздрогнул: что-то пронзительно зазвенело в комнате. Генерал с трудом понял, что звонит телефон. На четвереньках он дополз до стола и снял трубку. Полусидя на полу, генерал слышал из трубки:

— Алло, алло, это кабинет генерала Ренуара? Мне нужен лично генерал...

— Это я... — проговорил Морис Ренуар. Сумасшедшая мысль промелькнула у него: может — подоспела помощь?.. Может — в последнюю минуту подошли какие-то отряды, которые решили связаться со штабом, прежде чем ударить в тыл повстанцам и заставить их отступить?.. Однако первые же услышанные слова заставили генерала вновь склонить голову:

— Генерал Ренуар? Да? С вами говорит представитель революционного комитета шестой бригады Первой армии. Мы осадили штаб и захватили все базы и пункты штабного района. Предлагаем вам сдаться. Дальнейшая борьба совершенно бессмысленна. На здание штаба наведены пушки артиллерийской батареи. Если вы не сдадитесь — здание будет разрушено первым же залпом. Мы ждем ответа.

Голос умолк на секунду и заговорил снова:

— Генерал, поймите, что сопротивление вам ничего не даст. Сдавайтесь, и мы гарантируем вам жизнь. Вашу дальнейшую участь решит революционный суд, которому мы должны вас передать. Если будете продолжать защищать-

ся, мы не сможем гарантировать жизнь ни вам, ни кому-либо из тех, кто находится с вами в здании штаба...

И вдруг генерал ощутил приступ страшной ярости. Руки сами собой сжались в кулаки. Трубка, которую он продолжал держать возле уха, треснула. Генерал яростно выругался — громко, так, что оглянулись солдаты у окон, и ответил прерывающимся разъяренным голосом:

— Я не знаю... никаких революционных комитетов... мне не о чем с вами говорить... надеюсь, что сегодня же днем все предатели... все коммунистические агитаторы... такие, как вы... будут расстреляны..

Он бросил трубку на пол. Снова, схватив маузер, генерал бросился к окну и начал выпускать пулю за пулей, в бессильной ярости прибавляя при каждом выстреле:

— Да!.. да!.. да!..

Упал еще один снайпер, убитый слепой пулей, которая отскочила от одного из щитов и, крутясь в воздухе, попала ему в глаз. Генерал увидел, как место убитого занял Гагарин. Он был бледен как мел, губы что-то шептали. При каждом выстреле его лицо искажалось, словно от боли. Внезапно генерал услышал тяжелый грохот: на площадь выползли танки — тяжелые танки, вооруженные пушками. И на всех развевались красные флаги. Это не были советские танки: генерал узнал модели, которые еще совсем недавно он сам утверждал к производству...

Танки подходили, приближались, выстраиваясь широким полукругом против штаба и наводя на здание свои пушки. Еще минута — и черные стволы выплюнут огонь...

Отчаяние сжало сердце генерала Ренуара: он хорошо знал, что ни одна винтовка, ни один пулемет не смогут остановить движение этих тяжелых танков, повредить им, пробить их броню. Только специальные противотанковые пушки с бронебойными снарядами способны были вывести из строя этих чудовищ...

Приближался конец. Медленно поднимались стволы пушек, и каждая пушка выискивала свою цель. Винтовочная и пулеметная стрельба стихла. Стало тихо. Снайперы, оглянувшись на генерала Ренуара, медленно повернулись и ста-

ли отползать от окон. Один за другим они исчезли за дверью кабинета. Морис Ренуар равнодушно смотрел им вслед: нормальное, естественное явление — никакое живое существо не хочет ждать смерти под наведенным пушечным дулом... Он снова посмотрел на Гагарина: тот сидел у окна на полу и, закрыв лицо руками, стонал. Генерал Ренуар разобрал отдельные слова:

— Конеч... это гибель... приходит конец...

Несчастный на глазах терял рассудок. Морис Ренуар выпрямился, ему наконец стало стыдно за себя. Он взглянул в окно: танки стояли с наведенными пушками, но почему-то не стреляли.

— Да стреляйте же, в конце концов, стреляйте!.. — вырвалось у генерала.

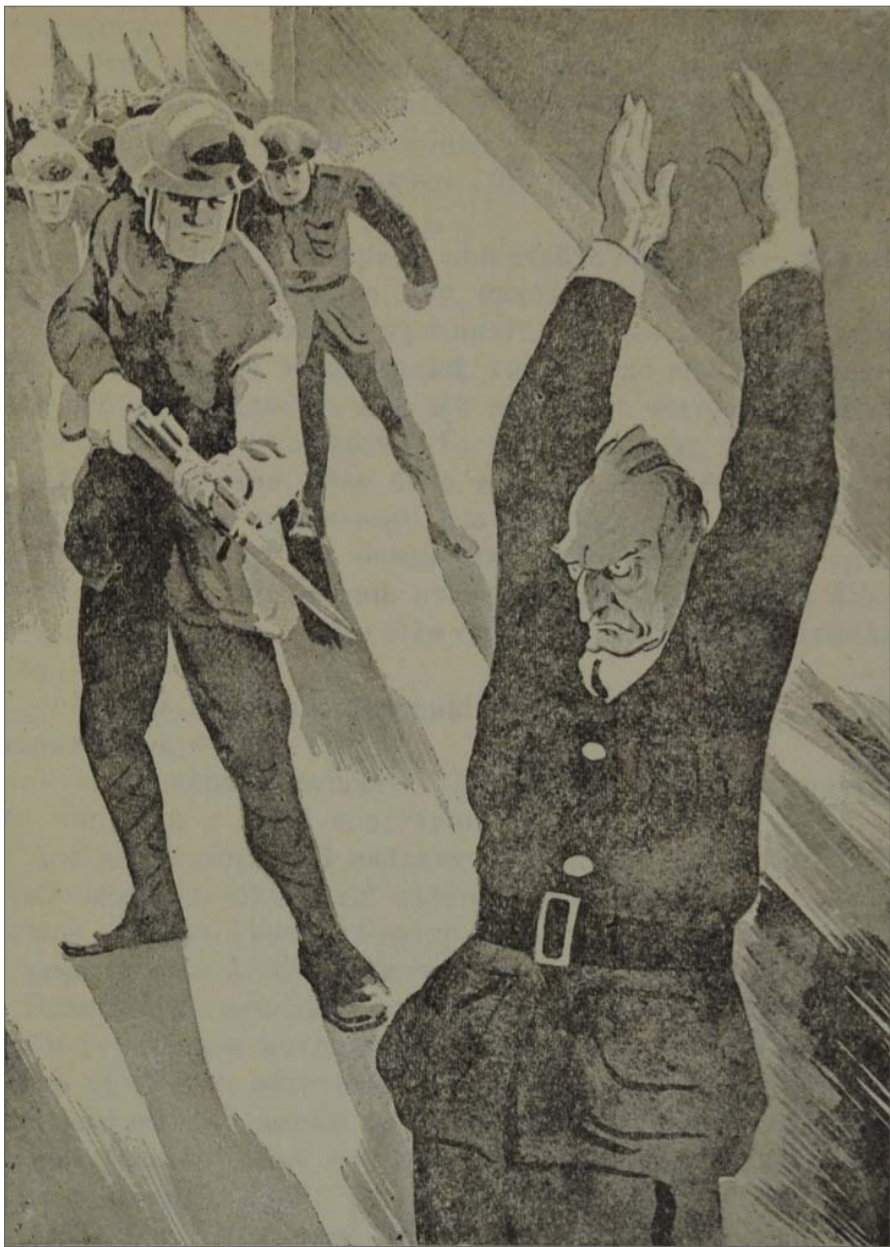
Танки молчали, наведенные на здание пушки застыли неподвижно.

Неожиданно послышались громкие возгласы в коридоре, внутри самого штаба. Стук, топот тяжелых шагов, выкрики — слились в дикий шум. Казалось, что по коридору мчится большая толпа людей. Прозвучал одинокий выстрел, показавшийся невероятно громким и раскатившийся эхом под потолком коридора.

И снова сумасшедшая мысль пронеслась в голове Мориса Ренуара:

«Помощь!.. Под видом восставших в танках подроспела помощь. Подкрепление соединилось с солдатами, оборонявшими штаб — и вот они вместе идут сюда! И он, генерал Ренуар, сейчас выйдет вместе с ними из этой ловушки, выйдет, чтобы снова работать, сражаться... разгромить бунтовщиков, а главное — коммунистов, которые ими руководят...»

В широко раскрытых дверях показались несколько солдат. Они держали перед собой винтовки. Но не это поразило генерала Ренуара, не грозные винтовки и револьверы, которые держали в руках солдаты, стоящие позади. Генерал увидел на груди солдат красные ленты, на фуражках и касках — красные повязки... Это были повстанцы!..

Удивительно, но генерал Ренуар подумал не о себе, не о своей судьбе, а невольно вспомнил большую картину, которую ему довелось когда-то увидеть. Называлась картина «Уличный бой в Петербурге». На ней были изображены такие же солдаты — и у тех солдат тоже были красные ленты на груди и красные повязки на фуражках...

— История повторяется!.. — прошептал генерал.

— Эй, господин генерал, руки вверх! — воскликнул один из солдат. Только тогда генерал Ренуар заметил, что он продолжает стоять с маузером в руке. Пустая... бесполезная игрушка...

Генерал разжал пальцы. Маузер с тяжелым стуком упал на пол.

— Так-то лучше, — сказал солдат. Сзади кто-то проговорил:

— Да чего с ним нянчиться? Шлепнуть его — и делу конец!.. Сколько людей сгубил!..

Но первый, который был, похоже, за главного, успокаивающе ответил:

— Есть приказ, товарищи, помните о приказе — доставить живым. Господин генерал, а ну-ка, выходите! Прошу.

Дикий крик пронесся по комнате. Генерал вздрогнул. Лейтенант Гагарин, точно обезумев, бросился к окну, пытаясь выскочить на улицу. Но он не успел: четыре выстрела одновременно прозвучали в кабинете, и Гагарин упал на пол, неестественно размахивая руками. Тело его дергалось, ноги и руки шевелились, словно у раненого паука, отвратительно и мерзко...

Генерал Ренуар невидящими глазами смотрел на него. Затем он медленно перевел взгляд на неподвижный труп Альберта Райвола возле стены. Райвола лежал там, где его остановила пуля.

— Конец... конец... завершается последний акт... — повторил про себя генерал.

— Ну, генерал, ступайте. Хватит уже! — строго повторил главный из повстанцев.

Но он сейчас же умолк. С площади в комнату ворвался могучий грохот моторов, словно в небе летел огромный

самолет. Главный подошел к окну. Генерал Ренуар смотрел ему вслед, невольно стараясь и сам разглядеть то, что происходило на площади.

Большая тень накрыла дома на другой стороне площади. Потом рокот моторов приблизился и на площадь медленно опустился огромный автожир. Он спускался абсолютно вертикально, все снижая скорость. На его корпусе генерал Ренуар ясно увидел большую красную пятиконечную звезду и буквы «СССР». Советский автожир?..

Да, советский автожир неторопливо опустился посреди площади. Большие лопасти горизонтального пропеллера еще двигались, негромко рокотал вращавший его мотор. И красная звезда, символ военной мощи Советского Союза, — смотрела прямо в глаза генералу Ренуару...

— Гости прилетели! — весело сказал кто-то позади.

— Советский самолет — ух, какая машина!.. И со звездой, видишь?.. — добавил второй.

Генерал Ренуар все еще смотрел в окно. Он увидел, как открылся люк в корпусе автожира, как в нем показалась высокая фигура в военной форме и фуражке — и на фуражке сияла такая же красная звезда. Фигура подняла руку, как будто приветствуя людей на площади — и сразу вся площадь загудела возгласами:

— Ура!.. ура!.. ура!.. Да здравствует... революция!.. Да здравствует... Советский Союз!..

Откуда-то появились красные флаги. А гул возгласов возносился все выше и выше, омывая снизу человека в военной форме, который стоял так же неподвижно с поднятой в приветствии рукой...

Все это видел генерал Ренуар. Страшное отчаяние охватило его, и, когда вновь раздался приказ идти, генерал Ренуар помертвевшими губами сказал:

— Позвольте взять фуражку... со стола... — он ужасно боялся, что кто-нибудь подаст ее. Но никто не двинулся с места. Тогда генерал сделал шаг к столу, взял свою фуражку, дрожащими пальцами нащупал под сукном маленькие округлые бока карманного браунинга. Он был здесь. И тогда генерал Ренуар резким движением выхватил из-под фу-

ражки браунинг и, стремительно поднеся его к виску, нажал на курок. Раздался сухой короткий выстрел. Фигура генерала Мориса Ренуара пошатнулась и тяжело упала на пол. Но прежде упал маленький блестящий браунинг, который выпустили мертвые пальцы генерала.

...С площади, заполняя комнату, где недвижно лежали мертвый генерал Ренуар и его помощники, неслись радостные, веселые возгласы огромной толпы бывших солдат Первой армии. Высоко вздымая красные флаги, солдаты приветствовали своих друзей, братьев, товарищей — представителей Красной армии великого Советского Союза, их общего социалистического отечества...

Харьков, 1933.

И. Щербина

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Капиталистический мир готовит новую империалистическую войну.

Мировой экономический кризис за 5 лет расшатал капиталистическую систему, неслыханно обострил классовую борьбу внутри капиталистических стран и противоречия между капиталистическими странами.

«Чрезвычайная напряженность и внутренних классовых противоречий в капиталистических странах и международных антагонизмов свидетельствуют о такой зрелости объективных предпосылок революционного кризиса, что в настоящее время мир уже вплотную подходит к новому туру революций и войн» (из постановлений XIII пленума ИККИ).

События последнего времени вполне подтвердили правдивость этого вывода Коминтерна. Борьба пролетариата Австрии, Франции, Англии и других стран против фашизма наглядно показала, что «идея штурма зреет в сознании масс», что классовые противоречия внутри капиталистических стран неслыханно обострились. И поэтому неудивительно, что в поисках выхода из нынешнего состояния капиталистический мир усиленно готовит империалистическую войну. Вопрос о переделе мира, об усмирении тыла жестокими мерами военного времени стоит перед империалистами, как первоочередной вопрос.

«Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний национализм в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств...

Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша. Дело явным образом идет к новой войне» (*Сталин*).

Фашизм и война — вот пути, которые, по мнению буржуазии, позволят капиталистическому миру выйти из экономического кризиса.

Безумный террор, беспощадная борьба с революционным движением, грабеж трудящихся, невиданный рост вооружений, — таковы практические пути осуществления современной политики империалистов.

Но если буржуазия избирает путь войны и фашизм, то пролетариат становится на путь пролетарской революции.

«Пролетариат не хочет диктатуры буржуазии ни в форме фашизма, ни в форме буржуазной демократии. Или диктатура пролетариата, или диктатура буржуазии, — так поставила вопрос история» (из тезисов агитпропа ИККИ к 15 годовщине Коминтерна).

Революционное движение в ряде стран, на ряде участков пока слабее, чем объединенные силы реакции. Но революционное сознание масс растет и, несмотря на стремление социал-фашистов сдерживать революционное движение, оно с каждым днем усиливается.

Основной лозунг, которым руководствуется пролетариат всего мира — это лозунг борьбы за советскую власть, за свержение капитализма и установление пролетарской диктатуры.

Гигантские успехи социалистического строительства СССР в условиях голода, безработицы, обнищания трудящихся масс в капиталистических странах с особой силой и убедительностью доказывают превосходство социалистической системы над капиталистической. Наша страна каждым своим успехом революционизирует трудящихся всего мира, показывает пути, которыми они должны идти, чтобы навсегда избавиться от капиталистического ига.

В 1933 году промышленность основных капиталистических стран стала понемногу оправляться и подниматься. Это следствие усиления эксплуатации рабочих, следствие ограбления крестьянства, колоний и экономически слабых стран, следствие разворачивания военной промышленности, на развитие которой капиталистические страны бросают огромные средства. Это отнюдь не означает возможности наступающего подъема промышленности в капиталистических странах.

«Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому

подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка» (*Сталин*).

Итак, современное состояние капитализма особенно ярко доказывает всю его расхлябанность, гниль.

А между тем неслыханными темпами растет отечество трудящихся всего мира — СССР.

Руководимая коммунистической партией и ее ленинским ЦК во главе с величайшим человеком современности, великим вождем партии и мирового пролетариата т. Сталиным, наша страна добилась небывалых успехов на всех участках социалистического строительства. В нашей стране социалистический строй является теперь безраздельно-господствующей и единственно-управляющей силой во всем нашем народном хозяйстве. Наша страна, из отсталой в техническом и экономическом отношении, окончательно превратилась в страну передовой техники, «страна наша стала прочно и окончательно индустриальной страной» (*Сталин*).

СССР — страна большой, технически передовой промышленности, которая является материальной базой социализма, основой реконструкции целого народного хозяйства.

Большевистская партия организовала одну из самых ярких побед первой пятилетки — победу колхозного строя в деревне. Многомиллионные массы крестьянства, руководимые пролетариатом и его партией, прочно стали на путь социализма. На основе сплошной коллективизации разгромлено кулачество, остатки которого мы добиваем окончательно.

Только в Советском Союзе «уверенно и радостно смотрит каждый рабочий и колхозник на свое будущее, предъявляя все более повышенные требования к знанию и культуре» (из резолюции XVII съезда ВКП (б) по докладу т.т. *Молотова* и *Куйбышева*).

Среди капиталистических стран, «среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны

и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха» (*Сталин*).

Наши успехи социалистического строительства, революционизирующая роль СССР для трудящихся всего мира не могут не вызвать дикой ярости у капиталистических хищников. Готовя новую империалистическую войну, мировая буржуазия прежде всего прилагает все силы к тому, чтобы организовать контрреволюционный поход на Советский Союз. Шумные речи Розенбергов, суэта российских и украинских белогвардейцев за рубежом, провокация японского империализма — все это достаточно ярко свидетельствует о необходимости быть всегда наготове, о необходимости укреплять и повышать обороноспособность СССР.

Огромную роль в деле подготовки нашей страны к обороне должна играть художественная литература. Одна из важнейших ее задач — раскрыть тайну войны, показать характер и особенности будущей войны, мобилизовать трудящихся на большевистское освоение боевой техники, которой оснастила Красную армию наша социалистическая промышленность.

К большому сожалению, о предстоящей войне в нашей советской литературе почти ничего не написано. «Война» Тихонова — только начало обработки этой огромной, слишком серьезной и важной темы. Поэтому нужно особенно приветствовать новое произведение тов. Владко «Аэроторпеды возвращаются назад». Писателю удалось глубоко и художественно убедительно показать особенности будущей войны, как войны техники и вместе с тем дать острый ответ теориям Фулера и других сторонников «войны машин» без массовой армии. Писатель совершенно правдиво показал, что воюют люди, и не только сидящие в танках или самолетах, но и те, кто изготавливает танки и самолеты. Проблема взаимоотношений армии и тыла показана тов. Владко достаточно умело и убедительно.

Писатель не запугивает читателя мощной техникой империалистических армий, но, вполне трезво и правдиво освещая лихорадочные приготовления капиталистического мира к войне, рост вооружений империалистов, вместе с тем противопоставляет их силе — революционные силы и могущество техники нашей рабоче-крестьянской Красной армии.

«Аэроторпеды возвращаются назад» — произведение, интересное не только тем, что в нем ставятся весьма актуальные вопросы современности. Писатель решает их по-новому, художественно оформив богатейший публицистический материал о буду-

щей империалистической войне и подготовке контрреволюционного нападения на СССР.

«Аэроторпеды возвращаются назад» — произведение, насыщенное нашей большевистской правдой о классовой борьбе, о том, что для трудящихся капиталистических стран существует единственный выход из неволи — это путь непримиримой борьбы, путь превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Новое произведение тов. Владко — серьезный и ценный вклад в советскую художественную литературу, хоть оно имеет и немало недостатков, о которых, как и о положительных чертах, необходимо знать читателю. Основное упущение — недостаточно глубокое отражение классового расслоения, которое происходит и будет происходить в капиталистических странах в результате империалистической войны, недостаточно яркий показ роста революционного движения, борьбы коммунистических партий за созревание в сознании масс идеи штурма.

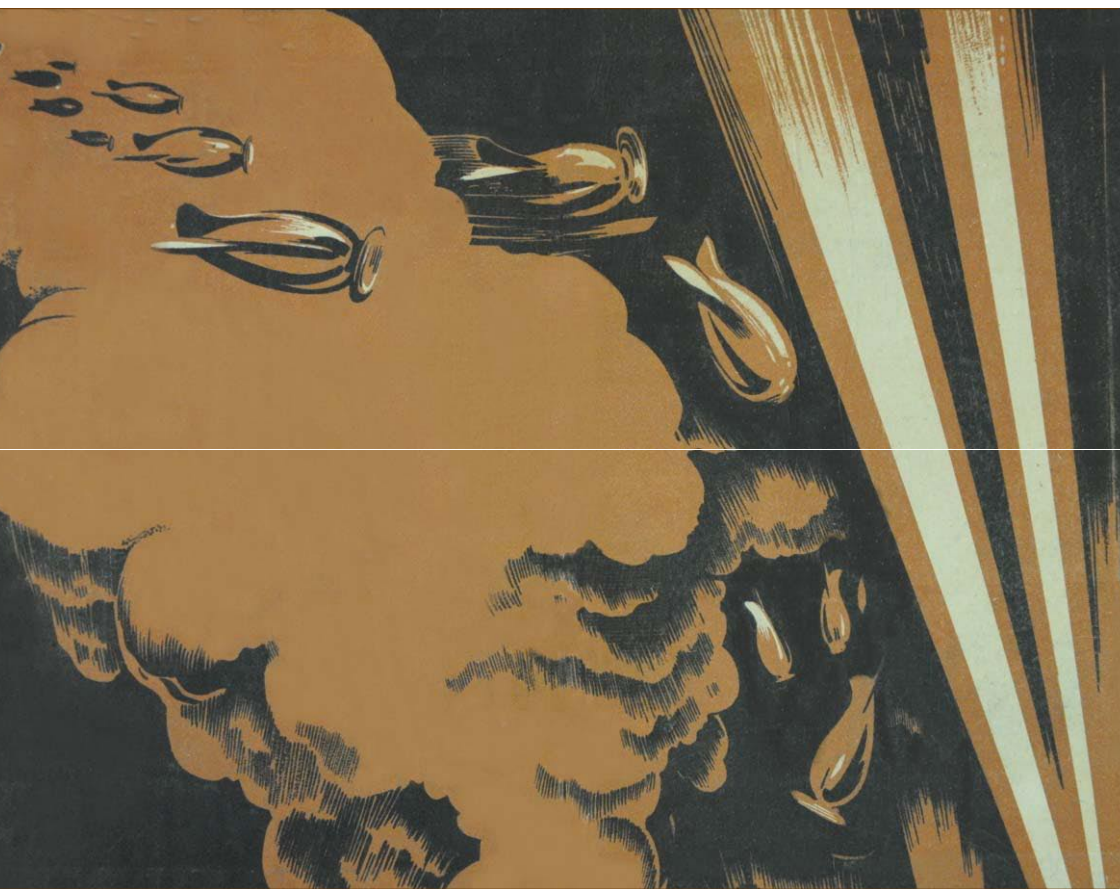
Писатель не нашел также нужных красок для отображения идейной большевистской вооруженности Красной армии, для показа ее героических бойцов и командиров, руководимых коммунистической партией и ее ленинским ЦК.

Есть в романе художественные срывы (сухая, иногда публицистическая речь, неудачная обрисовка некоторых персонажей романа и т. д.).

Недостатки романа серьезны. Но они не снимают общей оценки произведения тов. Владко, как произведения нужного и ценного.

Можно только пожелать, чтобы, переиздавая роман, писатель еще поработал над ним.

И. Щербина

Комментарии

Задумывая фантастическую повесть о войне СССР с коалицией капиталистических держав, будущий классик украинской и советской фантастики Владимир Владко (Еремченко, 1900/1901-1974) вряд ли смог бы предугадать фантастическую судьбу своего произведения.

Начато оно было, судя по всему, в 1932 или в первые месяцы 1933 г. Уже в № 3 журнала *Піонерія* за 1933 г. появился отрывок под названием «Танки з повітря» («Танки из воздуха»). Редакционное предисловие к публикации гласило:

Новая научно-фантастическая повесть «Аэроторпеды возвращаются назад», над которой работает сейчас В. Владко, посвящена теме будущей войны мирового капитализма против СССР. Отрывок, который мы помещаем здесь, описывает один из эпизодов этой войны — контрнаступление частей Красной армии против врага. Полностью, отдельной книгой, повесть будет напечатана издательством «Молодой большевик».

На протяжении 1933 г. Владко опубликовал еще два отрывка из книги — «Загибіть ескадри» («Гибель эскадры») в №№ 5-6 журнала *Знання та праця* и «Поразка генерала Древо́ра» («Поражение генерала Древо́ра») в № 12 того же журнала. В 1934 году в № 15 журнала *Всесвіт* был опубликован еще один отрывок, «Аероторпеди повертають назад» («Аэроторпеды возвращаются назад»).

В издательстве «Молодой большевик» повесть, превратившаяся тем временем в роман, так и не вышла. Вместо этого книгу Владко принял к изданию харьковско-одесский «Дитвидав». Однако уже набранный, снабженный иллюстрациями В. Невского и осторожным послесловием И. Щербины роман подвергся стремительному и загадочному запрету. Неясно — то ли под нож пошел весь 10-тысячный тираж книги, то ли набор был рассыпан на стадии печати. Уцелели лишь несколько (вероятно, сигнальных) экземпляров, о которых будет сказано ниже.

О причинах запрета сегодня можно только гадать. Но стоит припомнить, что главными противниками СССР в будущей войне выступают в романе Владко прозрачно «зашифрованные» Великобритания (Великосаксия) и Германия (Швабия), о свастиках на иллюстрациях и резком осуждении не только трактуемого в

коминтерновском духе фашизма, но и гитлеровского национал-социализма. Эти особенности романа можно сопоставить с внешнеполитическими событиями: в феврале 1934 г., после долгих и сложных переговоров, Советский Союз наконец подписал важнейший торговый договор с Англией; одновременно Москва прощупывала возможности завязать более тесные отношения с новой – нацистской – Германией. Именно по внешнеполитическим причинам публикация подобного романа в 1934 г. могла быть сочтена нежелательной.

Могли сказаться и «художественные срывы», о которых упоминает Щербин, и более серьезные огрехи: как сказано в послесловии, «писатель не нашел <...> нужных красок для отображения идейной большевистской вооруженности Красной армии, для показа ее героических бойцов и командиров, руководимых коммунистической партией и ее ленинским ЦК». Дополнение напрашивается: в романе совершенно не отражена и личная роль «величайшего человека современности, великого вождя партии и мирового пролетариата» И. Сталина, чье имя появляется только в эпиграфе.

Но Владко было что «предъявить» и помимо этого. Роман его написан в «ворошиловско-коминтерновской» парадигме, развитой во второй половине 1930-х гг. Н. Шпановым («Первый удар»), П. Павленко («На Востоке») и иже с ними: война будет вестись «малой кровью» на территории врага и вызовет социальную революцию в стане противника, которая упростит и облегчит путь к победе. Книга довольно адекватно отразила состояние военной мысли эпохи, некоторые представления командования Красной армии и те дебаты, какие велись, например, вокруг взаимодействия родов войск и роли в будущей войне кавалерии, бронетанковых сил или бомбардировочной авиации. Однако в главном Владко дал маху: ворошиловская доктрина в романе выдержана не до конца. Владко допускает не только тактические поражения и отступление Красной армии в глубь страны (схожие допущения Павленко были встречены критикой со стороны читателей), но и уязвимость внутренних территорий СССР, лишь частично защищенных от воздушных налетов и неподготовленных к бактериологической войне, и полное отсутствие у Советского Союза значимого военно-морского флота (в гл. 19 романа «создавать большой военный флот СССР» плывет восставшая «великосакская» эскадра).

Не вдаваясь в дальнейший анализ романа, к чему мы надеемся вернуться, скажем одно – как бы то ни было, инцидент с запуском книги никак не сказался ни на писательской карьере Влад-

ко, ни, по всей видимости, на издательстве, которое продолжало широко печатать произведения фантаста. Только в 1935-1936 гг. в «Дитвидаве» и других издательствах Владко опубликовал повесть «Чудесный генератор», роман «Аргонавты Вселенной» (каждое из этих произведений вышло в эти годы двумя отдельными изданиями) и, наконец, книгу «Дванадцать оповідань» («Двенадцать рассказов», 1936) – шесть из которых представляли собой переработанные главы из опального романа. Любопытно, что Владко, убрав в переработанных вариантах все упоминания о фашизме, снабдил героев откровенно немецкими именами и фамилиями, позволив себе и более откровенный намек – командиром эскадрильи вражеских истребителей он назначил «полковника Гитлова». Приведем список этих рассказов в порядке их появления в книге:

«Аероторпеди повертають на Захід» («Аэроторпеды возвращаются на Запад»)

«Загибель ескадри» («Гибель эскадры»)

«Помилка генерала Штрассера» («Ошибка генерала Штрассера»)

«Кулемет і снайпер» («Пулемет и снайпер»)

«Крижаний наступ» («Ледяное наступление»)

«Ім'ям Ради матроських депутатів» («Именем Совета матросских депутатов»)

В 1937 г. в журнале *Піонерія* (№ 7, 1937) был опубликован рассказ «Танк МТ-77», в котором прежние тяжелые «прыгающие» танки Дика Гордона превратились в легкие танкетки, вооруженные огнеметами и скачущие, словно блохи, во всех направлениях.

В 1939 г. Владко вновь вспомнил о романе, откуда извлек и переработал еще одну главу: так в газете *Соціалістична харківщина* (соответственно, 24 июля и 11 сентября 1939 г.) появились тексты «Стальні москіти» («Стальные москиты») и «Танк МТ-77», оба с подзаголовком «Епізод майбутньої війни» («Эпизод будущей войны»). Эпопея с публикацией переработанных глав романа завершилась лишь в 1941 г., когда в библиотечке *Фронт і тил* издательства «Радянський письменник» 10-тысячным тиражом были переизданы «Стальные москиты» (с подзаголовком «Рассказ-пролог»).

Учитывая количество этих публикаций, вызывает немалое удивление тот факт, что в лучших работах, посвященных весьма специфической ветви литературы, которую различные авторы име-

ную «советской военной фантастикой», «военной футурологией» или «советской военной утопией», о вкладе Владко не говорится ни слова. Между тем, его роман существенно опередил тех же бесконечно муссируемых Павленко и Шпанова и представляет собой бесспорную классику данного поджанра, а нынешняя его публикация заставляет нас по-новому взглянуть на сложившуюся историю советской военной фантастики.

В некоторой степени исследователей оправдывает ключевое обстоятельство: роман «Аэроторпеды возвращаются назад» не упоминался в советской библиографической литературе и долгие годы считался неопубликованным либо утерянным (с другой стороны, взаимосвязанные произведения Владко оставались все это время вполне доступны и никак не должны были игнорироваться). Однако еще в 1991 г. в № 1 журнала *Наука-Фантастика* А. Яроменок сообщил в статье «Той, що небо підпирає: К 90-річчю В. М. Владка» не только о существовании романа, но и его печатного экземпляра:

И еще об одном малоизвестном факте из творческой биографии писателя. Незадолго до появления «Аргонатов Вселенной», примерно в 1934-1936 годах, был напечатан тираж еще одного романа Владко, «Аэроторпеды возвращаются назад». Произведение имело острую антифашистскую направленность. Но на беду, сталинский режим решил побрататься с Германией. Поэтому какие-либо намеки на нелюбовь к брату стали, мягко говоря, неприемлемыми. Тираж книги, понятное дело, был уничтожен. А когда праздновалось 60-летие Владимира Николаевича, академик Белецкий вручил юбиляру экземпляр этого злосчастного издания. Кто спас эту книгу – неведомо. Ныне этот уникальный экземпляр хранится в фондах Музея украинской литературы.

В настоящее время достоверно известно о существовании как минимум трех уцелевших экземпляров книги: два из них хранятся в частных собраниях украинских коллекционеров, третий, как сказано выше – в Национальном музее литературы Украины. Уникальная книга была впервые отсканирована и возвращена читателям В. Е. Настецким (Киев) в мае 2015 года, спустя 81 год после первой публикации. Владелец экземпляра пожелал остаться неизвестным.

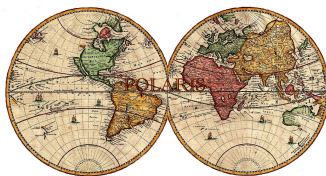
М. Ф.

Оглавление

1. Неожиданный пакет	10
2. В воздухе пахнет войной	20
3. Профессор-генерал Морис Ренуар	29
4. Торпеды ждут приказа	39
5. Аэроторпеды летят на Москву	52
6. Наступление прыгающих танков	66
7. Ошибка генерала Древера	78
8. Гибель эскадры	89
9. Да, необходима мобилизация	103
10. Сомнения Джонни Уолтерса	114
11. В сумраке дымовой завесы	124
12. Война охватывает мир	135
13. Пулемет и снайпер	145
14. Бомбы и радиоволны	159
15. Экспедиция Желтой империи	171
16. На сцену выходят бактерии	186
17. Морис Ренуар празднует победу	197
18. Я жду тебя, Джонни!..	210

19. Именем Совета матросских депутатов	224
20. Желтая империя выходит в тираж	235
21. Ледяное наступление	245
22. Камрады! Товарищи!	256
23. Путь честного человека	269
24. Конец Первой армии	280
<i>И. Щербина. Послесловие</i>	292
К о м м е н т а р и и	299

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.